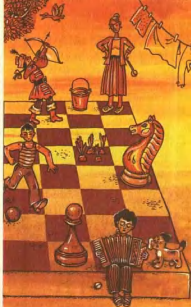
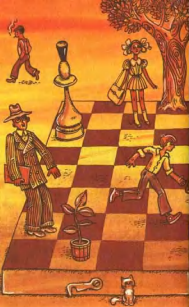

ГЕННАДИЙ
МИХАЙЛЕНКО

НЕУГОМОННЬЕ БЕЗДЕЛЬНИКИ

ПОВЕСТЬ
ГЕННАДИЯ
МИХА СЕНКО

НЕУГОМОННЫЕ БЕЗДЕЛЬНИКИ

КАЛУГА, «ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ», 1993

Художник Е. СМЕРНОВ

*Нине Куликовой и Боре Чупрыгину —
друзьям моего долгого отрочества*

Автор

УДАР ПОВАРЕШКОЙ

Я лежал на кровати и, разложив на стуле шахматную доску, разбирал партию Морфи — граф Изуар и герцог Брауншвейгский, когда меня что-то отвлекло. Я прислушался. В недрах прачечной, где мы жили, привычно гудели стиральные барабаны, за стенкой, в бельевом складе раздавались какие-то глуховато-тупые удары — тоже не новость... И вдруг — бум-бум! — в дверь, неуверенно и робко. Не пацаны, те так бумкают, что в буфете стаканы чокаются.

Нацепив штаны, я выскочил в темные, как погреб, сени и откинул крючок.

Передо мной залитая солнцем и точно из солнца отлитая стояла Томка, в розовом платье с желтым пояском и с ослепительно белой сумкой в руке. От неожиданности я попятился, зябко охватив свои голые плечи руками. Ведь Томка ни разу не заглядывала к нам, не стучала и даже мимо-то проходила торопливо, а тут... Она стояла у самой границы тени и света и, близоручко щурясь, вертела головой. Я понял, что меня ей не видно сквозь эту границу, и шагнул к порогу. Она шире открыла глаза и, не то усмехнувшись, не то вздохнув, сказала:

— Извини, что я тебя разбудила, по...

— Что ты! Я не спал! Думаешь, я такой засоня?

Михасенко Г. П.
М69 Неугомонные бездельники. — Калуга: Золотая аллея, 1993. — 176 с.

ISBN 5—7111—0056—4

Отважные борцы за справедливость, честные и добрые, помышляющие о рыцарски благородных поступках и совершающие их — таковы герои повести Геннадия Михасенко «Неугомонные бездельники».

ISBN 5—7111—0056—4

© «Золотая аллея» 1993

— У-у, все мальчишки засони! Я уже в магазин сбегала, а во дворе еще никого.

— Нет, я долго не сплю. Я это... партию разбирал... шахматную. Знаешь, какая мировая партия — не унешь!.. Ее сыграли сто лет назад... в парижской опере... на представлении «Севильского цирюльника»... в антракте, а кто-то же записал, не дураки были, — сынал я, не зная, о чем еще говорить, но тут сообразил, что о шахматах, пожалуй, хватит, и, кивнув в глубину нашей мрачной, как каземат, квартиры, откуда низом вытекал вязкий холод и куда верхом тянул теплый пастой двора, выпалил: — Заходи в гости!

Томка тряхнула головой, так что мотнулись туда-сюда уложенные двойной скобкой русые косицы, и закачала белой сумкой, которая то гасла, попадая в тень, то опять всыхивала на солнце.

— Нет, мне в магазин надо.

— Ты же сходила.

— Второй раз. Масло кончилось. Я вот что: девчонки просили передать, что они собираются ставить концерт и приглашают вас принять участие.

— Какие девчонки?

— Наши: Мирка, Нилка, Люська и... я.

— А-а... А что за концерт?

— Художественной самодеятельности, как в школе. И вот если вы согласны, то сегодня в три часа репетиция, у Куликовых.

— Хм... А всем пацанам передали?

— Только тебе, ведь ты у них главный, — сказала Томка и снова не то вздохнула, не то усмехнулась.

Замечание насчет главного мне понравилось, и я уверенно проговорил:

— Ну, ладно... А что делать-то?

— Что хотите... Пойте, пляшите, стихи читайте... Ты вон на руках умеешь ходить — пройдешься по сцене на руках, — Томка откровенно рассмеялась, повернулась и не прыгнула с крыльца, как все мы делали, а сошла, хотя там было две с половиной ступеньки.

Она удалялась, почти не двигая ногами, уплывала, как какой-то солнечный парус по нашему захламленному

двору. Вот скользнула за садик, еще раз мелькнуло за планками белое и — все.

Шмыгнув глазами и убедившись, что никто не видел нашего свидания, я захлопнул дверь и, счастливый, запрыгал по комнатенкам, насвистывая про пыльные тропинки далеких планет, где останутся наши следы. Я любил Томку! И улавливал иногда и в ней ответные симпатии, но какие-то вялые и туманные, а тут — сама постучала! Значит, дело у нас пойдет на лад!

Я бухнулся в постель доигрывать партию Морфи — граф Изуар и герцог Брауншвейгский, но в голове было так светло и весело, что даже эта знаменитая партия показалась мне вдруг скучной, а комната — страшно темной и холодной. На солнце надо! На воздух! Может, еще раз увижу Томку в розовом платье с желтым пояском, когда она будет возвращаться из магазина.

Я живо оделся и выскочил на крыльцо, прихватив шахматы и сборник задач шахматного композитора Шумова, чтобы не просто сидеть и пялить глаза. Рассыпав фигуры, я начал искать задачу попроще — сильно ломать голову не хотелось. У задач были странные названия: «Он не в своей тарелке». «Сердечное похождение белой дамы», «Ричард Львиное Сердце». Я выбрал трехходовку «Меч Дамоклеса» — белые действительно нависали мечом над одиноким черным королем, а рядом были стихи:

Война! Война! Кто думать мог?!
Меч Дамоклеса, как злой рок,
Висит над черным королем.
За что ж мы с ним войну ведем,
За что грозим со всех сторон?
Ужель за то, что черен он...

Расставив фигуры, я задумался.

Подошел Борька, мой самый лучший друг и постоянный, но слабоватый противник по шахматам, молча уселся напротив и тоже задумался. Он был косорот, но не уродливо и не от рождения, а немного, от привычки просмеивать все и вся, даже в глазах — готовность снисходительно усмехнуться.

Дернув губами, Борька поднял голову и сказал:

— Спорим, что вон до того забора двадцать метров!

Я оглянулся на забор, которым замыкался наш двор, и буркнул:

— Чего спорить, и так двадцать.

— А спорим, что не двадцать!

— Иди ты со своими спорами... Думай вон лучше над задачей.

— Трудно.

— Какое же трудно?.. Смотри — черному королю ходить некуда и шаха нет, значит, белые должны дать ему поле. В этом идея... Только какое поле?.. И как дать?

— Дай как-нибудь... А спорим, что вот этот воробей перелетит сейчас на трубу!

Над нами на проводе сидел воробей, раскачиваясь и делая вид, как клоун в цирке, что вот-вот свалится, но сам держался крепко, словно привинченный.

— Почему именно на трубу? — спросил я.

— Ну спорим!

Тут воробей вспорхнул и волнами полетел вдоль двора, потом перемахнул крышу и пропал где-то в тополях.

— Вот тебе и труба! — сказал я.

— Если бы поспорил, он бы сел, — оправдался Борька. — А спорим, что я вот этим камушком попаду вон той кошке в правый глаз!

Это была кошка тети Шуры-парикмахерши, жившей против нас. Кошка была белая и пушистая, словно клок чистой мыльной пены. Нехотя шевеля мохнатым, как гусеница, хвостом, она нежилась на солнце метрах в десяти от нас.

— Не попадешь, — сказал я.

— Ага-а! — обрадованно протянул Борька и, прицелившись, кинул шлаковый камушек.

Не знаю, в глаз или нет, но в голову кошачью он попал. Фыркнув, кошка подпрыгнула и выгнулась распушенным коромыслом, занеся лапу для ответного удара, но, не обнаружив противника, удивленно попятилась и с мяуканьем взметнулась на крыльцо.

И тотчас за окном мелькнула большая серая фигура хозяйки. Мы, судорожно сграбастав доску и теряя фигуры, скрылись в наших сениях, прислушиваясь к запоздалому грому.

— Ах вы, негодяи! — шумела тетя Шура-парикмахерша. — Думаете, я не слежу за вами?.. Кошка им помешала, лохматым чертям!.. Кс-кс-кс, иди сюда, Машенька!..

И все быстро стихло, а не сбегли мы — ругани хватило бы на полчаса.

Борька рассмеялся, крутнувшись на месте, и победоносно проговорил:

— Проспорил?

— А может, ты не в правый глаз попал, а в левый.

— Все равно метко. Давай.

Я подставил затылок, и он врезал мне такой щелчок, что я, охнув, мигом вдруг проголодался. Пока я разделялся с завтраком, а Борька, корча рожи, рассматривал себя в самоваре, явился Юрка, тоже один из лучших моих друзей. Глаза его кукольно и как-то патужно круглились, рот был морщинисто растянут, как кисет дяди Ильи, кочегара нашей прачечной, и из этих морщин чудовищно черным языком свешивалась плоская волейбольная камера, которую Юрка стал тут же надувать. На ее боку светлела, все увеличиваясь, свежая заплатка — это тетя Шура-парикмахерша проткнула позавчера мяч ножницами, а Юрка заклеил дыру.

— Хорош, держит! — остановил я Юрку, когда камера, точно при затмении, заслонила его круглую голову.

Пока мы разыскивали нашу бедную покрывку, которая от починок стала овальной, как яйцо, и отскакивала от ладоней в самые неожиданные стороны и пока потом палаживали мяч, я думал, сейчас или позже передать пацанам предложение девочек о концерте, и умолчал-таки — уж очень сладко таить новость, зная, что в любой момент можешь одарить ею друзей.

Когда мы выскочили во двор, тетя Шура-парикмахерша уже стояла на крыльце, чем-то смазывая руки. Она была низенькой и толстой. Все на ее лице было тяжелым: набрякшие веки, мешки под глазами, отвисшие, точно со свинчатками внизу, щеки, и только губы одни выгибались вверх, напряженно, точно держали на себе всю эту тяжесть. Тете Шуре не в парикмахерской работать, а играть в театре гоголевского Вия. Я ей когда-нибудь скажу это. Пусть вот еще раз цапнет наш мяч и пырнет его ножни-

цами! Я ей все выложу! Подумаешь, клумба, кошка! Тут люди, может быть, погибают!

Чтобы не рисковать мячом, мы, как голуби, которым помешали сесть, круто повернули и полетели в глубь двора, в другой конец, откуда нас тоже турнут наверняка, но хоть на лету потешимся!..

Против садика Ширминых был пятачок, где можно было бы попасоваться, но тут нам не только играть — останавливаться запрещалось, чтобы не соблазниться ранетками в садике Ширминых. И мы не останавливались — не запрета боялись, а овчарку Рэйку, которую при нашем появлении торопливо выводили на прогулку. А что касается ранеток, то пусть созреют, а там посмотрим.

Я свистнул, катнул мяч Борьке и заверещал в кулак, как в микрофон, подделываясь под гундосую вокзальную дикторшу, голос которой то и дело доносил до нас ветерок:

— Внимание! Внимание! Начинаем репортаж из двора «Пяти балбесов». Сегодня здесь встретились наши старые знакомые: Борис Чупрыгин и Юрий Бобкин. А я, Владимир Кудыкин, как дурак, бегу за ними с микрофоном... Вот мяч у Бориса. Этот худущий, жилистый балбес проходит по правому краю, бьет и тут же падает. Перелом ноги! Нет, все цело. Вот он вскакивает, грозит мне и мчится дальше. Малышня впереди хватает свои совки и удирает с дороги. Молодцы! Уважать надо старших!.. Вон бабка Перминова высыпала ведро золы у забора и скорей смываться. Молодец бабка! Уважать надо младших!.. Мяч у Бобкина. Он самый хилый из игроков, но самый крикливый и злой. Опаснейший момент — Бобкин врывается в штрафную зону Анечкиного крыльца. Трудно сказать, сколько помоев выплеснула Анечка на головы наших бомбардиров! Вот Бобкин оглядывается и сильно пасует Чупрыгину!.. Дур-рак!..

Пролетев мимо Борькиных рук, мяч упал в огород Анечки Жемайкиной, этой свирепой и скорой на расправу тетки. Я опомнился первым, распахнул воротца и, перемахнув огуречную грядку, выхватил мяч из помидоров, чувствуя близкую беду.

И беда эта, в халате и мягких тапочках, легко и бесшумно выпорхнула из сеней и метнулась ко мне.

— Полундра, Гусы! Она с поварешкой! — предупредил Юрка. Гусем меня звали за длинную шею.

— Теть Ань, у вас дым из форточки! — попытался отвлечь ее Борька.

Но она и ухом не повела. Влетев в калитку, она раскинула руки и, покачивая поварешкой, уперлась в меня каким-то голодно-сумасшедшим взглядом, точно собиралась сварить меня и тут же выхлебать этой самой поварешкой. Я кинул мяч друзьям и понятился. Поняв, что живым я не сдамся и что борьба в огороде превратит его в кашу, Анечка бросилась за мячом. Но Юрка опередил ее и — наутек.

— Ах, ты, гад! — крикнула Анечка и — за ним.

Я выскочил из огорода, и мы с Борькой помчались следом, подбадривая Бобкина и освистывая Жемякину. Сухая и ногастая, в развевающемся халате, Анечка неслась за Юркой, как старая раскрыленная курица за цыпленком. Жадной пятерней она все ловила и ловила Юркину рубаху, но все не дотягивалась... Вдруг размахнулась и треснула Бобкина поварешкой по голове, как бы ставя точку на своей погоне.

Мы обежали Жемякину и весело затрясли Юрку, героя, спасителя мяча.

— Молоток! — сказал я. — Только пятки мелькали!

— Летел на первой космической, — мягко усмехнулся Борька. — А как обшивка, не пробита?

Юрка тронул макушку, тоже хотел усмехнуться, но губы больно искривились, и в глазах блеснули слезы. Я понял, что удар был нешуточный. Видя, что боль уже не скрыть, Юрка часто заморгал, потом вдруг сунул мне мяч, нагнул, сгреб подвернувшиеся шлаковины и со всей силы пульнул их в Жемякину, крикнув:

— Вот тебе!.. Вот!

И, расходясь, начал хватать с земли что попало и швырять, швырять в Анечку, обзывая ее шимпанзе, пугалом и даже грозя придушить ее где-нибудь. В своих криках и угрозах Юрка бывал неустойчив и страшен с непривычки. Ему все равно в такие минуты: кто перед ним, кто его слышит, что ему за это будет — прямо истерика. Он и нам закатывал подобные штучки-дрючки, но мы ему живо затыкали рот, а тут — пусть жарит.

— С кем это ты разговариваешь?.. С девчонкой? С подружкой?.. Бесстыжие хари! — начав с шепота, гаркнула Жемякина. На шум повысовывались жильцы. — Вы послушайте этих молокососов!.. Что притихли, а?.. Стыдно?.. А ну-ка, вспомните, на кого я похожа, а? Языки проглотили?

— Да, нет, — сказал Борька. — На шимпанзе.

— Вот, на шимпанзе! — вроде радостно подхватила Анечка. — Вы слышите?

Поднялся гвалт, как в магазине, когда лезут без очереди.

— Из таких-то вот и растут фулиганы! — проскрипела бабка Перминова. В серой юбке до земли, в глухой кофте и в черном платке, заостренно, как клюв, торчавшем надо лбом, она походила на ворону. — Смотрю — летят антихристы. Ну, думаю, не к добру. Так и есть. Драть их надо, иродов!

— Бабушка, — спокойно сказал Борька, — мы же тебя в суд потащим за оскорбление пионеров!

Эх, что тут началось!

— Это вы-то пионеры?

— Да вас, балбесов нечесаных, на пушку к пионерам не подпустят! Галстуки-то позорить!

— Пионеры вот все с трубами да с флагами! А вы...

— И правда, выдрать бы их!

— Мало их дерут.

— То отец родной, а то тетка чужая штаны спустит. Небось, стыднее.

— А что, бабоньки, давай!

Возгласы летели в нас со всех сторон, и мы только поворачивались, как вратари, в какой-то дикой игре. Я чувствовал, что злость теток уже подтаяла, зато к ней примешалось озорство — возьмут поймают, спустят штаны и врежут. Мне аж лопатки свело при мысли о возможном позоре.

Надо смываться!

У нас было два убежища, тайное и явное. Тайное — это гараж, за огородами, в механических мастерских, куда мы пробирались украдкой, а явное — крыша. Вон она с рогами лестницы, у которой осталось лишь две самые верхние поперечины, для кошек.

На крышу! — скомандовал я и, мотая головой на сто восемьдесят градусов, прокричал: — Живоглоты!.. Чтoб вам провалиться вместе с огородами!

И мы бросились к воротам.

С улицы вдоль домов тянулись палисадники. Из-за вечной тени трава там почти не росла, только кусты, да и то чахлые, и лишь местами, куда искоса заглядывало солнце, они зеленой пеной лезли через забор. Тополя — вот кто хозяйничал в палисадниках. Могучие, часто посаженные, они взметывали свои шапки высоко над крышами и сливались там в сплошную грядку. По длинной и толстой ветке одного из тополей мы, как циркачи, перебирались на наш Остров Свободы.

Сюда мы и прибежали, к тополи-спасителю. Мне показалось, что ветка дрогнула, как будто тополь хотел наклонить ее, точно слон хобот, чтобы посадить нас. Но и без этого мы вскоре сидели уже на коньке и яростно колотили пятками гулкое железное покрытие. Бум-бум-бум — гудел Остров Свободы, гудел дерзко и вызывающе. Бум-бум!.. Возьмите нас тут! Помечитесь, как лисы у винограда. Бум!..

Вдруг все это мне мигом опротивело. Я тихо опустил занесенную для удара ногу и глянул на друзей — они, самозабвенно прикрыв глаза, лупили и лупили. Их рожи показались мне такими же постылыми, как и рожи Анечки, бабки Перминовой и тети Шуры-парикмахерши. Я отвернулся и прижался спиной к печной трубе. Она была теплой, крыша — раскаленной, воздух — душным, в голове — жар. И мозг как будто спекся в лепешку.

Внизу топорщилась огородная зелень, среди которой белели похожие на скворечники уборные. Эта зелень хоть и выделяла кислород, но начисто задушила нас. Бум-бум!.. А тут еще курятники, свинарники, дровяники. Колхоз, а не городской двор! Бум-бум!.. А живем почти в центре. Вон купол цирка, вон вокзал, а вон мелькает зеленая электричка за механическими мастерскими, где по-военному вспыхивают огни электросварки. Бум-бум!.. Вроде бы здорово, а вот, загнанные, избитые поварешками, отсиживаемся на крыше, а под нами шумят тетки, требуя управления Лазорского и милицию. Бум-бум!..

Наклонившись, я вдруг свирепо крикнул в Юркино ухо:

— Хватит!

У Юрки чуть не выскочили глаза, как шарики из лопнувшего шарикоподшипника.

— Ты что, офонарел? — рывкнул он, опомнившись.

— Хватит!.. А то как двину, так и кувыркнешься отсюда!.. Барабанщики!

Юрка было взъярился, но я сполз к тополям и поском ботинка стал выскребать пыль из водосточного желоба. Рыжая и тяжелая, смешанная со ржавчиной, она поднималась и тут же оседала. Юрка с Борькой спустились ко мне. Юрка молча двинул меня локтем и пощупал макушку.

— Все еще больно? — спросил я примирительно.

— Фигня. Но я ей дам!..

— Ты, даватель, лучше вторые штаны поддень к вечеру — баня будет. Анечка раззвонит.

— Спорим, что она не пойдет жаловаться, — сказал Борька и с ленивой улыбкой протянул свою большую костлявую руку. — Бойтесь?.. То-то. Если она пожалуется, мы покажем Юркину разбитую макушку, и неизвестно, кому больше попадет. Мы всех с макушкой обойдем.

Борька любил съязвить, но не сквозь зубы и без натужного хохота, как Юрка, а мягко, как будто пуховой подушкой ударит — хоть и растеряешься, но станет весело. Мне это нравилось. Он был умным, Борька, только его надо было понимать.

— Свою показывай! — окрысился Юрка, морщинисто собирая губы в щепоть и злюче блестя глазами.

— Моя целая.

— Могу разбить по блату, — и Юрка ехидно ощерился.

— Петрушка какая-то получается, — вздохнул я. — Дальше так нельзя. Надо что-то делать.

— Я ей сделаю!..

— Дело не в одной Анечке, — сказал я. — Тут — вообще... Надо всех вверх тормашками! И чтоб изнутри, а не тяп-ляп.

— Как это — изнутри? — сердито спросил Юрка.

— Как. Почем я знаю.

А это вот как: Анечка тебя проглотит, а ты там у нее вой,— пояснил Борька.

А тебя, губастый философ, не спрашивают и не шипи,— огрызнулся Юрка.— Может, тебя заглотят...

Борька тряхнул головой и вдруг весело спросил:

А кто может свою ногу на шею закинуть?

На твою? — осклабился Юрка.— Подставляй.

На свою, конечно.

А ты?

Не пробовал. Это я только что придумал. Ну ка, Борька скинул правую сандалию, ухватился за пятку и щиколотку, дернул, опрокинулся на спину и так остался лежать.

От крыши поднимался какой-то железный угар. Ржавые подтеки лишаями выступали на листах. Я стянул рубаху с майкой, раскинул их и улегся навзничь. Солнечные лучи мигом прошли меня насквозь и, как электроды, приварили к крыше... Сейчас бы горсть снега! Или сосульки бы!.. Какие у нас на прачечной вырастают зимой сосульки! Метра по два! Время от времени их срубают, чтобы не ломался шифер, а мы вывозим их на санках в огороды, где они и торчат до весны, как статуи с острова Пасхи. Да-а, зимой хорошо! Зимой весь двор наш!..

Вокруг было тихо-тихо. Мне даже показалось, что дремота сковала весь мир: заводы не работают, турбины стоят, не летают спутники, и все люди где-то полеживают, вздыхая... Но проурчал над нами самолет, сипло свистнул на путях маневровщик, а по дороге разозленно пронесся МАЗ, точно нарочно напоминая, что мир-таки не дремлет, жизнь кипит вокруг, и только мы киснем вот тут от безделья...

Конечно, здесь они, суслики, загорают,— раздался знакомый говорок, медленный и картавый.

Я сел. По ветке крался Славка, мой лучший друг, а в развилке тополя сидел еще один мой лучший друг Генка-баянист.

Привет! — крикнул я.— Что, музыкант, дореми-каешь?

Фасолякаю,— бодро ответил Генка.

Он еще ни разу не ступал на крышу — боялся. Сколько мы его ни уговаривали, ни дразнили — бесполезно. Однажды, правда, допекли, но все еще каемся — он со-

рвался. Спасибо, за ветку ухватился, повис и — ну икать. Мы испугались, кричим, чтобы подтягивался, а он молчит и только — ик да ик, потом — бух, но ничего, даже пятки не отбил. С тех пор — ша! Трусоват был Генка во всех наших делах, но и то молодец, что хоть вообще не отставал.

— Юрк! — окликнул он.— Тебя там зовут.

— Ну, вот, началось,— сказал я.— Поддевай вторые штаны.

— Кто зовет? — недовольно спросил Юрка из-под локтя.— Скажи, нету.

— Я так и сказал. Я сказал, не знаю, а они говорят: найди. Это те твои друзья.

Юрка подскочил так, точно его пырнули чем-то сквозь крышу, и стал живо одеваться, бормоча:

— А, черт, забыл... из-за этой поварихи, чтоб ей... Где они?

— Там, у ворот.

— А, черт!.. Мы же сегодня на рыбалку с ночевкой идем. А еще надо червей, удочки, жратву... Я ее придушу... Славка, скорей давай дорогу, а то!..

Славка, толстяк и увалень, переступал осторожно, как слепой, придерживаясь за верхний сук. Ветка под ним опасно пригибалась, норовя соскользнуть с карниза. Да-а, скоро ему — прощай, крыша, будет с Генкой куковать.

— Ух, братцы! — перевел дыхание Славка, сделав последний шаг и грузно садясь.— Путь свободен. Жми к своим дорогушам.

— Ты, Славчина-мужичина, повежливей с моими друзьями, а то передам. Они шуток не любят.

— Передай-передай.

— Не бойся, я так. Ну, приглашаю завтра на уху!

Бобкин подмигнул нам, юркнул на ветку и ловко, как бурундук, проскользнул по ней — он всегда спешил к своим новым приятелям. Откуда и как они взялись — я не знал, но только вот уже с месяц они нет-нет да и появлялись у ворот, и он, бросая все, летел к ним сломя голову. Я чувствовал при этом какую-то досаду, но она быстро улечивалась. Черт с ними, с приятелями, лишь бы Юрка оставался своим парнем.

Славка спросил, что это внизу за шум, а драки нет. Я ответил, что драка была, и описал всю сцену.

Зря это вы,— заметил с тополя Генка.

Ты там помалкивай, зряшник... Пока ты пиликал на баяне, нас поварешками лупцевали,— злость на Анечку уже рассосалась, но злость вообще шевельнулась опять.— Потому нас и лупцуют, что мы кислотину разводим: зря, не надо, а вдруг... За горло их надо взять! — И я поймал в воздухе чью-то воображаемую шею.

Генка поперхнулся, как будто это я его схватил за горло, Славка принялся обкусывать и без того до мяса обгрызенные ногти, а Борька усмехнулся и спросил:

— Это как, снаружи?.. Ты же изнутри хотел.

Все равно, лишь бы с пользой.

— Для начала предлагаю написать мелом у Анечки на двери: «Вас завтра зарежут!» — сказал Борька.— Хорошо?

— Хорошо, только ее этим не испугаешь,— заметил я. И она сразу поймет, чей это фокус.

Хоть что сделай — поймут. Тут не делаешь — понимают.

Это вы зря,— опять не вытерпел Генка.— Давайте я вас лучше на баяне научу играть.

Я вдруг вспомнил о девчачьем концерте и только гмыкнул, не зная, говорить о нем или нет. Сказал. Пацаны глянули на меня и тут же отвели глаза.

Свой концерт мы уже дали,— заметил Борька.— Зрители кричат и прыгают до сих пор. Хорошо, хоть артисты высоко, а то бы давно разнесли их в клочья от восторга... Так что теперь очередь девчонок выступать.

А я бы согласился,— сказал Генка.

Ну, и валяй! вздохнул Борька и отчужденно улегся на спину, выставив ребра, как ксилофон.

— А что, нельзя? — тревожно спросил Генка, завопившись в развилке.— Нельзя, Вовк?

— Почему?.. Играй, если хочешь,— ответил я и глянул на Славку — что скажет он.

Но Славка молчал, задумчиво шевеля своими полными, как гороховые стручки, губами. Он был молчун, наш Слава, и ему это шло, потому что, когда он говорил, у него зубы стучали, не как, понятно, пишущая машинка, но постукивали. Конечно, мы могли бы выступить: Борька — с фокусами, Славка — с какой-нибудь гирей, Юрка — со

свистом полухудожественным, я бы, в самом деле, прошелся на руках, если это кому интересно, но... Борька, пожалуй, прав — свой концерт мы дали, он еще даже не кончился и неизвестно вообще, чем кончится, так что, девочки, простите-извините...

ГИБЕЛЬ АНЕЧКИНОГО ОГОРОДА

Снял я в ту ночь плохо. И уснул не сразу, и потом в голову лезла разная белиберда: будто все куда-то уезжают на поезде, а я опоздал, на ходу зацепился за последний вагон и не в силах подтянуться, а внизу будто не рельсы и шпалы, а пустота, и я вот-вот туда сорвусь... Кошмар!

Обычно к девяти часам, когда мама с папой уходили на работу, я высыпался, и хоть, закрывшись на крючок, снова падал в кровать, но уже просто понежиться и почитать. А тут чувствую — трясут за плечо, а понять не могу: или это будят меня, или от поручней вагона отдирают. В ужасе я резко вывернулся и — шмяк! — на пол. Приехал.

Отец, в майке и трусах, только что умывшись, вытирался полотенцем и насмешливо глядел на меня. Я ему радостно и подслеповато улыбнулся и — прыг! — в постель.

— Нет-нет, дружок, ничего не выйдет, вставай, не будешь загуливать. Как мы договорились?.. Максимум — до одиннадцати. А ты?.. А ну, давай!

— Пап, закройте меня, а ключ в форточку бросьте,— забормотал я, сладко зарываясь в подушку.

— Все-все, завтра доспишь. Слышишь? — пристроился отец.— Живо умывайся, и пошли. На собрание.

— На какое собрание?

— На дворовое. Во дворе — чрезвычайное происшествие. Управдом всех собирает.

Я сел. Неужели из-за вчерашнего, из-за крыши?

— Какое происшествие?

— Чрезвычайное!.. Где ты был вчера до полдвенадцатого? — спросил вдруг отец, складывая полотенце вдвое, точно собираясь пороть меня, чего давно не было.

Последние крохи сна улетучились.

— У дяди Феди. Со Славкой,— тревожно ответил я, но отец продолжал вопросительно смотреть на меня.— Мы кино по телику смотрели... про индейцев.

— А после?

— Домой.

— Сразу?

— Сразу. Да что случилось? — воскликнул я наконец, не в шутку взвинченный.

Отец расправил полотенце, перекинул через шею и сказал:

— У Жемякиных уничтожен огород.

Я присвистнул. Отец, не спускавший с меня глаз, добавил:

— Управдом говорит, что даже картошка повыдергана... И самое главное — подозревают вас.

— Нас?.. Ничего себел

— Вот тебе и ничего... Живо собирайся.

Я натянул штаны, выскочил в кухню и наткнулся на острый мамин взгляд.

— Надеюсь, ты тут ни при чем? — спросила она, наливая воду в электрический самовар.

— Конечно, мам,— невозмутимо ответил я, лихорадочно соображая, кто же мог это сделать.— Тут, мам, никто ни при чем. Тут какая-то петрушка. С Анечкой вечно петрушки!

— Что это за обращение — Анечка? — возмутился отец, одеваясь.— Кто она вам?

Мама вступилась:

— А-а, ее все так зовут от мала до велика: Анечка-Анечка.

— Но ведь это очень неприлично!.. Черт-те что! Идем.

Наша кирпичная двухэтажная прачечная относилась к другой улице, но торцом, где была наша квартира, выперла в этот двор, в самый его конец, похоронив под собой огороды последнего дома и загородив ему полнеба. Дом и без того был стар и хмур, а тут совсем пожух и сгорбился под боком молодой, розовотелой прачечной. Да и все дома были полуразвалинами.

Против Жемякиных толпился народ: тетя Шура-парикмахерша, тетя Зина Ширмина, дядя Федя, тетки, хотевшие

вчера нас выпороть, девчонки — почти все наши друзья и недруги. Пожалуйста, хоть целый город скликайте!.. Лишь бы Томки не было, а то у нас едва-едва проклюнулись эти... отношения, и вдруг — бах! — разбойник! Правда, я еще не знал, какие мальчишки Томке нравятся. Может, именно разбойников ей и подавай! Но все равно, огородным гангстером я не хотел быть.

Отец заметил мое беспокойство и спросил:

— Никак боишься?

— Кого?.. Вон тех-то?.. Ни капельки! — отпарировал я.

Перед нами расступились, кто-то заметил, что вот еще одного привели. В середине уже стояли с родителями Славка, Борька и Генка. Я ободряюще подмигнул им, но — ни слова, чтобы не подумали, что мы сговариваемся. Борька кисло дернул губами, мол, ерундистика все это, Славка глянул серьезно и озабоченно, мол, не такая уж ерундистика, а Генка был так перепуган, будто его привели на расстрел. На мое подмигивание он, не открывая рта, опустил нижнюю челюсть, поежился и чуть отступил за мать, как будто я подмигнул ему как соучастнику, а не просто по-дружески.

Сутулый управдом Лазорский, в серой рубашке, в кепке, с черным, до лоска засаленным галстуком, обозрел собравшихся, поворачиваясь по-бабьи, и проговорил:

— Ну, вроде все... Феня, а где твой?

— Рыбачит,— сурово ответила тетя Феня, Юркина мать, высокая и полная. Она стояла полубоком, готовая вот-вот удалиться.— Еще вчера ушел часов в шесть, с ночевкой. Бог, видно, надоумил, а то бы сейчас все шишки на него посыпались, как пить дать! — она махнула рукой и отвернулась.

— А ты думаешь, он у тебя ангел? — выкрикнула Анечка, выскочив откуда-то сбоку, в тех же тапочках и в том же халате, в которых гонялась вчера за Юркой. Я ожидал, что и поварешка мелькнет, но мелькнула только ее сухая рука — да он вчера меня при всем честном народе шимпанзёй окрестил, твой ангел!

— А-а, молчи, Аня, молчи! — величественно отмахнулась еще раз тетя Феня.— Ты день-деньской гоняешь ребятшек и горло дерешь, и еще бы они на тебя молились!.. Собрала митинг.

— Митинг! — ужаленно взвилась Анечка. — Да я их всех в тюрьму пересажую, бапдуг этих!

Поднялся шум: кто возмутился, кто бубнил «правильно-правильно», кто лишь сокрушенно цокал языком. Только одна голова над толпой не колыхнулась — голова дяди Феди, седая и огромная, как остывший и покрывшийся снегом вулкан. Но тут же дядя Федя закурил, и из остывшего вулкан превратился в действующий.

Лазорский вскинул обе руки и гаркнул:

— Тише, товарищи!.. Тише... Я смотрю, вы не лучше ребятни. Нельзя ж так. Не будем никого огульно обвинять. И ты, Жемякина, не кипятись!

Анечка юлой вертанулась, так что полы халата разлетелись, и выпалила снизу в одутловатое лицо Лазорского:

— Не кипятись?! Ты мне сперва огород верни, потом приказывай!.. Какая же ты власть, если у тебя во дворе нечисть шайками бродит!

Лазорский кашлянул и сбивчиво сказал:

— Ладно-ладно, разберемся... Кто еще не видел этого безобразия, прошу оглядеть. — и указал на огород.

Я протиснулся к забору и обмер. Там, где вчера зелень лезла друг на друга, как в корзинке с рассадой, там было пусто по-сентябрьски: все перекопано, исковеркано, валялась еще не увядшая картофельная ботва, на заборчике висели огуречные плети и обессиленные кусты помидоров с зелеными плодами, да там и сям желтели отодранные головы подсолнухов. Среди дворового половодья зелени Анечкин разоренный клин выглядел досадно и нелепо, как неожиданная дыра на новых штанах.

Ко мне привалилась Мирка, с сопливым братцем на руках, и сдавленно спросила:

— Вовк, признайся — вы?

— Да иди ты отсюда!.. Что мы, с вывихом? — отрезал я и вернулся к отцу.

Управдом хлопнул в ладоши и заговорил:

— Убедились, товарищи?.. Были у нас кое-какие грешки, но чтобы так — это позвольте! Это как на луне! И рука не подымается обвинять кого-то!.. Ну, кого?.. Взрослых?.. Не знаю, не уверен. Пацанье?.. Тоже не знаю, но скорей всего, хотя и для них масштаб, извините, зверский... Кто остается? Рассеянный с улицы Бассейной?

Надо прощупать пацанов. Трудились поздно вечером или ночью. Вот и давайте разбираться. — Лазорский исподлобья обвел нас взглядом и ткнул пальцем в Генку, которого моментально прошибла икота, как тогда, на тополе. — Вот ты, Гена Головачев, наш баянист, вроде тихий хороший парень. Когда ты явился вчера домой? Успокойся только. Ну, когда?

— Ык! — ответил Генка.

— Когда? — переспросил Лазорский, наклоняясь и по-докторски выставляя ухо.

— Ык!

— Да успокойся, говорю. Не милиция, все свои.

Тетя Тося, Генкина мать, болезненно рыхлая и медлительная, с высокой блондинистой прической, которую ей вчера сделала тетя Шура-парикмахерша, положила свою голую до плеча руку на грудь в вырез платья и умоляюще протянула:

— Степан Ерофеевич, неужели вы думаете, что мой Гена...

— Я ничего не думаю, — перебил ее Лазорский. — Ничего!.. Ни о ком!.. Слышите? Ни о ком!.. Но надо разобратся!

— Ык! — сказал Генка.

Тетя Тося сконфузилась, одной рукой прижала Генкину голову к себе, другой начала стягивать на груди кромки платья, растерянно говоря:

— Он сидел дома часов с восьми... Девочки, вот Мира, Нина, пригласили его участвовать в концерте, и он репетировал. Он такой номер готовит, что... не знаю. И вообще, господи, как так можно...

— Вот и все! — обрадовался Лазорский. — Если бы все вот так номера для концерта готовили, то, глядишь, и поводов бы не было для собраний!

— Где их в концерт затынешь! — заметил чей-то старушечий голос.

— Им другие номера подавай! Чтоб или стекла летели, или земля! — могуче отозвалась тетя Шура-парикмахерша.

— Или чтоб крыша гремела!

Опять было вспыхнул галдеж, но Лазорский, вскинув руку, пресек его и обратился к Борьке:

— А что скажет Чупрыгин-младший?

Но ответил дядя Костя, худощавый и жилистый, как и сын:

— Если бы мне сказали, что Борька спилил тополь в палисаднике или оципал соседского петуха, я бы не удивился — Борька способен на многое, но вчера — увы, мы допоздна проторчали в мастерской. — Дядя Костя писал в каком-то ателье плакаты и вывески.

— А ночью? — спросил управдом.

— Ночью?.. Если Борька встанет ночью, он сначала опрокинет два-три стула, стукнется головой о косяк, всех разбудит и уж потом только сам проснется, так что судите.

— О ночи едва ли стоит говорить, — заметил мой отец. — Тут каждое дыхание слышишь, не то что...

Лазорский пошлепал губами, покосился на Анечку, всю так и собранную, точно для прыжка, и сказал:

— Ну, хорошо, Чупрыгин отпадает. Остались двое.

И все усталились на меня и Славку с нетерпеливым и острым вниманием — развязка приближалась. Уж точно — кто-то из нас двоих. Во мне вдруг вспыхнула веселая злость, и я крикнул:

— Дудки!

— Что? — не понял глуховатый управдом. — Ну-ну, давай, Кудыкин, объясняйся.

Я хотел еще съязвить, но понял, что не надо злить в общем-то невиноватых людей, которым вот-вот идти на работу, а они тут петрушкой занимаются.

— Мы пришли домой полдвенадцатого, — сказал я.

— Да, — кивнул Славка не как подсудимый, а как судья.

— Ага-а! — злорадно протянула Анечка, хищно выростая передо мной.

— Но до этого мы сидели у дяди Феди, так что не волнуйтесь, — сощурив глаза, уточнил я и обернулся к дяде Феде.

Он, затаившись папиросой и вытолкнув из своих недр клуб дыма, как-то печально подтвердил:

— Да, они были у меня... До полдвенадцатого.

— А полдвенадцатого он был уже дома, — сказал отец.

Тетя Валя Афонина, Славкина мать, с улыбкой, неторопливо проговорила, что времени она не заметила, но слышала, как Славка что-то крикнул мне на прощание.

И — тишина. Тишина недоумения... Свинство! Как можно было нас подозревать в этом диком «подвиге»?.. Лазорский вдруг улыбнулся, снял кепку, хлопнул ею по колену, как будто собирался пуститься в пляс, и довольно произнес:

— Ну что ж, товарищи, все в порядке, пьяных нет. Разобрались — и душа на месте.

— Душа на месте? — взвинулась Анечка, поджимая губы. — А где мой огород, на каком месте?.. Кто мне его угробил, святой дух?.. Все сухими вылезли из воды!

— Тихо-тихо, Аня, — управдом успокаивающе выставил руку с кепкой. — Может, кто со стороны зуб на тебя точил, а я что? Моя власть куцая.

— Какой зуб? Какая сторона?.. Они это! Они, паразиты! — завопила Анечка, обращаясь к нам, и вдруг точно переломилась в пояснице, и ее крик превратился в плач. Тетки обступили ее, утешая.

— Домой! — скомандовал отец.

Мама встретила нас в дверях и беспокойно спросила:

— Ну!

Я поморщился, а отец ответил, что дело пахнет не баловством, а преступлением, что огород разделан так, будто на нем тренировалась футбольная команда. Точно подметил. И Лазорский выразился точно — зверский масштаб. Зря тетя Феня Бобкина сказала, что, будь Юрка дома, его бы обвинили. Нашла мамонта. Тут, правда, совпадало: Юрка вчера пригрозил Анечке, и — готово. Но мало ли он чем и кому угрожал! Если бы он хоть капельку исполнял свои бешеные угрозы, то мы бы уже давно ходили одноглазые, криворотые, вообще безголовые и на спичечных ногах. Юркина истерика была просто завеса, которую он пускал, как каракатица, чтобы увильнуть от опасности, уж мы-то знали... Но кто же это сделал!

Позавтракали молча. Молча родители собрались и ушли. Они работали за стеной: отец — завхозом, мама — в бухгалтерии. На столе осталась грязная посуда — была моя очередь мыть. Через калитку, через проход вдоль прачечной, откуда зимой мы вывозили те гигантские сосульки, я сбегал в кочегарку за кипятком и перемыл все ложки и чашки. И сразу мне стало как-то спокойнее, точно я и в себе что-то прополоскал.

Помещение, где мы жили, было темным и холодным, потому что делалось оно не для жилья, а для санитарной обработки поступавшего в прачечную белья. Но от этой обработки почему-то отказались и поселили сюда нас, временно, но мы доживали тут уже четвертый год. Отцу и маме все это не нравилось, а мне нравилось. Нравилось, что много клетушек, что канализационный стояк в раздевалке часто засорялся и появлялись важные сантехники с клешнястыми ключами, нравился теплый туалет, какого не было ни у кого во дворе. Но больше всего мне нравилась дезкамера. Этот кирпичный, массивный выступ, сантиметров на семьдесят не доходивший до потолка, с мощными заболченными дверями, выпирал из стены, словно какой-то атомный сейф, и загромождал почти всю нашу спальню, превращая ее в букву «С», в дальнем загибе которой стояла родительская кровать, а в ближнем, у окна и батареи, — моя, а посередине — жесткий вокзальный диван, неведомо откуда взявшийся тут.

На дезкамере лежали разные нужные и полунужные нам вещи: гитара, тюк ваты, коробка с новогодними игрушками, скатанная в рулон картина Васнецова «Богатыри», которую нынче зимой подарил мне Борька в день рождения, но рисовал которую дядя Костя. Сюда же я совал шахматы. У меня их было три комплекта: один турнирный, с тяжелыми, залитыми свинцом фигурами, купленный в магазине, и два принес отец, сказав, что они списанные, то есть никуда не годные. И правда, это были не шахматы, а винегрет: величина фигур, цвет, обточка — все разное. Я их не любил и доставал только, давая сеанс одновременной игры Борьке и Генке.

Открыв свои турнирные, я снова принялся за партию Морфи — граф Изуар и герцог Брауншвейгский и увлекся. Только вдруг почуял — кто-то в затылок дышит. Обернулся испуганно — Борька, черт. Он смотрел куда-то мимо меня, рот — почти прям от серьезности. Сколько ни бывают у меня пацаны, а все им в диковинку наше жилье, все прислушиваются да приглядываются, а потом еще обязательно о чем-нибудь спросят, о чем уже спрашивали.

— Топором, что ли, тюкают? — Борька кивнул на пожелтевшую штукатурку стены, где раньше было окно в соседнее помещение.

— Какой топор? Там бельевого склад... Ты вот лучше сюда глянь, видишь, как Морфи зажал этих графьев и герцогов!.. И не пикнут, во — разделал!

Борька нехотя опустил глаза, долго изучал ситуацию, потом заметил, опять скособочил губы:

— Как Анечкин огород.

— Точно... Как там, утихли?

— Шумят еще... Я улицей прошел.

— Да-а... Неужели вправду думают, что мы, а?

— Думают — не думают, а прохода теперь совсем не будет. Труба. Им лишь бы зацепка, а тут зацепища... А, может быть, так и надо, а, Гусь? — процупывающе спросил Борька. — Огород за огородом и — футбольное поле! Или все ждешь, когда изнутри?.. А то они вот-вот прижмут Лазорского и проезд картошкой засадят, будем по тропинке ходить, размахивать руками, как по проволоке. — и он гусиным шагом прошел по половице, мотаясь из стороны в сторону и ойкая в страхе оступиться.

Я горько усмехнулся.

— Тоже в агрономы целишь?.. Давай, только я тут не игрок.

— Я, в общем, тоже, но если бы кто постарался!.. — и Борька с мечтательным вздохом уселся против меня.

Некоторое время мы смотрели на замерших в гениальной комбинации лакированных драчунов, потом, не сговариваясь, расставили их в мирном порядке и начали свою партию. Я знал несколько дебютных ловушек и все время разыгрывал их, но Борька не попадался, хоть и неважнецки играл. А тут влип. Готовя атаку, я нарочно открыл своего ферзя Борькиному слону. Борька — цап его! — и кровожадно потер ладони.

— Шах! — сказал я.

— Ерунда, ушел.

— Мат!

— Как мат? — удивился Борька и даже подскочил.

— Вот так. Мат Легалья называется.

— Тьфу, черт!.. Утрами я всегда продуваю. Как сел утром, так продул. Хоть не садись — не везет. — и он смахнул фигуры.

Вдруг кто-то — хлоп! — зажал мне сзади глаза. Руки холодные и пахнут свежей рыбой.

— Юрка! — крикнул я.

Пальцы разжались, и от дезкамеры отрикошетил натужно-визгливый смешок, и сам Юрка прыжком оказался перед нами ершисто-победоносный.

— Здорово я подкрался?.. Ха-ха... Кстати, ваш правый! — и Юрка быстро запустил руку в мой правый карман.

Мы с ним были в споре о правом кармане и в любое время могли выгребсти друг у друга все, что там есть, даже деньги, если их меньше гривенника. Вспоминая о кармане, Юрка мигом становился вежливым — ваш правый! К счастью, мой правый был пуст, его тоже...

— Вы! — крикнул Юрка. — Приглашаю на уху!.. Мать уже окуней спускает. С перчиком, укропом и зеленым лучком — ала-ла объединение!.. Клев был — во!

— Но-о? — взволнованно протянул Борька, поднимаясь и алчно потирая руки. — Люблю поесть!

Я же спросил:

— А ты знаешь, что у нас случилось, пока ты рыбачил?

— Знаю. Мать рассказала.

— Ну, и как?

— Что как? — мигом стянув губы кисетом, насторожился Юрка.

— Как тебе это нравится?

— А мне-то что!.. Разворотили, значит, достукалась. Что я, плакать должен? — фыркнул Юрка, зло уставясь на меня. — Да будь я дома, я бы еще помог!

— Без тебя справились, — успокоил его Борька. — Ты лучше скажи, насчет ухи — свист?

— Какой свист? Тридцать окуней поймал!

— У-у, гений! Тогда пожрем!.. Вовк, ты как?

— Еще бы! — воскликнул я, уже чувствуя щекочущий поздри запах ухи. — А Славку с Генкой?

— Позовем, — сказал Юрка. — На всех хватит.

Запирая дверь, я сделал вид, что мучаюсь с ключом, а сам из-под локтя глянул на Томкино крыльцо. Мне было неловко перед ней и за концерт, который, может быть, сорвется из-за нас, и даже за огородную шумиху, как будто и

там я замешан. Но на крыльце увидел лишь чьи-то голые толстые пятки, торчащие над порогом, кто-то загорал прямо в сених, куда утрами очень удобно падало солнце. Счастливые, беззаботные люди!..

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Еще в сених нас чуть не свалил укропно-луковый запах, а когда мы стремительной цепочкой проскочили на кухню Бобкиных, на столе, освещенном солнцем, во всех пяти тарелках уже курилась уха густыми тяжелыми парами, за которыми невозможно-строго, как жрица, возвышалась тетя Феня, веером зажав в руке блестящие ложки.

— Химия-мумия, хоп — фирдирбубия! — скороговористо пропел Юрка, с хозяйской гордостью рассаживая нас. — Ложки, мам!

— Погоди, подлюбуюсь вами, — не шевельнувшись, отозвалась тетя Феня. — Уж больно вы милые после взбучки... Тихие, смирененькие — пай-мальчишки...

— Ну, мама! — скисился Юрка. — Мы голодные, как черти, а ты. Я вон всю ночь не спал, не ел!

— Шелковые, — продолжала тетя Феня. — И не подумаешь, что это они вчера на крыше бузотерили... Похоже, каждое утро вам надо устраивать трепку.

Она колыхнулась, неторопливо раздала ложки, и мы дружно зашвыркали, мигом забыв об упреках. Уха была вкуснейшей. Млея в ее парах, мы сопели, захлебывались. Так бы и унырнуть в тарелку, и раствориться там среди окуневых плавников и ребер.

Когда дохлебывали по второй, тетя Феня угрозно-вдумчиво сказала:

— А вы все-таки поосторожнейся.

— Ничего, тетя Феня, брюхо без шва, це разойдется, да и не горячо, — за всех ответил я благодушно.

— Не об ухе речь, о жизни вашей шалопутной.

— А что? — опять же я поднял голову.

В черной, с серебристыми пятнами косынке до бровей тетя Феня обвела нас каким-то смертоприговорным взглядом и отчеканила:

— Что?.. Поменьше надо выкрутасничать, вот что!.. Шалопай на шалонае едет и шалонаем погоняет!.. Поди и курите?.. Ну-ка! — она наклонилась к Генке. Тот, поперхнувшись, дыхнул. К Борьке. Дыхнул и он. — Где вас поймаеть, но смотрите!.. Это я при всех заступилась, а тут! Половиками растяну у порога, чтобы порядочные люди ноги о вас вытирали, если что!.. Думаете, кто у Анечки огород выластал?

— Ну, мам, — опять было возмущился Юрка. — Чего ты...

— Цыц! — крикнула тетя Феня, чуть не дав сыну затрецину. — Думаете, кто выластал у Анечки огород?.. Такие же, как вы, огольцы, разве что чуть похуже!

— Тетя Феня, да мы... — попробовал я возразить.

— Добавить? — перебила она, двумысленно берясь за половник.

— Хватит с нас, — тоже двусмысленно ответил я.

— То-то... А тебе вот! — и она плеснула Юрке еще поварешку. — Чтоб съел!.. Рыба спасла тебя от греха, благодарю ее теперь — лопаи!.. Уж ты бы не выкрутился!

Юрка и без того натрескался, но покорно умял и добавку, потом провел нас, разморенных и отяжелевших, в спальню, откуда мы кулями перевалились через подоконник в прохладу палисадника и распластались на хилой травке под акацией.

Меня задела тети Фенины шпильки, и я, вспомнив, что и дядя Федя вчера тоже, мягко выражаясь, пожурил нас за шум на крыше, невесело спросил:

— Ну что, орлы, влетело?

— Я говорил, прохода не будет — пожалуйста, — охотно отозвался Борька, тоже, наверно, думая об этом. — Теперь шаг не ступишь без колючек.

— И меня понюхала — не курю ли, — как-то удивленно-радостно заметил Генка.

Юрка ворчливо заоправдывался:

— Не знаю, с чего она... Можно, спросил, друзей ухой угостить? А как же, говорит, зови всю ораву. Я и позвал... Знал бы — рыбу выбросил.

— И погорел бы, — стукнул зубами Славка.

— Почему это погорел бы?

— Не было бы алиби.

— Кого? — Юрка сел.
— Алиби... Нет рыбы,— значит, не рыбачил, значит, огород Анечкин обчищал. А тут рыба — алиби.
— Алиби,— передразнил Юрка.— Начитался, Славчина, всякой бузни!.. А если бы не клевало?
— Погорел бы.
— Ха, академик!.. Ну, ладно, давайте в ножички играть. Первый!

Взрыхлив землю, мы принялись играть, сперва нехотя-вяло, потом все оживляясь и оживляясь. Кон за коном — не заметили, как пролетело время и мы проголодались опять. Первым почувствовал это Борька и напомнил, что у нас в гараже остался с позавчера кусок копченой колбасы и едва начатая бутылка лимонада. Мы обрадовались и решили опять сообща подкрепиться, прихватив еще чего-нибудь из дома.

Только Генка вылучил глаза. По всей его физиономии была размазана грязь, потому что он чаще других продувался в ножичек и чаще выгрызал из земли штрафной колышек. Чем грязнее рожка, тем она бесстрашнее, но даже и грязь не изменила Генку.

— В гараж? Через огород? После всего того? — ужаснулся он.— Бешеные!.. Да я лучше умру с голода!

Упускать его не хотелось: и потому что он все-таки друг, и потому что он обычно приносил с собой редкую и вкусную еду: то ананасовый компот, то вареных креветок, то китайских орехов — нельзя было упускать Генку. Мы давай его уговаривать, но он мотал головой так, что тряслись щеки. Наконец, обозвав его трусом и ехидно пожелав ему успеха в девчачье-кошачьем концерте, который, оказалось, все-таки состоится, мы разбрелись, чтобы вскоре встретиться в гараже.

Дома я отодрал от хлеба горбушку, сунул в карман луковицу, взял уже ополовиненную банку сгущенки и отправился.

Попасть в гараж было вовсе не просто. Сначала нужно было через калитку против Бобкиных шмыгнуть в огород и смело-нетерпеливо направиться к уборной, полускрытой подсолнухами. Если заметишь или почувешь слежку, то так в уборную и заходи, если нет — юркну за «скворечню» и под ее прикрытием прокрадись в конец огорода, к старому

забору механических мастерских, а там, в крапиве и конопле, наш тайный лаз в гараж.

Издали я увидел, как исчез в калитке опередивший меня Славка, потом Юрка. Только было и я нацелился, как во двор влетела Пальма, овчарка из двора через улицу, где не было ни клочка зелени. Перед самым моим носом она с ходу перемахнула огородный заборчик и давай шастать в подсолнухах, хапая какую-то траву. Тут же примчались ее хозяева, брат-очкарик и сестра, с голубым бантом над левым ухом. Опасливо покосившись на меня, они проскочили калитку, прицепили осмиревшую Пальму к поводку, вывели ее, и она натужно, как буксир, потянула их прочь.

— Извините,— на бегу бросил братец, тычком пальца поправляя очки.

— Хоть килограмм! — небрежно ответил я, усмехнувшись,— они не подозревали, что я такой же нарушитель границы, как и они.

— Можете и к нам собак приводить,— на ходу обернувшись, выпалила сестра.

— Ладно! — крикнул я.— Дипломатия на собачьем уровне!

Но внезапные гости уже пропали за воротами.

Я чуть выждал, раздумывая об этой сцене, почему-то развеселился и потом так ловко проделал весь замысловатый огородный маневр, что и сам не заметил, как оказался в гараже.

Гараж!.. Мы открыли его три года назад, с тех пор стали его верными добрыми духами. Метрах в пяти от забора горой высился огромный деревянный сарай, за которым и шла вся шумная механическая жизнь: гудели станки, ухали молоты, ревели моторы и вспыхивала электросварка. А тут, в заросшем бурьяном тупике, было что-то вроде машинного кладбища: валялись покореженные кабины, перекошенные пропеллером рамы, рессоры, дырявые радиаторы, смятые крылья, драные сиденья с торчащими пружинами и прочие части, гнутые, облупленные, ржавые... Кое-что мы тут расчистили, перестроили на свой лад и, конечно, обзавелись каждый своей машиной.

Борька прошуршал следом за мной. Славка с Юркой уже прилаживали столик в мазовской кабине, служившей нам столовой. Едва мы разгрузили свои карманы и рассе-

лись, как в лазе опять зашуршало и оттуда, задирая штанины, полезли чьи-то ноги. Это оказался Генка, по-прежнему чумазый и вдобавок бледный, отчего выглядел еще чумазее. В руке его торчала свернутая трубкой бумага.

— Ура-а! — радостно крикнул я. — Салют музыканту!.. Вали на стол, что там принес!

— Ничего не принес, — растерянно сказал Генка, переводя дыхание. — Я и дома не был. Нинка с Миркой перехватили, развесь, говорят, афиши... На двух домах повесил, потом дай, думаю, к уборной прикреплю, чтобы к вам проскочить. С афишей ведь, не заругают. Прикрепил, и вот — тут... Одна афиша осталась, — выдохнул Генка.

— Ну-ка, что за афиша, — сказал я.

Это был большой, чуть покоробленный высохшей тушью лист миллиметровки, с которого яркие оранжевые буквы извещали, что завтра в семь часов тридцать минут вечера на крыльце Куликовых состоится концерт художественной самодеятельности. Ниже расписывалась программа. Среди номеров мы вдруг вычитали: «Головачев Гена с дрессированным псом Королем Моргом. Король Морг под баян исполнит «Песенку Герцога» из оперы «Риголетто». Что за петрушка? Ведь Генка только что подобрал этого барбоса у хлебного магазина. Тетя Тося чуть его не вышвырнула, но ей понравилась белая полоска на груди в виде галстучка, да и мы заступились. Славка тут же присобачил ему имя — Королева Марго. Потом выяснилось, что это не королева, и щенок стал Королем Моргом.

— Из «Риголетто»? — воскликнул я. — Да ты что, Генк?

— Халтуркой пахнет, — заметил Борька. — Спорим, что он сорвет тебе номер!

— Почему?.. Не-ет! Король Морг поет — будь здоров! — уверенно заявил Генка.

— Когда же ты успел его научить? — спросил Славка.

— Я и не учил, он сам запел... Только я задел ноту «ми», он как гавкнет!

— Хм, — сказал Борька, — не зря, значит, галстук носит — артист.

Разложив на фанерке еду, Юрка распорядился:

— Жор, химики-мумики!

Пока друзья устраивались, я еще раз, более ревностно, проглядел программу. Мне стало досадно немного, оттого что концерт не срывается из-за нас, наоборот, вон какую афишу намалевали. Значит, есть мы или нет — безразлично, грош нам цена. Красиво!.. И еще я заметил, что среди номеров нет Томкиного. Все есть: Мирка, Нинка, Люська, Нинка даже дважды, а Томки нет. Что за фокус? Неужели она ничего не умеет?.. Я попробовал припомнить и уловить проблески какого-нибудь Томкиного увлечения, которое бы проскакивало в наших играх, но не смог. Она мне все представлялась хихикающей да закрывающей лицо руками. Играем «Из круга вышибало» — и то: увидит, что в нее целятся, все: захихикает, заслонится ладонями — ее, понятно, выбивают, ее выбивает даже мяч, катящийся по земле. Мирка с Нинкой увертывались от ударов не хуже любого мальчишки, прыгали — ноги выше головы, только Мирка со смехом переносила все игровые невзгоды, а Нинка то и дело вопила, что ей больно, что ей не по тому месту ударили и что надо иметь совесть. Менее живая Люська была зато серьезна и сосредоточенна — шиш ее просто так взять. А у Томки — ни хитрости, ни изворотливости. Если бы я не выручал ее галками, она бы, как бабушка, и сидела на крыльце. Да и в прятки я ее спасал...

Друзья уже нахрумкивали. Мне сунули мою долю лимонада в бутылке, я с криком выпил и метнул бутылку к сараю. Она попала в низ стены и... воткнулась в нее горлышком, как нож в масло.

— Э! — прошептал я пораженно. — Смотрите!.. Бутылка воткнулась! Вон она...

Первым у стены очутился Юрка. Он выдернул бутылку, осмотрел стену и вдруг начал легко и бесшумно отделять от нее кусок за куском — доски оказались насквозь прогнившими. Когда образовалась приличная дыра, Юрка напролом сунул туда свою отчаянную голову и замер на четвереньках, как тот древний человек на рисунке из географии, который достиг конца света и выглянул за небесный свод.

Мы околдованно сидели вокруг.

Он долго не шевелился, мы уже заволновались, но тут Юрка выдернул голову и, вскинув руки, восторженно прохрипел:

— Вы! Это же склад!.. У-у, сколько там всего!..

— Ну-ка! — Я оттолкнул его и тоже — ширк! в дыру.

Меня обдало холодом и мазутным запахом. Запыленная фрамуга едва пропускала свет, и это сгущало складское богатство. Там и тут истуканами чернели бочки и ящики, прогибались перегруженные стеллажи, дырчато лужирились на стенах какие-то панцири. И еще что-то стояло, висело, лежало... Я не успел разобраться — меня вытянули, и в дыру нырнул Борька.

Потом Славка.

Генка же, весь подобравшись, косился на отверстие, как на змеиную нору, а когда Юрка принялся деловито расширять ее, горячо и прерывисто дыша, крикнул вдруг:

— Ты что?

— Чш-ш!.. Не крикать...

— Да вы сдурели!.. А вдруг кто придет?

— Будь спок!.. Три года не приходили, а тут придут?.. В этих ящиках — шарикоподшипники, чтоб мне! По самокату обеспечено! — подогревал нас Юрка, понимая, что если все мы восстанем, то его затея провалится.

Но Генка не сдавался. Поднимая над бурьяном голову, оглядываясь и прислушиваясь, как камышовая птица, он шептал:

— Ой, пойдемте отсюда!.. Вовк, Славк, Борьк! — К Юрке самому он и не обращался, чуя, что тот невмеем.— Пойдемте лучше, а то будут нам и шарики и подшипники!

За наши души шла борьба, словно за раненных на нейтральной полосе фронта, как сказал бы дядя Федя, которого именно так и спасли. У Генки был особый нюх на нечестное, и, уловив его, он терялся начисто. Нюх этот был и у нас, но мы ближе, смертельно ближе подкрадывались к нечестному. Сейчас бы самый раз шикнуть на Юрку да шлепнуть его по рукам, а мы — нет, мы, затаивая дыхание, следили за его четко-настороженными движениями, и, когда он, кончив и мотнув над головой, дескать, за мной, первым вполз в склад, я с каким-то жжением в желудке, точно заглотил огонь, нырнул вторым, с радостью слыша, как пытит и процарапывается позади Славка, для которого лаз оказался тесноват.

Чуть прикасаясь к каким-то холодно-липким предметам, мы двигались осторожно-плавно, как лунатики. Нам ничего не нужно было, только ощущать опасность. А она тут была, как пульс — у самых ворот, откуда просачивался свет, где с перебоями и стрельбой чихпыхал мотор и о чем-то яростно спорили рабочие. Зайди кто — и мы пропали! Мы — преступники!.. Не зря нас Анечка и прочий оградный люд подозревали, ой, не зря!..

— Подшипники ищите! — хрипло напомнил Юрка.

Будто очнувшись, мы стали обшаривать ящики, где могли храниться шарикоподшипники. Нет, не для самокатов, которые мы никогда не мастерили, потому что поблизости от нас не было ни асфальта, ни деревянных тротуаров, искали просто так. А может быть, и взяли бы просто так, но в ящиках оказались болты с гайками разной величины да какие-то финтифлюшки. Юрка даже ругнул начальство за такой бедный выбор.

В углу, за высоченной стопой автопокрышек, мы с Юркой наткнулись на машинные камеры, наброшенные на деревянный штырь, на какие продавцы накалывают чеки, только больше, понятно. Юрка гмыкнул, оценивающе пощупал их и пересчитал вроде, потом фыркнул и коротким синичьим посвистом дал сигнал к отступлению.

К дыре, светлевшей на неопределенном расстоянии, мы отходили не спеша, как победители.

Увидя нас, Генка аж охнул от радости, живо заслонил отверстие радиатором, который приволок заранее, и тихо, втайне от остальных, спросил меня:

— Ничего не сперли?

Он, кажется, считал меня самым честным после себя человеком. Я улыбнулся ему, весело мотнул головой, мол, ничего, и мы, опять забившись в кабину, с новым голодом набросились на оставшуюся еду... Нет, никакие, к лешему, мы не преступники! Зря Анечка поклеп на нас возводила.

ТОМКИН СЕКРЕТ

Я сидел на кровати и в косых лучах солнца, прощально заглянувшего в наш каземат, просматривал новенькую «Геометрию», только что принесенную отцом. Я любил

математику и теперь, любуясь треугольниками, ромбами, как таинственными письменами, заранее чувствовал, что с геометрией я отлично подружусь.

Мама с отцом ушли к тете Шуре-парикмахерше смотреть по телевизору какой-то балет. Своего телевизора у нас не было. Родители считали, что он, как змеинный яд, полезен только в микроскопических дозах, а в больших — убивает. И хоть я ручался, что меня не убьет никакая доза, даже лошадиная, они держались своей теории.

— Эй, Вовка!.. Гусь! — раздалось под окном, и по стеклу градом прозвенели щелчки. — На выход!

Это была Мирка.

Намаявшись за день с двумя своими горластыми братцами, вечером она вырывалась из дома и вихрем облетала двор, будоража и тормоша всю нашу братию, которой только этого и надо было.

Я выскочил — Мирка уже неслась прочь, к другим окнам и другим дверям. На бегу она обернулась, погрозила мне сперва, а потом поманила и — дальше. Молодчина! Из девчачьего полка я больше всех уважал Мирку, уважал как мальчишку, конечно, а не в другом смысле. В другом смысле мне хотелось скорее увидеть Томку. Я ее не видел со вчерашнего утра, когда она парусом проплыла по двору... А почему Мирка погрозила — ясно, потому что от концерта отмахнулись, хотя она могла и просто так погрозить. Нашему брату грозят все, кому не лень. Тут важно самому знать, есть за что или нет. Нет — хохотни и ответь тем же, есть — замри и не чирикай... Хорошо хоть из склада ничего не стянули, а то бы чуть где кулак — дрожи, что пронюхали. Значит, мы не такой уж пропащий народ, как судачат о нас некоторые кумушки.

Бодрый и радостный, я замкнул дверь, спрятал ключ в боковую трещину нашего кирпичного крыльца и метнулся к Славкиному, чуть наискосок. Славку Мирка почему-то никогда не вызывала, хотя и было сподручно.

Не застав никого ни в кухне, ни в гостиной Афониных, я на цыпочках прокрался в Славкину комнату и вижу — сидит наш Славчина за столом и что-то пишет. Я вытянул шею.

«Его дядя, безрукий еще с первой войны», — с трудом и с удивлением разбирал я Славкины каракули. Что он тут

плетет, ведь у него же красивейший почерк!.. И вдруг я понял, что Славка пишет левой рукой!

— Что это? — спросил я.

Славка нервно перевернул лист и оглянулся.

— А-а, Гусь.

— Что это за писанина?

— Где?

— Да вон, которую ты перевернул.

— А, эта. — Славка опять перевернул лист и заскрипел стулом. — Это я тренируюсь.

—левой-то?

— Да. — Он перестал мяться и спокойно пояснил: — Я теперь каждый день по пятнадцать минут пишу левой рукой.

— Зачем?

— Надо... Вот послушай. — Славка придвинул лежавшую сбоку открытую книгу и, мягко постукивая зубами, прочитал: — «Его дядя, безрукий еще с первой войны, часто сетовал на то, что в юности не научился владеть левой рукой так же, как правой — не испытывал бы он теперь неудобств и не злился бы попусту...» — Славка отложил книгу и с важностью посмотрел на меня, ну, мол, как, съел?

Но я ничего не понял и спросил:

— Ну и что?

— А то!.. Чтобы потом не сетовать, я сейчас учусь писать левой рукой.

Это было так неожиданно, что я сначала растерялся, потом пораженно воскликнул:

— Ты собираешься стать безруким?

— Нет, но в жизни все может быть... Бац — и оттяпает!.. Другой захнычет, а я спокойно левой, как правой! Тут до меня все дошло.

— Да-а, — протянул я. — Тогда заодно учись и ногами писать, а то вдруг — бац! — и обе руки оттяпает! Другой захнычет, а ты спокойно достанешь обе ноги и — как ни в чем не бывало!

— А что? Вон в цирке ногами рисуют, — невозмутимо согласился Славка.

— Во-во! — подхватил я, начиная злиться. — И зубами научись тоже, на всякий случай! Вдруг и руки и ноги отле-

тят! Все будут хныкать, а ты достанешь зубы и — только держись!

Поняв, наконец, что я его разыгрываю, Славка улыбнулся:

— Ну-у, насочинял!.. Я ему про одну левую, а он и ноги, и зубы припел.

Я тоже успокоился и, хлопнув его по плечу, сказал:

— Чудило, никуда твоя правая не денется, войны не будет, не беспокойся. Кончай, в общем, эту петрушку, пошли на улицу, Мирка зовет... Из книжек надо брать хорошее, а не всякую ерунду. Нашел же — если оттяпает! — Представив, как Славка ногами делает домашнее задание, я коротко усмехнулся, и вдруг толчок изнутри затряс меня в таком безудержно-издевательском смехе, что я насилу унялся, и то потому, что Славка начал хмуриться. — Извини, Славк... не могу... Ну, сам представь...

А заводить нашего друга было опасно.

Этот простодушный и тихий здоровяк мог любого из нас стереть в порошок и пустить по ветру, даже меня, дойди до этого, самого старшего в нашем кругу, но он был всегда до возмущения сдержан. То, что трижды взбесило бы Юрку или, положим, Борьку, Славку не трогало. И уж если кто сверх-сверх... Беда ждала того. Нет, он не дрался. Без криков и угроз, какие обычно бывают в потасовках, он внезапно стискивал противнику плечи своими ручищами и прикладывался головой. Раз он врезал Юрке по плечу, и тот с неделю постанывал, не поднимая руку. Втайне я опасался, что однажды разозлю Славку и буду валяться где-нибудь с проломленным черепом.

Хороший парень Славка. Хотя я чаще бывал с Борькой, но тянуло меня больше к Славке.

— Слушай, а чего это Мирка не лупасит в твое окно? — с многозначительным прищуром спросил вдруг я. — Ко мне лупасит! К Борьке лупасит! Генку почти за шиворот вытягивает из дома, а тебя как будто и нет, а?

Он глянул на меня не то смущенно, не то виновато и сказал:

— Не знаю... А чего это Томка к тебе приходила?

— Когда? — вспыхнул я.

— Вчера утром. Наряженная, как фея, а ты, как цыпленок, высунулся из сеней!

Не знаю, на каких буквах щелкают Славкины зубы, но эту фразу он всю опечатал прямо.

— Шпионил, Славчина!

— А что мне, в подполье лезть, раз вы перед носом свидание назначаете?

— Какое свидание, балда?

— Десять минут беседовали, засекал.

— Не ври! И минуты не говорили!

— Влюбленные часов не замечают, — изрек со вздохом Славка.

Я так и остолбенел, немигающе уставясь на него. В глубине души я обрадовался Славкиным словам, а внешне хотел рассердиться, но, чувствуя, что это у меня не получится, чуть слышно спросил:

— Неужели заметно?

— Ага.

— Здорово?

— Ну, заметно.

— Вот черт! Петрушка какая-то выходит!.. Надо мне поосторожней! — озабоченно проворчал я. — И все равно, Славк, вчера утром было не свидание. Чтoб мне лопнуть. Томка по делу приходила, насчет концерта. Пришла и постучала. Я даже спал, — приврал я для правдоподобия. — А если б свидание, я бы разве спал?.. Только дураки на свидании спят. И тут стук.

— Вот видишь, к тебе все стучат, а ко мне никто, — как-то грустно заметил Славка.

Я воскликнул:

— Балда! Ты ничего не понимаешь!.. Томка потому и не стучала ко мне сроду, что... это самое!.. Вот!.. И Мирка поэтому не стучит к тебе! Влюбилась она в тебя, понял?.. Поверь моему опыту!.. Так что мы с тобой живем, Славенций!

Славка густо покраснел. Такой крупной физиономии нужно, казалось бы, долго наливаться стыдом, но она вспыхнула мигом, как будто ее включили. Я даже насторожился, уж не сгребет меня Славка сейчас и не долбанет ли своим чугуным лбом, но он мирно буркнул:

— Пошли, Дон-Жуан.

К вечерним играм мы обычно сходились на крыльце Куликовых, в среднем из пяти домов. Когда мы со

Славкой явились, все уже были в сборе, кроме Юрки, который опять, наверно, умотал к своим новым приятелям.

Мирка за что-то пропесочивала Борьку и стучала его по колену кулаком. Борька вроде бы в припадке хохоча корчился и беззвучно кривил рот. Люська, чуть откинувшись, сурово смотрела в небо. Томка, бочком пристроившись позади нее, переплетала Люськины косы и с улыбкой что-то нашептывала ей на ухо. Генка, отодвинувшись от его-зливого Борьки, смирихонько помалкивал. Серdito-скупная Нинка стояла внизу, переминаясь с ноги на ногу и сцепив за спиной худые руки, стояла, как растерянный дирижер перед разболтанным оркестром.

— Вот он! — обрадованно указал на меня Борька. — Ругай его, он виноват.

— В чем? — спросил я, перехватив мимолетный Томкин взгляд.

— А! — поморщилась Мирка. — С кем бы добрым говорить, а с вами!.. Сдрейфили, да, выступать?.. Слабаки!.. А пацаны еще!.. Ладно, обойдемся! Вот завтра увидите, на что способны одни девчонки.

— А Генка-то, — напомнил Борька. — Наш кадр!

— Фиг он ваш! — В воздухе между мной и Борькой стрижом мелькнул кукиш. — Вам до Генки ого-го!.. Ладно. Давай, Нин!

Нинка, хлопнув в ладоши и сразу повеселев, объявила, что она садовник. Это означало, что все прочие — цветы, которым нужно срочно попридумывать названия. Выбрать цветок — штука серьезная, и все притихли.

Первым встрепенулся Генка. Взметнув руку, как в школе за партой, и даже привскочив, он торопливо, точно его могут перехватить, выпалил:

— Колокольчик!.. Я колокольчик!

— Правильно, — поддержал его Борька. — Ты у нас, Генк, человек хороший, и цветок у тебя хороший, любить будут — заойкаешься, а я лопух, — представился он — попробуйте, мол, влюбиться.

— Лопух не цветок, — заметила Нинка.

— В саду все растет, — отпарировал Борька, и Нинка только презрительно дернула губами, дескать, как хочешь, но уж любви моей не жди.

— Астра, — выдохнула Люська, все еще глядя в небо. Прикинув так и сяк, я пророкотал:

— Рододендрон!

На меня глянули почтительно-удивленно. Томка даже перестала плести и склонила голову к плечу. Знай наших — и завлеку, и озадачу.

Славка кусал-кусал ногти и брякнул:

— Флокс.

Мы с Борькой так и повалились на спины. Этот кит, мамонт, баобаб — флокс, видите ли! Ой, мама, воды!.. Мирка, ширнув Борьку локтем и прицелясь одним глазом куда-то в огороды, крикнула:

— Настурция!

— Настурция ты, а не настурция, — поправил Борька.

— Я те дам, лопушина!

А я гадал, кем же будет Томка: мальвой, бегонией, орхидеей или каким-то неведомым цветком, и не знал еще, влюбляться мне в нее при всех или нет. Игра игрой — да мы-то не игрушечные. Влюбляться, — значит, опять выкалывать себя, а не влюбляться — ну как это не влюбляться, когда само влюбляется... Как будто чувствуя мои метания, Томка медлила, все плетя и плетя Люськину косу, пока, наконец, садовничиха не подхлестнула:

— Том, а ты кто?

— Никто пока. Доплету вот...

— Господи, потом доплетешь!.. Люська, да отбери ты у нее косы!

— Все равно не хочу, — упрямо сказала Томка и надулась.

— Вечно она с фокусами! — фыркнула Нинка и начала со злым подвывом: — Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме... Колокольчика.

Генка ойкнул — и пошло... Сперва влюблялись робко и с раздумьями, потом поднаторели, и любовь всюю закружилась, зазвенела на крыльце. Больше всех доставалось Лопуху, только Нинка так и не признала его. А Флокс неожиданно как зарядил — Настурция да Настурция, так и жал — я, видно, чересчур повлиял на него. Меня особо не баловали, да мне и не игралось без Томки, хоть я и хорохо-

рился. Нет, Томка не ушла, она так же сидела за Люськой, обняв ее за плечи, и часто переглядывалась со мной, но все мы были цветами, все мы были в том далеком, сказочном саду, а она была тут, вот на этом занозистом крыльце. И это разделяло нас страшнее, чем если бы она улетела на луну. А я хотел быть с ней в одном мире, и, когда Настурция в очередной раз призналась, что влюблена в зануду-Рододендрона, я завопил:

— Никого не люблю!.. Где солнце?

Все шумно схлынули с крыльца, запотевали и заворачивались.

Солнце опускалось за вокзал. На наших глазах исчезла его малиновая макушка, и прохладный воздух, до сих пор таившийся в огородной зелени, потянул-потянул сквозь планки забора и потек по двору, как по каналу. Настало время наших прятков.

— Чур, считаю! — крикнул я, и тотчас образовался круг.

Считал я ловко, водящего выбирал заранее и почти никогда не ошибался.

Ули-дули, доф,
Кинди-лада, коф,
Кофе-лада,
Кинди-лада,
Ули-дули-доф,

быстро отмолотил я несколько раз, и Генка, не успев сообщить, что к чему, отправился к сарайчику водить.

Кинулись кто куда. Я — на улицу. У ворот оглянувшись — Томка бежала следом. Бегала она плохо, как-то боком и тяжело, как будто не воздух, а воду рассекала. Я схватил ее за руку, и мы свернули в палисадник, где было уже совсем сумрачно. Проскочили один палисадник и в конце второго спрятались под акацией, под которой днем метали ножичек.

— Ну вот, тут нас нескоро найдут, — уверил я, зябко ежась от радости, что остался, наконец, один на один с Томкой. — А если не вылезем, то вообще... Удобно, Том?

— Ага, — ответила она, еле переводя дыхание.

— Попробуй найди тут нас. — Я кашлянул, прочищая горло. — Забились в самые дебри Уссурийского края...

Том, так это, слушай, мы не нарочно отказались от концерта. Честное слово! Зря Мирка кричит... Просто так получилось. Не знаю, что вам там плел Борька, но...

— А я и не слушала, — перебила Томка. — Все прямо помешались на концерте!.. Концерт да концерт, подумаешь!.. Да еще Анечкин огород!

— А что, мы и там не виноваты! Я уже Мирке говорил.

— Опять Мирка!.. Ну, и нечего было со мной прятаться, раз ты без Мирки не можешь! — обиженно выпалила Томка и опустила голову.

Кое-как проглотив какой-то мерзлый ком в горле, я сказал:

— И вовсе могу без нее.

Томка глянула исподлобья, выше подняла лицо, улыбнулась и проговорила:

— А я знаю, почему ты бросил играть в садовника... Потому что я не играла. Да ведь?

— Да, — тихо признался я. — Я хотел сразу бросить, да Мирка опять, тьфу ты, черт, навязалась на язык!.. Ну, опять завопили бы, что мы ничего не хотим: ни концертов, ни садовников!.. Вот... Да, Том, а почему тебя в программе нет?

Она сперва будто не поняла вопроса, потом коротко бросила:

— Да так.

— Хитрый номер, да?

— Нет. — Она дернула плечами, водя пальцем по земле, потом отряхнула руку и подобрала под себя ноги. — Я просто не выступаю, вот и все.

— Как? — удивился я.

Она покосилась на меня и ответила:

— Не выступаю... Я ничего не умею.

— Ну да-а, — лукаво протянул я. — Каждый человек что-нибудь да умеет... Нет такого, кто бы ничего не умел.

— Есть. Я.

— Чудачка. — Я не очень весело, но рассмеялся. — Что-то же ты умеешь, только надо подумать.

— А я и думать не умею, — сказала она, и мне стало так стыдно, как будто я обозвал ее дурой, но Томка и не поняла, и не заметила этого стыда и бодро заявила: — Я уезжаю... На Черное море... В Крым... С родителями...

Недели на три... Ты будешь скучать без меня? — спросила она и чиркнула меня пальцем по колену.

Не задумываясь, я сказал:

Буду.

Она рассмеялась, пряча лицо в ладонях, потом смолкла, наклонилась ко мне и, коснувшись губами уха, прошептала:

Вов, я знаю про тебя секрет!

Меня прошиб холодный пот

Какой секрет?

Не скажу пока.

Почему?

Потому что — это секрет.

А когда скажешь?

Не знаю... Я больше ничего не знаю, — протянула она, закрыв глаза и покачивая головой, потом вдруг быстро, по-птичьи, клюнула меня губами в щеку, задохнулась на миг и, выскользнув из-под куста, убежала.

Какое-то время, зажав рукой поцелуй, как пойманную бабочку, я сидел обалдело-недвижно, потом отнял руку и глянул на ладонь, точно ища на ней что-то, и вдруг вскопчил, задирая ветки акации, и, подхваченный ураганом счастья, бросился за Томкой.

Генка закивал меня последним, водить, значит. Я уткнулся лбом в согнутый локоть и с радостью закрыл глаза. Мне нужны были темнота и одиночество. Я даже забыл, что надо считать до десяти, а сразу как провалился и опомнился тогда, когда рядом кто-то запыхтел.

Это был Славка, загнанный и потный.

Ты чего не прячешься, Флокс? — спросил я.

Как не прячусь?.. Я уже крюк дал и прибежал чикаться.

Да?.. Хм. Ну, тогда чикайся, а остальных я!..

Как я водил в этот раз! Как артист! Как фокусник! Я шмыгал по двору охотничьей собакой, я улавливал слабые шорохи и малейшие движения подкрадывающихся. Я застукал всех, даже Томку — по инерции. Мы играли еще и еще, но больше я с ней не уединялся, почему-то не хотелось, мне хватало ее случайного взгляда.

Вскоре появилась тетя Тося Головачева, вежливо напомнила нам о времени и об утреннем собрании. Генка,

пятясь, раскланялся с нами, как будто сцену покидал. Тут же попрощались Люська с Борькой — они жили рядом в другом конце двора. Ушла и Нинка, и наша троица двинулась восвояси. Мирка осталась одна-одинешенька, тоскливо поглядывая в нашу сторону и уже думая, может быть, о завтрашней маяте. Это ужасно — когда друзья еще вместе, а ты уже один.

— Славк, махни ей, — шепнул я.

— Зачем?

— Зачем, балда!.. Что тебе, тяжело? Как на крыльце, так провлюблялся с Настурцией весь вечер, а как взбодрить человека на прощание — так нет, флоксина-мопсина!

И я сам помахал, но Мирка показала мне кулак.

— Намахал! — буркнул Славка.

— Это она любя.

Славка вздохнул и рукавом прошелся по лбу. От бедняги пыхало жаром, как от нашего самовара. Беготня давалась ему нелегко. Свою полноту он старался скрыть тем, что носил узкие штаны, до того узкие, что, будь они чуточку пошире, они все равно оставались бы узкими. В карман даже рука не лезла.

— Вовк, ты никому не рассказывал про это, про мою писанину левой рукой?

— Нет.

— Забыл?

— Не забыл. Тебя бы дразнить начали.

— Верно... Я, пожалуй, брошу ее, эту левую руку.

— Конечно брось. Это ты, Славк, так, сдуру.

Небо уже погасло. Из тополей, которые тучами громоздились за домами, сочился во двор густой сумрак. В окнах вспыхивал свет, на крылечках отдыхали люди. Кое-кому мы желали спокойной ночи, кое-кто ворчал нам в спину.

Томка шла впереди шагов на пятнадцать.

— Смотри, оглянулась, — прошептал Славка. — На тебя.

— А может, на тебя.

— Может, путает — она же близорукая.

Я улынулся и ничего не ответил. Мне было хорошо: и оттого, что я влюблен в Томку, и оттого, что Славка это понимает, и оттого, что Томка знает про меня какой-то секрет.

Пока,— сказал мой друг.

Пока.

Я задержался у дверей, глядя на темное Томкино крыльцо. Мне вдруг подумалось, что Томка затаилась в сених и ждет, когда я останусь один. Ну, вот я остался один, выходи, скажи, что за секрет ты знаешь!.. Никого... Тишина...

КОНЦЕРТ

Спохватившись, что родители вот-вот придут с работы, а на столе груды грязной еще с обеда посуды, я схватил ведро и помчался в кочегарку.

Дядя Илья, голый по пояс, в брезентовых штанах и в незашнурованных ботинках, подкармливал топку одного из котлов. Другой стоял холодный, отдыхал. Истопник работал просто и четко: с маху вонзал округлую совковую лопату точно в границу между углем и полом, как в горизонт, подтягивал ее и прямо с пола мощным швырком метал уголь в ненасытную пасть, где бились, пожирая друг друга, огненные языки...

Разлилась река
Во все стороны,

почему-то вспомнил я чьи-то стихи... Эх, и любил же я иногда зимой, пробежавшись налегке по морозцу, ворваться в этот рай и замереть перед топкой, растопырив руки, чтобы тепло доползло до самых подмышек... И еще любил, договорившись с дядей Ильей, привести сюда вечером своих друзей — в душ, привести украдкой, потому что вход посторонним в кочегарку был строго воспрещен, а ну как подсунут что-нибудь под котел — и прачечная разлетится, и мехмастерские. Моясь под этим засекреченным душем, мы чувствовали себя почти контрразведчиками...

Разлилась река
Во все стороны, —

опять повторил я про себя, удивляясь, откуда же явились эти строчки.

Дядя Илья оставил лопату торчать из угля, как зонтик, чтобы потом сразу схватить ее, захлопнул дверцу топки и обернулся. На его потном чумазом лице, с крупными порами, забитыми угольной пылью, держался еще азарт работы и вроде даже отсветы пламени, от чего он казался моложе, хотя ему было уже далеко за сорок.

— А-а, Володя, привет.

— Здравсьте, дядя Илья... За водой вот — Я качнул ведро.

— Бери.

Он сел на лавку, достал из висевшей на гвозде куртки кисет с газетным клочком и принялся крутить сигарку. Я прошел за котел к вмурованному в пол баку, из люка которого валил густой пар и где что-то постреливало, нацепил ведро на тут же лежавший крюк и с его помощью зачерпнул кипятку.

— Ну, как там, ничего нового не слышно? спросил дядя Илья, когда я поравнялся с ним.

— Где?

Да на складе на вашем.

— На каком?

— Ну, брат, ты навроде чеховского мужика, который гайки от рельсов отвинчивал ему вопрос, а он два... На бельевом, понятно. Разве не говорил отец?

— Нет. Он еще на работе.

— А, ну тогда вопросов не имею.

Но я поставил ведро и заинтересовался:

— А что там, дядя Илья?

Кочегар затянулся, размышляя, наверно, продолжать разговор со мной или нет, пустил струю дыма, как котел пускает лишний пар, и сказал:

— Да жуликов, говорят, раскрыли.

— Каких жуликов?

— Опять — каких... Откуда мне знать. Сам, вишь, любопытствую... Говорят, старое белье за новое пускали... У них, говорят, порядок такой: списали белье уничтожь, и они будто бы топором его, по живому.

— Топор я слышал, — подтвердил я, вспомнив Борькин вопрос.

— Ну, вот... Отдай народу, если негоже, а не тюкай! — крикнул дядя Илья. Не тюкать-то додумались,

а до народа где там. Себе! Да мало — крупнее жульничать понесло!.. Тьфу, бесстыжие! — кочегар сплюнул и бросил окурок в поддувало.

А при чем тут мой отец? — встревожился я.

Завхоз, как-никак. Может, подробности какие.

Хм... Ну, ладно, дядя Илья, я пошел.

Странно, Борька обратил внимание на топор, а я — хоть бы хны. За стеной жулики, а я спокойненько в шахматы наяриваю!.. Испускали бы мошенники какие-нибудь лучи воровские, их бы сразу — приборчиком, а то ведь такие же люди, как все.

Кипяток плескал на ботинки, на штаны, обжигал колени, я только дрыгался, кричал, да менял руки.

Разлилась река
Во все стороны,

снова прозвучало во мне. Чьи это стихи? Чего они ко мне привязались? И без окончания... Пушкина?.. Нет, вроде... Может, из «Деда Мазая и зайцев», там тоже наводнение?.. Нет, там по-другому... И вдруг мне захотелось, чьи бы ни были строчки, закончить их, чтобы складно было. Рифма — хоть килограмм: река — дурака, чеснока, свысока. Вон сколько! Дурака, конечно, не надо в наводнение впутывать, а то еще утонет, а вот «свысока» — хорошо, сразу много получается: и река, и небо, и в небе — самолет или птицы. Лучше птицы, стаями, тревожно — ведь наводнение. Кстати, стороны — вороны самая та рифма. Ага-а, стишки, попались!

Я не заметил, как оказался дома, как начал мыть посуду, и, лишь ополаскивая последний стакан, опомнился, потому что стих, наконец, получился.

Разлилась река
Во все стороны,
Зырят свысока
Злые вороны,—

продекламировал я и вдруг понял то, что все стихотворение — мое. Все! Никаких Пушкиновых и дедов Мазаев! Моё! Просто первые строчки как-то сами сочинились, а последние сочинил я сам. Ну, и Гусь! В поэты попал!.. От восторга у меня пересохло горло, я нацедил самоварной

воды, чокнулся со своим уродливым отражением в самоваре и выпил.

Было полседьмого, а родители не приходили. Я забрел в спальню и, прислушиваясь, уставился на ядовито-желтое пятно на стене, которое потому, наверно, и пожелтело, что сочились из склада какие-то нечистые пары, раз там жулики. Смутно-смутно доносились голоса. Я забрался на спинку кровати и припал к стене ухом. Голосов было много, и много каких-то шуршаний-шелестений. Значит, разбираются. Может, уже и милиция нагрянула.

— Ай-ай-ай, Володя, нехорошо! — донеслось вдруг, как мне показалось, из-за стены, и от неожиданности я чуть не брякнулся на пол.

За косяком кто-то прыснул. Я, сжав кулаки, бросился в кухню. Конечно, это был Борька. Извиваясь от смеха, он бессильно поднял руки.

— Сдаюсь!

— Нет уж, хохотун! Ты меня сколько раз пугал! — крикнул я и для проучки вlepил ему щелчок.

Борька притворно сморщился и, почесывая лоб, зашипел:

— Ну, Гусь!.. Хотел до концерта отомстить ему за вчерашний проигрыш, а нарвался на мордобой... Конечно, так легко: сперва дураком делать, а потом обыгрывать.

— Тебя и кувалдой не свихнешь, мститель! Сколько до концерта?.. О, хватит на партию, садись, проверю, что ты за мститель, остра ли у тебя шпага.

Мы начали.

Борька решил ошеломить меня и первые восемь ходов сделал пешками. Это меня не ошеломило. Я спокойно развив свои фигуры, рокирнулся и кинулся в атаку. Борька задумался и закричал, набирая под верхнюю губу воздух. Поздно задумался, уже трех пешек и слона нет, теперь крикай не крикай — крышка.

— Петрушка, Боб, получается, — заметил я. — Утром тебе не везет, вечером — тоже.

— Похоже, — согласился Борька.

— Так всю жизнь и промаешься, если книжки по шахматам читать не будешь... Вон их у меня сколько, бери.

Борька глубоко и печально вздохнул и, после того как я с шахом взял у него конем ферзя, молча смахнул с доски

всю свою черную армию. То ли Борькина печаль, то ли эта разлетевшаяся черная армия напомнили мне вдруг сочиненное стихотворение. Я вздрогнул, поймал Борьку за руку и прошептал:

— Слушай, Боб, я стихи сочинил!.. Сам! Понимаешь?.. Ничего ниоткуда, ни слова, все сам! — Борька поднял на меня серьезные глаза. — Хочешь прочитаю? Слушай! — И, задрав лицо к потолку, я протрубил:

Разлилась река
Во все стороны,
Зырят свысока
Злые вороны,

Ну как?

Я знаю, что у Борьки критический нрав, а проигрыш мог распалить его еще больше, но стихи мне казались такими безгрешными, что к ним просто невозможно придраться.

— Ничего, — сказал Борька, чуть подумав. — Только страшновато: и река разлилась, и вороны.

— Наводнение, — пояснил я, ликуя.

— А-а, и по воде, наверно, утопленник плывет.

— Почему? Никаких утопленников! Вода чистейшая!

— А чего тогда воронам зырить?.. Они что, дураки, что ли, зырить на чистейшую воду!

— Хм... Ну, ладно, пусть утопленник, — согласился я горько, потому что именно от этого вся картина стала страшной.

Борька что-то прикинул и произнес:

— Теперь лучше... А кто утопился?

— Я откуда знаю! Ты же сам придумал.

— Так из-за твоих же ворон, — оправдался Борька.

— Не ворон, а воронов! — зло поправил я.

— Какая разница!

— А такая, что у ворон нету рифмы, а у воронов есть! — прокричал я. — И хватит!.. В стихах ты хуже разбираешься, чем в шахматах!.. Тебе только покойников подавай!

Борька небрежно усмехнулся, поставил на доску белую пешку и щелкнул ее по голове. Я решил, что под белой пешкой он имеет в виду меня, выдвинул на середину черную пешку и так долбанул ее, что она сделала двойное

сальто-мортале. Под ней я подразумевал, конечно, Борьку. Он это понял, и мы вместе отходчиво рассмеялись.

— Боб, уже семь! — спохватился я и опять глянул на желтое пятно, точно обвиняя его в отсутствии родителей.

Борька уловил мою тревогу и спросил:

Ты чего сегодня к складу прицеливаешься?

— Да так, — уклончиво ответил я, не желая посвящать Борьку в темные складские делишки. — Айда на концерт. Мы зашли за Славкой, за Юркой и отправились.

У крыльца Куликовых уже теснились двумя рядами стулья, табуретки и даже одна скамейка, опертая одним концом на чурбак, потому что была без ножек. Взрослых пока не было, зато мелюзга, пища и повизгивая, барахтались клубками, спихивая друг друга с двухметровой доски, специально, видно, положенной для них на землю. Карапузам этот живой концерт — зрелище ого-го-го! А то у них ни песочниц, ни качель, ни лесенок — ничегошеньки, один шлак у забора да картофельные очистки.

Мы уже заранее выбрали себе место — на дровянике. Он стоял, врезавшись в огород, прямо против сцены. По углу вскарабкавшись, как коты, мы улеглись на ржавую крышу так, что видны остались одни наши макушки.

Сени Куликовых были открыты, там чувствовалась возня и нервозность. На крыльцо выскочила Нинка, в царском венце с лентами, в марлевом пышном платье до пят, и стала привязывать веревку поперек сцены. У нее не клеилось, она злилась, дергалась. А у меня даже ладони зачесались — эх, как бы я сейчас эту веревочку натянул!.. Наконец, кое-как, с провисом, закрепив ее и перекосив свой царский венец, Нинка шмыгнула за кулисы, мелькнув марлевым подолом.

— Для занавеса! — хихикнул Юрка. — Химики.

Хмыкнул и Борька, но заинтересованно.

Закутанная в черную цветастую шаль, пробежала Мирка. Вернее, не пробежала, а не знаю, как это называть одним словом, потому что Мирка не просто бегала, а вертелась на бегу, прыгала боком, по-сорочьи, и скакала задом. Копыщащихся малышей она перемахнула, как костер.

— О! — крикнул уважительно Юрка. — Ха, гляньте, — дрессировщик с волкодавом!

Это был Генка, в черных брюках и белой рубашке. Круто изогнувшись, он тащил тяжеленный футляр с баяном. Рядом, чуть выше Генкиного ботинка, преданно семенил Король Морг. Мы свистнули Генке. Он натужно улыбнулся нам, махнул ркой и, пыхтя, поднялся на крыльцо. Король Морг метнулся на нижнюю, самую высокую ступеньку, сорвался и заскулил. Малыши подсадили его, и дальше полез он сам, прямо по-пластунски. Наверху щенок наткнулся на козьявку, наверно, потявкал на нее, заходя с разных сторон, ударил лапой, понюхал, фыркнул, тряхнул большой ушастью головой и упелся в сени.

Выскочил Генка и с неожиданной проворностью подтянул веревку, а тут же подоспевшие Мирка с Нинкой подвесили к ней на прищепках две простыни, которые тотчас превратили крыльцо в настоящую сцену.

Юрка аж простонал — все закрылось и не над чем поиздеваться больше. Но тут притопали две старухи — первые зрители, и Юрка прямо скрючился от смеха. Он и нас заразил, рожал! Мы даже сползли ниже, чтобы отсмеяться, но, когда выглянули опять, удивленно выгнули губы — «зал» был почти полон, а люди подходили и подходили. Значит, прочитали афишу. Еще бы — на уборную приколоть! И тетя Зина Ширмина пришла, хозяйка ранеток и овчарки Рэйки. Тетя Зина, толстая и нарядная, сама пела в клубе «Транспортник», и у нее был вид знатока, мол, сейчас разберемся, что здесь к чему. Ширмина всегда подчеркивала, что она не простая птица, и даже ругала нас как-то театрально-культурно.

Тут же был и дядя Федя. Он сразу заметил нас и крикнул:

— Привет, галерка!.. А вы чего не выступаете?

— Мы не дураки, — ответил Юрка.

— Ух, ты! — воскликнули взрослые, оборачиваясь к нам. — Поглядите-ка на умников!.. Чего это вы приперлись на дураков-то смотреть, а?.. А ну-ка, марш отсюда!

Нас бы точно турнули, и не видать бы нам концерта, если бы в этот момент, не знаю, нарочно или случайно, не откинулась простыня и не вышла Мирка. Малыши захлопали в ладоши, и тетки отвлеклись от нас.

Я зло ширнул Юрку кулаком.

— Чего? — огрызнулся он.

— Ничего!.. Еще получишь за свой язык!

— Уж не от тебя ли?

— Именно от меня!

— Ты теперь поосторожней с Гусем — он стихи начал писать, — вмешался Борька. — Такую про тебя рифму заignet, что всю жизнь будешь чихать и каплять.

— Я загнул! — буркнул Юрка.

Мирка весело объявила:

— Товарищи! Начинаем наш маленький концерт!..

В нем участвуют... — Она перечислила всех участников, среди которых Томки так и не оказалось, и добавила, что труппе не хватает мальчишек и что это плохо, потому что пьесу, приготовленную ими, пришлось сильно сократить, а оставшиеся мужские роли вынуждены играть девочки. Зрители засмеялись и снова оглянулись на нас, мол, эх вы, мужчины. — Но ничего, мы обошлись! — крикнула Мирка. — Сами увидите как... Итак, пьеса «Царевна-лягушка»!

Перед занавесом появились два добрых молодца, два брата, царских сына, с луками и стрелами. Одним молодцем был Генка, другим Люська, в штанах, в сапогах и в шапке с куриным пером. Братья пожаловались друг другу, что надо жениться, и решили стрелять — куда стрела попадет, там они и найдут своих невест. Генка отвернулся и пустил стрелу через крышу, в тополя, а Люська как стояла к нам лицом, так и пальнула прямо в нас, как будто все мы были ее невестами, то есть женихами. Стрела порхнула над нами и упала в огород. Братья, пожелав один другому счастья, расстались: Генка исчез за занавесом, а Люська спустилась по ступенькам и стала расспрашивать детвору, не видел ли кто ее стрелу. Те кричали, что видели и что она улетела за дровяник, и даже вызвались проводить. Но тут из-за простыни выскользнула купеческая дочь, в сарафане и с размазанными щеками, в которой мы сразу признали Мирку. Она поклонилась добру молодцу и протянула ему вроде бы найденную стрелу. Люська обрадовалась, поцеловала купчиху, и они в обнимку удалились. А потом занавес раздвинулся и действие пошло в декорациях...

Честное слово, я не ожидал, что все будет так по-правдашнему интересно! Конечно, мы знали, что вон той черной шалью завешено окно, а камень, на который печально

опустился Иван-царевич, разговаривая с невидимой лягушкой, — это опрокинутая табуретка, накрытая серой тряпкой, да и фикус с редкими листьями мало напоминал сказочный темный лес. Но все это пустяк! Главное — играл! А играли здорово! Особенно Нинка. Была она, конечно, царвной-лягушкой!

Ох, и похлопали им! Хлопали даже мы, забыв, что мы изгнанники.

Потом, уже не закрывая занавеса, девчонки хором спели две подряд песенки, и Мирка, наконец, объявила, что выступает Гена Головачев с дрессированным псом.

Генка вышел, вернее, вышел баян с ногами и головой — баян-робот. Неуклюже и с опаской, на шаривая под собой стул, он сел и, наклонившись, проверил, тут ли Король Морг. Щенок был на месте. Он поглядывал то на хозяина, то на зрителей и облизывался — его, видно, перед выходом чем-то угостили.

А Генка развел меха...

В будущем всех нас ждет что-то большое и красивое, но что именно — неизвестно. Генка же точно будет музыкантом или даже композитором! Он и теперь уже музыкант!

Генка играл какой-то танец. Баян был большой, и казалось, что это не Генка растягивает его, а, наоборот, баян разводит Генкины руки.

— Это Чайковский, — сказал он. — Видите, под Чайковского Король Морг не поет... Или вот «Саратовские припевки», — Генкины пальцы быстро забегали по пюговичкам. — Вот, видите, даже под припевки не поет... Или вот полька Штрауса... Не поет!.. А теперь «Песенка Герцога». — Генка сделал паузу и вдруг — та-та-та — тарара-а, про то, что сердце красавиц склонно к измене.

Король Морг как вскинул мордашку да как взвыл!.. Все артисты высыпали из-за кулис, а зрители подняли такое ликование, что испугали самого певца. Он осекся и прижался к хозяйскому ботинку, виновато-хмуро косясь на публику. Но музыка взяла-таки свое, он опять задрал голову, показывая свой аккуратненький галстучек, и запел, искренне и смешно.

Генка оборвал песню, поставил баян на табуретку, взял Короля Морга на руки и, прижимаясь к нему щекой, смущенно поклонился. «Зал» так и взорвался от восторга!

— Концерт окончен! — крикнула Мирка.

Под аплодисменты на крыльцо важно поднялась тетя Зина Ширмина. Она поблагодарила юных артистов за доставленное удовольствие, пожала руку Мирке и наклонилась к Генке, чтобы поцеловать его, но поцелуй сорвался — Король Морг вдруг ласково дернулся к ней и лизнул ее в губы. Ширмина, вскрикнув, отшатнулась и чуть не загремела с крыльца, спасибо, девочки поддерживали.

Лучшего финиша для концерта нельзя было придумать. Молодчина Король! Надо было еще ее за нос цапнуть! Не все ей нас овчаркой Рэйкой пугать, и мы можем!.. Тут уж, не прячась, мы насмеялись вдоволь, потому что смеялся весь «зал». У тети Зины хватило мужества не рассердиться. Она тщательно вытерла платочком побледневшие губы и с напряженной улыбкой сошла вниз.

Зрители поднялись.

— Эй, рододендроны! — крикнула нам Мирка, когда все разошлись. — Чего разлеглись!.. Хотя бы прибраться, лопухи, помогли!

Мы переглянулись многозначительно, мол, вот, хоть и прославились на весь двор, а без нас не могут обойтись!

— Ну, что, парни? — спросил я. — Лопух, Флокс и ты, как там тебя по-садовому-то, Чертополох, что ли?.. Поможем?

— Поможем, — охотно ответил Славка.

— А чего, — сказал Борька, — заработали.

А Юрка сел и пристально глянул в обе стороны двора. Он и во время концерта несколько раз скидывался и озирался, ожидая, видно, сигнала от тех пацанов. И правда — раздался острый свист. Из-за дома справа выглядывали трое и махали руками. Юрка так и кувыркнулся с крыши и умчался к ним единым духом. Не верю, что он может так возлюбить кого бы то ни было, плюнув на все, нестись очертя голову, скорее он боялся. Тогда кто же они, чтобы их бояться?.. При случае надо спросить Юрку.

Ухватившись за выступ крыши, мы повисли на ней, как огромные и, наверное, страшные сосульки, потом, подпрыгав ногами, оторвались и смущенно-неуверенно направились к крыльцу. Крыльцо, собственно, не изменилось — и

вчера мы тут играли в садовника, и сегодня будем играть, — но то, что оно тем не менее стало сценой, мешало нам легко и запросто взбежать на него, как раньше. Да и сами девочки, эти царевны, добрые молодцы и купчихи, как они теперь?.. Все как-то странно повернулось, и лишь Томка, о которой я вдруг вспомнил и которая вообще не явилась на концерт, осталась для меня прежней.

Мы замерли у нижней ступеньки, и я, пасмурно улыбувшись, спросил:

— Можно?

Нинка, опять нацепившая венец, глянула на нас с высоты и величественно сказала:

— Попробуйте!

НОВЫЕ ЮРКИНЫ ПРИЯТЕЛИ

Девочки не зазнались, и этот вечер мы провели весело, как обычно. Правда, Томка так и не пришла. Сперва мне было немного досадно и обидно, но потом я разыгрался и забыл про нее. Вспомнил уже в сумерках, когда стали расходиться, и опять погрузился. Я как-то привык, что она не спеша, изредка оглядываясь и размахивая одной рукой, шагает впереди нас со Славкой. А тут, значит, впереди никого не будет.

Генка вдруг задержал готового улизнуть Борьку и сказал:

— Зайдемте к нам, ребята.

— Зачем?

— Ну, просто.

Мы замялись. Мы не любили квартиру Головачевых, ее чистоту и опрятность, ее прохладный полумрак, ее трюмо, поставленное, казалось, специально для нас, чтобы мы следили за собой и не сделали бы чего-нибудь не так. Да и тетю Тосю не то, чтобы не любили, но вроде этого. Она всегда тихо, ласково приглашает нас пройти, присесть, а сама косится на наши ноги; мол, не тащите ли грязь, мол, видите, как у меня тут все блестит.

— Поздно, Генк, куда же на ночь, — отнекивался я.

— Какое же поздно, когда мама еще не звала меня!.. Зайдемте. Я завтра уезжаю в лагерь, на второй сезон...

Утром от «Транспортника» отходит автобус... Зайдемте, — настойчиво повторил он.

— В лагерь?.. Ну, вот! — только и выговорил Борька, глянув вслед удаляющейся Люське.

Эти слова были как вздох печали: вот, мол, и начинается распад нашей компании. Ведь стоит отколоться одному, как вспыхивает цепная реакция, и к середине лета из девяти человек останутся на съедение скуке двое-трое. И Томка вот-вот укатит, если уже не укатила сегодня... При этой неожиданной мысли меня бросило в жар, и я торопливо сказал:

— Что ж, Генк, давай лапу!

Он затряс головой.

— Не-не-не, не тут!.. К нам. Хоть на минуту!.. Я знаю, что вам не нравится у нас, что вы любите маму да и... меня...

Славка, тряхнув его за плечо, простучал:

— Да ты что, Генк! Это ты брось!

— Не-не, я знаю!

— Раз так — пошли к ним, парни! — скомандовал я.

В последнее время, точнее, с позавчерашнего утра, когда ко мне наведалься Томка и назвала меня главным среди пацанов, я заметил, что друзья ко мне действительно как-то прислушиваются, хотя я вовсе и не рвусь в атаманы, Юрка скорее в атаманы рвется. Может, он потому и нашел новых приятелей, что с нами у него атаманство не выгорает. Да и с теми — не похоже.

Тетя Тося читала при свете настольной лампы. Рядом, тоже похожая на настольную лампу, стояла высокая хрустальная ваза, накрытая вышитой салфеткой. Под салфеткой что-то бугрилось, и в комнате сильно пахло виноградом.

— А-а, мальки! — пропела тетя Тося, закрывая рукой вырез платья. — Садитесь!.. Гена, подай стулья.

Генка, успевший оказаться в тапочках, лихо подал стулья, мы их плотнее прижали к порогу, сели и застыли, как в парикмахерской.

— Мама, можно угостить ребят? — спросил Генка.

— Чем! — удивилась тетя Тося.

— Виноградом.

— А-а, ну, конечно, конечно! — воскликнула тетя Тося и задрала на вазе край салфетки, под которой ядрено блеснули крупные ягоды. — Угощайтесь, мальчики!

Это было очень кстати, потому что жрать хотелось до чертиков, но ваза сверкала в трех-четыре шагах. И кто бы решился на эти шаги, под этим взглядом, по этому полу и в таких ботинках? Разве что Юрка, но он как удрал после концерта, так и не подходил к нам, хотя, не знаю для чего, кружил вокруг да около со своими друзьями... Так что мы глотнули слюну и потупились.

— Ну, уж если вы такие скромники, то я сама вас угощу, — укоризненно-довольно проговорила тетя Тося, взяла из вазы гроздь и, отрывая от нее кисточки, стала передавать их через Генку нам. По-моему, виноградины на кисточках она считала, потому что к некоторым добавляла из вазы, а от некоторых как бы просто так отщипывала и клала себе в рот.

Мы живо слопали свои дозы — только семена прохрумливали.

— Мама, а еще можно угостить? — опять спросил Генка.

— Чем? — еще больше удивилась тетя Тося.

— Персиками... Там, в ящике.

— А-а, ну, конечно! — радостно спохватилась тетя Тося. — Я сама, — остановила она рванувшегося было Генку, поднялась и скрылась в темной спальне, откуда сквозь полураздвоенные занавески холодно позыркивало на нас трюмо.

Генка хитро подмигнул.

— Вот, мальчики... Чуть-чуть зеленоваты, но ничего. — И тетя Тося опустила нам в ладони по одному желто-красному, пушистому, тяжелому персику.

Слюна пошла — хоть корабли пускай. Но я не стал есть персик на глазах у тети Тоси, чинно, осторожно и беззвучно, мне хотелось вгрызться в него так, чтобы захлебнуться соком, хотелось почавкать и покрякать от блаженства. Поэтому я только нюхнул его, прикоснувшись носом к ворсинкам, и опустил руку.

Ребята сделали то же самое.

Генка поцарапал между светлыми бровями, как бы решаясь на что-то, и опять обратился к матери:

— Мам, я ведь завтра уезжаю, можно я на прощание угощу ребят еще?.. Грецкими орехами?

— Орехами? — Вот тут удивление тети Тоси перешло в нахмуренность. — А у нас остались они?

— Остались, мам! — счастливо подтвердил Генка.

— Господи, чего тогда спрашивать?.. Угости, конечно! — И она уткнулась в книгу.

Видя, что Генка входит в гостеприимный азарт, я понял, что надо сматываться, а то он разбазарит всю посылку, только что, видно, полученную из Алма-Аты. Головачевы часто получали оттуда посылки от родственников. Пока Генка добывал где-то под кроватью угощения, я кивнул на дверь, и мы разом поднялись. Но Генка успел. Он сунул нам по паре черепашистых орехов и вышел про водить нас. А на крыльце сыпанул в наши карманы еще по горсти изюма.

— Да ты сдурел, Генк, — сказал я. — Тебе же влетит.

— Подумаешь! — счастливо улыбаясь, прошептал он. — Я же уезжаю завтра!

— А как же Король Морг? — вспомнил Борька. — Не забудет «Песенку Герцога»?

— Нет... А если и забудет, выучим другую, — простецки ответил Генка. — Ну, ребята, бывайте!

Он пожал нам руки, и мы расстались.

Борька повернул в свой край, мы со Славкой — в свой, впиваясь, наконец, в персики и высасывая из них все среднеазиатское волшебство.

Было уже поздненько. В квартирах пылало электричество, и от окон до забора висели в воздухе прозрачные световые запыры, разбивая двор на четкие отсеки: свет — тьма, свет — тьма, и мы двигались как будто по перрону вдоль длинного ночного поезда, выискивая свой вагон и свое купе.

— Нах хаузе, ребята? — спросил неожиданно кто-то с темного крыльца, и мы увидели раскаленный уголек, описывающий дугу.

Это был дядя Федя.

Меня вдруг прошибла такая слабость от усталости и голода, только растравленного сладким, что я прислонился к стене. Видно, поняв мое состояние, дядя Федя приказал нам подняться наверх. Я еле-еле осилил четыре-пять сту-

пенек и плюхнулся у дяди Фединых ног. Он что-то разломил со щелчком и подал нам. Это была твердая копченая колбаса. Аж со стоном я вцепился в нее.

Соседнее окно разжижало мрак, и я заметил на крыльце разостланную газету, стакан, куски хлеба, еще что-то и спросил:

— А чего вы в темноте, дядя Федя?

— Так, Володя... Я тут гульнул маленько.

— Да, вином пахнет, — приняхавшись, сказал Славка.

— Водкой, — уточнил дядя Федя. — Целую четушку ахнул, за два приема... Такой уж у меня сегодня день — аховский. — Пустив тоскливую струю дыма, дядя Федя покачал головой, и я разглядел, что он действительно какой-то не такой, неуютный, помятый: шевелюра включена, рубаха до ремня расстегнута, один рукав засучен до локтя, второй распушен и заглотил полкисти; но в голосе и в движениях — ни капли пьяности. — Ешьте-ешьте, растите... Мой бы Игорек был сейчас как вы, только года на два старше, вот такой, наверно. — И он ладонью показал надо мной, на сколько его Игорь был бы выше меня.

К дяди Фединому одиночеству мы привыкли так, как будто он век жил один, хотя знали, что у него была семья и что она погибла когда-то в дорожной катастрофе, но глубже не интересовались. А выходит, был сын Игорь, наш сверстник... И я внезапно подумал, что уж не с печальным ли прошлым связана сегодняшняя дяди Федина неуютность?.. Точно уловив мою мысль, он сказал:

— Дело, ребята, в том, что двадцать лет назад, еще во время войны, вот в этот день, десятого июля, у меня появилась жена... А пятнадцать лет назад, уже после войны, в ночь с десятого на одиннадцатое июля у меня появился сын Игорь... А десять лет назад, девятого июля же, исчезло все... Видите, на какие огромные пятерки разбита моя жизнь? Вот поэтому-то я сегодня и гульнул. И вы меня, надеюсь, не осудите.

— Кто, мы?.. Да что вы, дедя Федя! — почти испугался я.

— Ну, спасибо, ребята. — Он вздохнул, смял потухший окурок и задумался, облокотившись на колени.

Молчали и мы, не жуя колбасу, а посасывая ее. В словах дяди Феде дыбом встало что-то жуткое.

Он, точно опомнившись, резко выпрямился, пятерней прибил шевелюру, закатал второй рукав до локтя и, коротко усмехнувшись, проговорил:

— Мне рассказали, как Анечка гналась за Юркой с поварешкой. Смешно, конечно, но и грустно. А я вспомнил, как за мной однажды вот так же гнались, только не тетенька с поверешкой, а немец с автоматом. Вот был марафон так марафон! Призы понятно какие: первое место — жизнь, второе — смерть. Судья — пуля. Хотите?

— Конечно! — щелкнул зубами Славка, мы оживились и опять зажевали колбасу.

— А дома? — спросил дядя Федя. — Вдруг опять где разбой, и Лазорский вас пытает будет?

— Ничего, — сказал я. — Мы же у вас. Да и огороды не каждую ночь чистят.

— Ну, ладно... Значит, дело было так. Разбила как-то наша артиллерия немецкий обоз — автоколонну с боеприпасами, продуктами, кухней и прочим. А у нас с харчами не густо было. Вот я и к командиру — разрешите, мол, пошарить. Ты что, говорит, с ума сошел, кругом же немцы. Товарищ младший лейтенант, говорю, да пока они очухаются после обстрела, я десять раз вернусь. Разрешил. Ну я и отправился. Где ползком, где перебежкой, пересек нейтральную полосу, заскочил в лесок, чтобы из него до разбитых машин добраться, и только приподнялся, а из-за кустов на меня детина с автоматом: «Хэндэ хо!» — руки то есть вверх. Представляете?.. Что делать?.. Эх, думаю, пропадать, так с музыкой — прыг в кусты и бежать. Даст сейчас очередь, думаю, и все!.. Но нет, не выстрелил, за мной, гад, кинулся, живьем, значит, взять захотел. Вот тут-то, друзья мои, и началось соревнование. Я лечу, как пуля, немец — тоже, на пятки наступает. Чувствую даже, как пятерней царапает по спине, схватить хочет, а гимнастерка натянута, горстью не цапнешь. Вдруг запнулся я за что-то, упал, фашист кубарем через меня. Я вскакиваю, прыг через него — и дальше ходу. Тут траншея, я в нее и — направо. Немец следом и — налево. Здесь только я пришел в себя и вспомнил про автомат... У меня же с собой автомат был, болтался на шее. Я об него все руки поразбил, а выстрелить не сообразил. Немец хватился — нет меня, повернул — и ко мне. Только из-за угла, я его —

раз! — очередью, и все, на этом кончилось наше соревнование... Вот какие игрушки были на войне. А то поварешкой — подумаешь!

— Да-а,— протянул я.

— Ну, ступайте, ребята, а то и мне влетит... Чуть чего — дядя Федя, мол, извиняется.

Мы поблагодарили за колбасу, за рассказ. Дядя Федя спустился с нами с крыльца, следом, брякая по ступенькам, скатилась пустая четушка. Дядя Федя поднял ее и дунул в горлышко.

— Вы лучше не пейте,— сказал Славка.

— Да я и не пью. В год одна бутылка и та — малопулька. Куда бы ее деть?

— Швырните через огород,— посоветовал я.

— Как гранату, да?

— Ну, представьте, что оттуда танк ползет.

— Откуда?

— Вон, из гаража.

— Ага, ну-ка!

— А хватит силы?

— Если танк, то должно хватить! — Он размахнулся и так пустил бутылку, что она только свистнула, а рукав его снова распустился до кисти.

Секунд через пять в нашем гараже грохнуло железо, да так, будто там действительно взорвался танк, и дробно зазвенели разлетевшиеся осколки. Не ожидавший такого шума дядя Федя с деланным испугом схватился за голову, присел и маханул на крыльцо. Мы же, пригнувшись, драпанули прочь, но у палисадника Ширминых остановились, свернув за угол, и прислушались. Было тихо.

— Славк, тебе ничего не показалось? — шепотом спросил я.

— Показалось.

— Что?

— Вскрик.

— Мне тоже... А может, это не там, а где-то тут?

— Бутылка разбилась там, а вскрик тут?.. В гараже! — убежденно прощелкал Славка.

Мы опять напрягли слух, вытянув шеи и даже привстав на цыпочки, но нигде — ни звука, только за мехмастерскими с воем пронеслась электричка.

Я спросил:

— А кто же это?

— Может, сторож.

— Сторож бы не такой крик поднял да еще бы из ружья бахнул. Что ему ночью в металлоломе делать? — возразил я. Кроме нас там некому быть, а мы тут.

— А Юрка? — спросил Славка.

— А-а-а!.. С приятелями! прохрипел я, вспомнив, как они все блуждали вокруг двора, дожидаясь, наверно, темноты.

Какое-то время мы со Славкой глядели друг на друга, переваривая эту мысль, потом жарким и сбивчивым шепотом, почти стукнувшись лбами, завозмущались, мол, черт с ним, с Юркой, заводи он знакомства хоть с самим Алибабой и сорока разбойниками, но выдавать наши тайны — это подлость и предательство! Да и одним ли предательством тут пахнет? Эка радость — копать ночью в ржавых железяках! Днем бы другое дело! Так что петрушка какая-то получается... И тут нас осенило: склад — вот на какой цветочек слетелись эти пчелки! Юрка выболтал, конечно, про дыру в стене, и те уцепились! Грабеж! Надо немедленно вызвать Борьку и Генку! Нет, Генку отставить, хороший он человек, но в такой ситуации пусть лучше спит!

И вдруг все эти наши горячие домыслы показались мне такими вздорно-фантастическими, что я фыркнул и сказал:

— Славк, а мы не того, а?.. Может там никого нет?.. Или, может, пружина какая скрипнула по-человечьи?.. Давай проверим, а то ведь Борька засмеет

Славка куснул ноготь и согласился.

Мы пошли. Окна еще горели, но как-то уже устало, прямо чувствовалось, что они вот-вот погаснут и мы утонем в сплошной темноте, потому что луны не было — она точно рассыпалась на звезды.

Мне стало тревожно.

— Славк, а если мы столкнемся? — спросил я.

— Сколько их, четверо?

— Вроде.

— Справимся. Ты — двух, я — двух. Я даже трех.

— Зачем? Попролам! — взбодренно заявил я, хоть сроду не дрался и не имел понятия, сколько могу одолеть и могу ли вообще. — Не зря у меня ладонь чесалась.

Мы шмыгнули в калитку. Над огородом призрачно туманился долетавший от вокзала свет станционных прожекторов, чуть белели подсолнухи, и чернела тропа. Привычно скользнув за уборную и пригнувшись, мы добежали до бурьяна, упали и поползли по крапивному целику, ожалывая руки и уши. Возле забора, метрах в двух от лаза, замерли.

Из гаража доносились приглушенные голоса.

Меня моментально прошибла дрожь, я дернул Славку за штанину, мол, все понятно, тикаем, но в это время в лазе зашебаршило и кто-то с пытением протиснулся. Я прижался к земле, из глубин которой в меня оглушительно затукали удары собственного сердца. А у лаза все росло и росло копошения, шелесты и слова:

— Тихе, Дыба, не порви!

— Не беспохлёпся!

— Кока-Кола, у тебя сколько?

— Одна.

— У всех, значит, по одной. А там еще осталось?

— Дополни.

— Шик модерн. С ними после, а как с этими, Юрок?

— Оставим пока тут, Блин, а то вон не спят еще, — ответил Юрка. — А позже я под крыльцо перетаскаю.

— Точно, Юрок, действуй, — одобрил тот, кого звали Блином. — А завтра мы их — фьюты! — И он коротко свистнул. — А с остальными видно будет... Все!.. Шик модерн! Ну, детки — ходу!

Бурьян прошумел и смолк. Чуть спустя легонько стукнула калитка — ушли! Немного подождав, мы выползли на тропку и наткнулись на что-то холодное и скользкое.

— Резина, — шепнул Славка.

— Точно... А-а, камеры! — удивленно догадался я. — Мы с Юркой видели их в складе... Во, дают!.. Славк, чуешь?

— Чую. Четыре штуки! — процедил сквозь зубы Славка. — А здоровые — щупай!

— Ага!

— Такую бы надуть да на речку — всех бы удержала! С рост, наверно, да, Вовк? — восторженно шепелявил Славка.

Сам он плавать не умел, поэтому в камерах сразу увидел спасательное средство. Но они бы не только для спасения сгодились, и для умеющих плавать забава — будь здоров! С маленькими-то камерами, от легковушек, пацаны в воде вон что вытворяют, а уж с этой бы машиной — ого-го!

— Ну что, зовем Борьку? — спросил я.

— Незачем теперь. Противник смылся, камеры украдены.

— Полуукрадены! — важно уточнил я, вдруг почувствовав на себе какую-то ответственность. — Украденными они бы считались у Юрки под крыльцом, а там они никогда не окажутся!

— Еще бы!.. Вот только куда бы нам их спрятать?

— Как куда?.. На место, конечно, — на склад! — тоном, не допускающим возражений, заявил я.

Но Славка возразил, он сказал, что из склада Блины их снова украдут, что они так и собираются сделать и что мы же не будем дежурить тут всеми ночами. Верно возразил. Вот если бы дыру заколотить, но бесполезно — весь низ стены прогнил, ткни куда угодно и лезь. А просто прятать не имело смысла, потому что для склада они все равно будут как украдены. Мы оказались в тупике. А время между тем шло, окна одно за другим гасли, и с минуты на минуту мог явиться Юрка. Мы его конечно, не боялись, но хотелось все проверить тайком, чтобы примчался он, хватать — тью-тью, исчезли камеры по щучьему велению, по нашему хотению! И выпучил бы он свои выпученные глаза еще больше!

И вдруг идея пришла.

— Славк! — торопливо прошептал я. — Камеры-то были надеты на деревянный штырь, а мы их кинем просто так, прямо посреди склада! И еще что-нибудь перевернем, чтобы погром получился! Кладовщик придет утром — что за черт? Рабочих позовет, найдут дыру и все отремонтируют! Здорово?

— Шик модерн! — сказал Славка, и мы радостно хихикнули, представив, как этот шикмодерновый Блин, который у них, кажется, в жоках, устроит завтра Бобкину

головомойку — ведь ни за что не поверит, что камеры исчезли бесследно.

Мы нацелили на руки по две камеры и, спешной разная бурьян, поволокли их к лазу.

— Здоровые! — прокряхтел я. — И правда, если такую надуть да на речку, будет потехи... Слушай, Славк, а если мы это, утаим одну, а?

— Как? — остановившись, спросил Славка.

— Ну как!.. Блипы хотели четыре штуки спереть, мы помешали, возвращаем их на склад, но одну, одну, вроде как в награду, оставляем себе, понял?.. Какой тут грех?.. То на складе пропало бы четыре, а то одна! Что лучше?

— Лучше ни одной, — вздохнул Славка.

— Это я знаю без тебя, — поморщился я, захваченный этой новой мыслью. — Но ты хочешь поплавать на камере?.. Может, мы никогда в жизни не встретим таких мощнецких камер!.. И не забывай, что три-то штуки мы возвращаем!.. Ну... Борька бы, не задумываясь, согласился!

— А Генка?

— Генка!.. Плюс на минус — вот они взаимно и уничтожились. Мы решаем.

— Давай! — озорно крикнул Славка.

— Ну то-то!.. Сразу плавать научись!

Я отцепил одну камеру, и мы живо процарапались в гараж. Если над огороженной ширью дышал хоть какой-то свет, то в теснине между забором и складом было совершенно темно, и, не зная мы этого хозяйства как свои пять пальцев, мы бы тут заблудились. Радиатор стоял сливным патрубком вверх, как ни в чем не бывало — опытные, видать, блинчики-то. Но и мы не лыком шиты. Сдвинув его, проползли внутрь. Оставив Славку у пролома, чтобы не потерять дыру, я ухватил сразу все камеры и, громко шурша ими об асфальтный пыльный пол, двинулся, выставив свободную руку и водя ее из стороны в сторону, чтобы не разбить лоб, и одновременно тыча вокруг ногами. Ящики... Ящики... Бочки... Похоже на мотор... А, вот стеллаж, который, помню, выпирал до середины. Прекрасно. Но как разбросать камеры, они же не кольца из паркового аттракциона; не швырнешь. Я просто взял и растащил их и

зашарил, чего бы еще набедокурить. Все было тяжелым — ни пошатнуть даже. Тогда я давай таскать из ящиков какие-то фигуры и беспорядочно расставлять их на полу, как сумасшедший шахматист. Нервы были на взводе, так и казалось — сейчас вспыхнет свет, на меня наставят ружье и прикажут: «Руки вверх!»

— Вов, кончай, — прошептал Славка.

— Ага, иду, — радостно отозвался я. — Где ты, посвистывай!

— Не умею.

— Балда, что ты только умеешь?.. Плавать не умеешь, свистеть не умеешь, левой рукой писать не умеешь. Где ты?

— Тут.

— Щелкай тогда зубами, — сердито, но в шутку сказал я.

Но Славка в самом деле защелкал, и мне стало жутко, точно скелет меня подманивал.

— Хватит! — прервал я.

— А что делать?

— Ничего. Я уже тут. Все, пошли... Дыру не будем маскировать, пусть увидят просвет.

Мы выбрались из гаража.

В домах горело по одному-два окошка — как редкие, но золотые зубы в пустых черных ртах.

Сложив вчетверо скользкую, упругую камеру, я обхватил ее, как сумку без ручки, и мы поспешили вон из огорода.

ВНЕЗАПНЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ

В кухне было темно, но в спальне держалось голубое озарение — родители читали. Они всегда читали перед сном лежа, отец даже привинтил у себя над кроватью какую-то рогульку с лампочкой и абажурчиком, чтобы не включать общий свет и не мешать моему сну.

Камеру я с трудом, кулаками, загнал под старый шкаф в сенях, прикрыл ее мешковиной, прошел на кухню и щелкнул выключателем. На будильнике было четверть первого. Ужас! Рекорд! Так поздно я еще не являлся.

— Вовка! — окликнул отец. — Ну-ка покажись, я посмотрю на твою бесстыжую рожу! — голос отца был язвительный, но не злой — это еще ничего.

Веселый, улыбающийся, одним видом говоря, мол, все в порядке, я заглянул к ним и доложил, что снова просидел у дяди Феди, что у него сегодня три годовщины, пояснил какие, что он рассказал нам много интересного и что сам он извиняется за нашу задержку. Я и не соврал, и не сказал всей правды — нельзя было, раз мы зажулили одну камеру. Отец вздохнул, отвернулся и задумался, а мама спросила, голоден ли я. Я добро ответил: «Нет». Я давно заметил, что, когда человек сыт, он почему-то меньше виноват. Хотя есть я хотел ужасно! Ну что там — персик да кусочек колбасы за весь вечер. А на кухонном столе накрыт был газетой мой ужин. Я приподнял газету — котлета, картофелина и ломоть хлеба. Эх и заглотив бы я все это вместе с тарелочкой! Но... сыт, значит, сыт. Пусть до утра стоит, пусть убедятся, что я действительно сыт!.. Я пощупал самовар и выпил два стакана чуть теплой воды.

Бегло умывшись, бухнулся в кровать. Освеженные руки и лицо вдруг загорелись от крапивных ожогов. Ничего, Юрок поищет камеры и тоже наострекается, стервец!.. Я ворохнулся, поудобнее растягиваясь в прохладных тайниках постели, и с улыбкой представил, что плыву на нашей камере: зад в воде, конечности наверху. Я бултыхаюсь, кричу, осыпанный солнечными брызгами. Но небо странное: светло-голубое вдаль и темно-синее надо мной — как будто надвигается гроза. Надо подгребать к берегу, но лень, а тут еще запokaчивало на волнах...

Очнулся я неизвестно отчего. Голубого потолка не было, но из темноты доносился тихий разговор:

— Надо же так подло подкатываться!.. Ой, Леша, боюсь, как бы они тебя не впутали!

— Ну что ты, Устя!.. Ты же сама знаешь, что производственно я с ними не связан: белье — одно дело, а хозобеспечение — другое... Это они мне по-дружески хотели.

Сна моего — как не бывало. Я понял, что родители говорят о жуликах из бельевого склада, о которых я как-то

забыл в своей вечерней карусели. Звуки падали сверху, перелетая из того загиба спальни через дезкамеру.

— Но не исключено, — проговорил отец, — что придут с обыском и к нам.

— Пусть приходят, — злорадно ответила мама. — Прямо хоть сейчас, среди ночи!

— Пусть, конечно, но неприятно. — Отец вздохнул. Единственное, что найдут, — это шахматы, которые я принес Вовке. Жгут ведь. Потерялась фигура, другая — в топку. А тут хоть мальчишка поиграет... Ну ладно, спим.

И они смолкли.

А я чуть не сел. Обыск!.. Ну зачем он принес мне эти облезлые, паршивые шахматы! Пусть бы они горели синим огнем и с треском! Не зря же я их не влюбил!.. А камера под шкафом, это чье?.. А-а!.. Отец и сын — жулики!.. Спина моя похолодела и, мигом онемев, вроде примерзла к простыни. Мне нестерпимо захотелось перевалиться на бок, иначе я умру, но сетка заскрипит, и родители поймут, что я не спал и все слышал, а слышать я не должен, раз они говорят об этом ночью!

— М-м... бросай-бросай... дядя Федя... — всхрипнув, вдруг забормотал я и резко повернулся.

— Вова! — окликнула мама.

— Во сне, — заметил отец.

— Бросай, — тише добавил я и, сонно почмокав губами, задышал глубоко и ровно, в самом деле ощутив прямо сладость от сменного положения.

— Все со своим дядей Федей, — сказал отец. — Воюет... Кому что.

Хорошенькое дело — кому что!.. Что вот мне делать?.. И ночь почему-то представилась длинной-длинной трубой, выход из которой мерцает в бесконечности звездочкой...

Разбудил меня звякнувший о пол ключ, который родители бросили в форточку, уходя на работу. Я вскочил с острым ощущением тревоги, помня весь ночной разговор и даже почему-то с готовым планом — подарить шахматы Борьке, обе партии. Пусть учится играть впридачу. Но тут же почувствовал, что это гадко — дарить почти украденные вещи. Надо, чтобы они вообще исчезли с этого света, бесследно, чтоб синим огнем сгорели!.. А это идея сжечь! У дяди Ильи!

Я махнул на дезкамеру, сбросил доски на кровать, замотал их газетой, сунул в пустое ведро и, надернув штаны, понесся в кочегарку.

Дядя Илья, как всегда, бросал блестящий, только что политый водой уголь в топку. Я осторожно выложил сверток за порогом, проскользнул к баку, голой рукой сунул ведро в пародышащий люк и разжал пальцы. Звякнула дужка, и секунд через пять-шесть в дно бака тупо стукнуло.

— Дядя Илья! — крикнул я и подошел к нему, тряся вроде бы ошпаренной рукой. — Дядя Илья, ведро сорвалось.

— А-а, Володя, привет.

— Здрасьте... Ведро бы достать, дядя Илья, — утопил.

— Утопил?.. Сейчас... В наш котельный век достать ведро — раз плюнуть. — Фурнув уголь, он безошибочно выдернул из вороха шуровальной утвари кочергу и отправился к баку.

Я шахматы — хватя! — и в пламя их — фр-р! И даже руки о штаны вытер. Все, отец спасен! Как себя спасти, я тоже знал.

Вот тебе ведро, — сказал дядя Илья.

— Спасибо.

Чего в топку загляделся?

Красиво горит.

На то и дядя Илья тут, чтобы красиво горело, — довольно сказал кочегар, глянул на манометры, аппендиксами торчавшие из котла, и снова взялся за лопату.

Разлилась река
Во все стороны,
Зырят свысока
Злые вороны,

вспомнил я свои стихи, лядя на огонь, в котором они, можно сказать, и выплавились... Нет, Боб, липовый критик, шиш тебе! Стихи мировецкие, запишу-ка я их, пока не забыл, и тетрадку особую заведу — вдруг еще что-нибудь сочинится. Довольный, я поковылял из кочегарки, вылил за углом ненужную воду и побежал.

Выскочив во двор, я увидел Томку. Я не встречался с ней с того далекого позавчерашнего вечера, когда она поцеловала меня и сказала, что знает про меня секрет.

Томка стояла у своего крыльца, в розовом платье с желтым пояском и с той же ослепительно белой сумкой. Я радостно подумал — не ко мне ли она опять? Но с крыльца спустились ее родители, с чемоданами и с плащами через руку. Отец спросил у Томки, не тяжело ли ей, она ответила, что нет, и они пошли. Тут я с ужасом понял, что Томка уезжает, в Крым, на Черное море, на целую вечность, уезжает, увозя мой секрет. Поравнявшись со мной, она улыбнулась и, не поднимая руки, помотала кистью, мол, пока, до свидания. Я, как дурак, только ведром дернул. И теперь, между родителями, она плыла как парус, но парус, затертый баржами. У садика Ширминых Томка чуть отстала, оглянулась и, скрываясь, помахала мне еще раз. Все!.. Можно, конечно, обогнать их двором, выглянуть из следующей калитки, потом обогнать снова и снова, а потом сесть в электричку и перехватить их на соседней станции, но... Я как будто пристыл к земле. Мир вдруг опустел так, что сердце защемило от этой пустоты. Наконец, тяжело, как водолаз на корабль, поднялся я на крыльцо, вошел в сени и грохнул ведро в угол.

Камера выперла из-под шкафа. Я ее зло пнул, но, спружинив, она вылезла еще больше. Мешковина сползла. И пусть! Пусть она бросается в глаза! Где там обыск? Идите, ищите, шарьте, выворачивайте, хватайте, судите, бросайте меня в тюрьму на солому, львам на съедение! И вообще пропади земля и небо — мне все равно! Мне хотелось только упасть в кровать, закрыть глаза и уплыть куда-нибудь в бесчувственность и невесомость.

Я поплелся в спальню, но в кухне на сковородке увидел котлеты, схватил одну и, дрожа всем телом, съел. Внезапная сытость опьянила меня и как-то оболванила. Мне вдруг стало хорошо-хорошо. И Томкин объезд не казался уже таким страшным. Конечно, вернется, конечно, откроет секрет, и, конечно, теперь моя очередь целовать, и я, конечно, поцелую.

Мелькнув перед окном, забежал Славка, на редкость возбужденный и быстрый.

— Ну, Вовк, надует!

— Кого?

— Как, кого?.. Камеру.

— А-а! — вскрикнул я и вскочил. — У тебя кто дома?
— Никого.
— Хватай скорей камеру и прячь в подпол немедленно!
— А что? — сбился на шепот Славка.
— Немедленно! Потом объясню... У нас сейчас обыск будет, понял? Потом объясню... За стенкой жуликов поймали, понял? Объясню потом... Ну и нас заодно обыщут, — может, мы подкоп сделали, понял?

Выпаливая все это, я действовал: сорвал с вешалки синий прорезиненный отцовский плащ, расстелил его в сенях и выдрал из-под шкафа камеру. Только я сложил ее вдвое, как дверь яро распахнулась. Я обмер — милиция! Но это был всего-навсего Юрка... Уф, у меня от облегчения радужные кольца поплыли в глазах. Юрка хотел сказать нам что-то срочное и горячее, прямо кипящее на губах, но, увидев камеру, прилип к порогу и так стянул свой кисетный рот, что, будь он и вправду кисетом, лопнул бы шну-рок.

— Что? — спросил я.
— Откуда она у вас?
— Не догадываешься?.. Юр-рок!
— А-а! — почти обрадованно протянул Юрка. — Значит, это вы?.. А у меня мозги набекрень: ну кто же, кто мог?.. А это вы! И бутылку запустили, и это...

Рулетом закручивая камеру, я отчеканил:

— А ты что думал, предатель: хап, тяп и ферзь?.. Нет, Блинчик, обожжешься!.. Дуй давай, докладывай своему Блину, что ваша операция «Гараж» провалилась. Раз и навсегда.

Бобкин оступил на крыльцо и оттуда посыпал:

— Доложу, не бойся!.. А знаете, что вам будет, а?.. Хакири! Блин давно спрашивает, не начистить ли кому из вас рожу, а я все неткаю, мол, хорошие ребята, но теперь-то, гуси-лебеди, вы у меня покурлыкаете! Теперь не жить вам! Блин вас так уработает, что ни одна больница не примет.

Славка не выдержал:

Я тебя сейчас сам так уработаю, что ты ни до Блина, ни до его сковородки не доползешь. — Он поднялся и шагнул к Юрке.

Того словно сдуло с крыльца.

— Встретимся, химики-мумики! — крикнул он, убегая.

Я не очень вслушивался в Юркины угрозы — свои тревоги грызли и подхлестывали меня. Скорей, скорей! Чуть камеру отпустишь, она — фр-р! — и раскрутилась. Кое-как, наконец, я замотал ее в плащ, Славка вскинул узел на плечо и затрусил к себе.

Ну все, гора с плеч! Но я не сразу успокоился. Я обошел всю квартиру, заглянул во все закутки, выискивая неизвестно что, как будто всю жизнь воровал и краденое распихивал по щелям. Вскарабкался даже на пыльную, как луна, дезкамеру, где и застал меня Борька. Я сидел на четвереньках на самом краю и, обхватив колени, о чем-то думал.

— О! — воскликнул он. — Зырят свысока злые вороны!
— Кар-р-р!

Взмахнув голыми руками, как облезлыми крыльями, хищно изогнув шею и распылив рот я качнулся вперед, на лету повернулся, поймался за выступ и, живо спустившись по толстым болтам, торчавшим из дверных косяков, накинусь на Борьку.

Отбиваясь, он заверещал:

— Стой, Вовк, стой! Слышь, погоди... Скажи лучше, что это вы со Славкой вчера вечером в гараже натворили.

— А ты откуда знаешь? — удивился я, сразу сбившись с веселого настроения.

— Юрка сейчас налетел. Такой-сякой, кричит, пасть порву, клоуном сделаю, чтоб не шлялся ночью по огородам. Я ему — пошел, говорю, к черту, я спал, говорю, как убитый. А-а, шипит, твое счастье, а этим, говорит, то есть вам со Славкой, можешь, говорит, копать могилу. В чем дело?.. И в гараже какая-то стукотня.

— Но?.. Ура, Боб!.. Все, значит, идет как по маслу! Ха-ха!.. А про Юрку забудь! Не друг он нам больше! Предатель он и... вор! — Последнее слово я хотел удержать за зубами, вспомнив про нашу несчастную камеру, но оно выпорхнуло, и мне осталось только подтвердить его. — Да, он предатель и вор!.. Ты все узнаешь, но сперва глянем, что делается в гараже.

Я на ходу натянул рубашку, запер дверь, и мы заскочили к Славке. Он отряхивался над открытым подполом, его тесные штаны, ковбойка были выпачканы землей, а на

свой упругий белый чуб он собрал все подпольные тенета.

— Порядок! — щелкнул Славка. — Не найдут, даже если и к нам с обыском придут!

— С каким обыском? — спросил Борька.

— Потом узнаешь.

— Да вы что! — возмутился Борька.

— Потом, Боб. Славк, живо. Говорят, в гараже гром и молния. Быстрее айда на крышу!

Палисадниками мы пронеслись к нашему тополю и, перебравшись по ветке, залегли у конька.

За высоким складским забором невидимо стучало и трещало. Мы слушали этот веселый грохот, словно концерт по заявке, — еще бы, рабочий класс действовал по нашему плану.

— А вдруг забьют и лаз в гараж? — беспокоился Славка.

— Другой прошибем, — сказал я. — Забор тоже хилый.

Борька пасел:

— Хватит резину тянуть!.. Давай, Гусь, выкладывай!

А то гляди-ка, умники, все понимают! Давай!

Я не спеша, с наслаждением рассказал о нашем ночном приключении, начав фронтовым случаем с дядей Федей и заключив пораженной Юркиной физиономией, когда он увидел камеру в наших руках. Борька завистливо покрякивал и коротко бросал: ну, барбосы, ну, шалопаи, — не позвали!.. А под конец он совсем расстроился и, трахнув по железу кулаком, воскликнул:

— Может, всего раз такое событие во дворе, а вы!.. Тоже мне, друзья!

— Уже не раз, а два, — задумчиво уточнил Славка. — Анечкин-то огород забыли?

— Сравнил огород с камерами, — буркнул Борька.

— Вот именно — сравнил. И вижу один почерк, — неожиданно заявил Славка.

Мы так и усталились на него.

— У Юрки же алиби — рыбалка, — растерянно напомнил я.

— Для одного бы — алиби, а для четверых — пшик, — рассудил Славка. — Двое могли рыбачить, а двое огородничать... Шепнул Юрка, мол, надо отомстить, а те и рады.

В моем уме стремительно пересеивалось все, что Юрка говорил об огороде сразу после рыбалки, за ухой и после ухи, и все больше и больше подозрительности улавливал я в его словах и жестах. В самом деле, если уж Блинны решились обчистить склад, значит, руки их набиты, и выплата какой-то огородишко им ничего не стоило... Теперь мне Блинны не казались такими простачками и невольно припомнились Юркины угрозы, которые, выходит, исполняются теперь...

— Мда-а, — протянул я многозначительно. — Складенько.

А Борька хмуро молчал.

Из-за тополей, с той стороны улицы, донесся заполосный девчачий окрик:

— Пальма!.. Пальма, назад...

Опять, наверно, та псина удрала от своих. Ну точно, воп она прыгнула в огород из-под крыши, как будто прямо из окна, и торопливо зарыскала в подсолнухах. Тут же появилась девчонка и засновала вдоль забора, зовя и высматривая беглянку. У девчонки торчал над левым ухом тот же голубой бант, и двигалась она красиво — вертко и решительно. Томкиного в ней не было ни капельки, но я вдруг так остро вспомнил ее, что даже испугался за эту девчонку, как за Томку, — не вынес бы черт какую-нибудь бабку из дома и не вспыхнул бы скандал.

Привстав, я крикнул:

— Эй, в калитку и — направо!

Даже не оглянувшись, девчонка заскочила в огород и метнулась было направо, но Борька сбил ее, гаркнув:

— Налево!

— Да направо же! — громче повторил я.

Девчонка резко повернулась, сразу поймала нас взглядом и крикнула:

— Вы что, косые?

— Сама ты косая, а Пальма твоя дура! — сердито поддал Борька, нашедший, на ком выместить, наконец, досаду.

— Сами вы дураки! — пальнула незнакомка.

— Э-э, киска, поосторожней! — предостерег Борька. — Двор-то наш, живо ноги выдернем!

Пальма, будто почуяв неладное, сама подбежала к ней,

виновато повиливая хвостом. Девчонка прицепила поводок, выскользнула из калитки и нет, чтобы тотчас улепетнуть, так еще и пригрозила:

— А вы к нам, в наш двор, загляните!

— И что? — спросил Борька.

— Да мы вас отвалтузим как миленьких! — с азартной злостью, сопротивляясь рывкам Пальмы, крикнула она и исчезла под крышей.

Мы со Славкой прыснули. Хотя угрозы относились к нам ко всем, но заработал их, конечно, один Борька. У ног гулко бухнулся земляной комок и рассыпался кляксой, а снизу долетел тот же накаленный голос:

— Эй, храбрецы! Еще получите!

— Во дает! — вскочив, восторгнулся я, но Славка вдруг так дернул меня, что я сел за трубу.

Из гаражного лаза один за другим выбирались рабочие. Топча бурьян, они разбрелись вдоль забора и по команде навалились на него. Подгнившие столбы хрупнули, и забор медленной волной опрокинулся. Мы только охнули, точно он упал на наши спины.

Это был конец гаража.

ДРАКА

Славка, Борька и я возвращались из хлебного магазина. Мы молчали, перевспоминая уже все-все о нашем гараже, только что погребенном под рухнувшим забором... Забор не целиком охватывал склад, ему как бы не хватило рук, и один угол остался свободным. Той зимой, три года назад навалило столько снега, что он сравнял крышу сарая с землей, превратив ее в отличную гору. Мы, конечно, не растерялись и наловчились кататься с этой горы на лыжах, с самого конька, наискосок, через угол и — по огородам. Даже Генка, видя, как лихо мы носимся и в нас никто не стреляет из мехмастерских, отважился однажды. Было ветрено, мело, выло, особенно на коньке. Мы-то уже поднаторели, а Генку, едва он забрался наверх, так хлестнуло, что он не удержался и улетел прямо в яму между забором и сараем. Генка сломал обе лыжи, разбил коленку, зато, помогая ему выбраться из плена, мы обнаружили под снегом гараж, как обнаруживают археологи древние захороне-

ния. Аккуратно раскапывая снежные бугры, мы добрались до кабин и поселились в них, как медведи в берлогах, и с тех пор зимой и летом пропадали тут. И вот все кончилось!..

Но меня прошибала и другая тревога — обыск. Я вдруг понял: он нужен мне, этот ужасный обыск, нужен, чтобы в щепки разлетелись все подозрения, чтобы не висели они надо мной, как тот меч Дамоклеса над одиноким черным королем, чтобы снова пошла легкая и веселая жизнь. И еще почему-то я хотел присутствовать при обыске, чтобы глазами просверлить всех обыскивателей!

У двора, где жили хозяева Пальмы и откуда доносились шлепки по волейбольному мячу и свист, мы перебежали на свою сторону и свернули к воротам. Неожиданно из палисадника, из-за акации, вышли четверо и загородили нам путь.

По моей спине проскочила ледяная молния, свела лопатки так, что я с трудом расправил плечи.

Это был Юрка с приятелями.

Блина я узнал сразу, не потому, что он стоял на полшага впереди остальных, показывая этим свое главарство, а просто потому, что он походил на блин, более меткого прозвища ему нельзя было придумать. Коренастый, голова сдавлена с полюсов, лоб узкий, нос торчал фигой, рот с мясистыми губами — до ушей, которые кругло оттопыривались, как ручки у сахарницы. Даже кепка сидела на нем широкая и плоская. Весь он был так сплюснут, что только, пожалуй, отражение в самоваре имело бы нормальный вид. Ну, блин блином.

Некоторое время мы осматривали друг друга молча. Юрка был злой, Блин улыбался, поочередно оцупывая нас взглядом, и наконец, вроде бы уточняя, сказал:

— Они, значит?

— Они, — подтвердил Юрка. — Только вон того не было, Борьки.

— Кто Борька? — спросил Блин.

— Вроде я, — ответил Борька.

— Ну ты, Боря, иди погуляй. — И вежливым жестом Блин предложил ему все четыре стороны.

— Я не люблю одиночество, — сказал Борька.

— Иди-иди, мы тут поговорим, — торопил его Блин.

— Ничего, я останусь и тоже послушаю. Вдруг что интересное.

— Ага, ну оставайся, — любезно разрешил плоскоголовый. — Итак, товарищи, собрание нашего детского сада считаю открытым. Шик модерн. Слово имеет кто?.. Слово имею я! — Как-то забавно выкидывая ноги в бок и чуть приседа при этом, он подошел к нам вплотную и спросил у Славки: — Ну, что, мымра с булками?

— Ничего, мымра в кепке, — ответил Славка.

— Ха, веселый парень! — Блин усмехнулся, распахнув рот от уха до уха — прямо как из арбуза ломоть выхватили. — Ты мне нравишься, мальчик! Шик модерн!

— А ты мне не очень, — признался Славка, — так что лучше вам убратся подобру-поздорову.

— Но-о, — протянул плоскоголовый.

— Только у меня вопрос есть, — вмешался Борька. — Где ты взял такую хитрую голову, и нормально ли она работает?

— А-а, да они все тут весельчаки! — воскликнул вожак. — Что ж ты меня, Юрок, не предупредил! Я бы гитару взял, спели бы вместе! Бум-ля-ля! Бум! — заголосил он, ударяя по струнам воображаемой гитары.

Шел первый тайм нашей встречи, психологический, и нужно было не подкачать. Славкина и Борькина невозмутимость взбодрили меня, и я сказал:

— Пой-пой! Еще не так запоете, когда вас за огород милиция сцапает!

Блин выпустил воображаемую гитару и, резко дернув ко мне головой, спросил:

— За какой это огород?

— Не представляйся! Юрка нам все выложил! — нахально уличил я, поражаясь своею прытью.

— Врет он, Блин! — испуганно крикнул Юрка. — Ничего я им не рассказывал!.. Ты что, Гусина, брешешь! У нас алиби! Славка воп сам говорил!

Блин, вобрав в плечи и без того бесшею голову, повысил, наконец, голос:

— Ну вот что, молодчики, собрание считаю закрытым! Шик модер. Все!.. Где камеры?.. Чтоб здесь были сей момент! Иначе мы вас вот тут, в палисаднике, и похороним, ясно? — Я вдруг подумал, что Блин сейчас вытащит

нож, и заранее ужаснулся, но он просто указал на Славку. — Ты, с булками, останешься заложником, остальные — брысь! — за камерами! — Он фыркнул и как будто брызнул на нас водой с пальцев.

Начался второй тайм.

— Кто заложник, я? — спросил удивленный Славка.

— Да.

— Ох, и клоун же ты марсианский, — сказал Славка и даже с сожалением покачал головой.

Блина как будто ошпарило.

— Что? А ну повтори! — потребовал он тихо и грозно, надвинув кепку на глаза. — Повтори!

Противники подтянулись к своему главарю. Напряглись и мы.

— Марсианский клоун, — спокойно повторил Славка.

Блин быстро вскинул руку и щелкнул Славку по носу. Славка вздрогнул, и я увидел, как из-за ворота его рубахи, по шее, хлынул, затопляя лицо, румянец. Славка точным движением, не глядя, повесил сетку с двумя булками хлеба на планку забора и...

Я уже после, детально разбирая драку, восстановил все по порядку.

Освободившись от сетки, Славка цепко схватил Блина за голову и приложился к ней своим чугунным черепом. Блин медленно, точно проткнутая камера, стал оседать и, наконец, закрыв глаза, свалился на бок, головой к забору. Противники опешили только на миг, в следующий миг они уже прыгнули на нас. Один сразу ударил кулаком Славке в лицо. Второй целил в меня, но запнувшись о подставленную Борькой ногу, плюхнулся носом в пыль, и Борька тут же сел на него верхом. Юрка растерянно бегал глазами по сторонам, не зная, бросаться на своих или нет — что-то, видно, мешало ему окончательно предать нас. Меня вдруг разобрала ярость, и, стиснув кулаки, я двинулся на него, шепча: «Ну, скотинка!..» Выставив руки назад, Юрка попятился-попятился и — шурк! — в ворота. Я хотел кинуться следом, но позади кто-то вскрикнул. Я обернулся — тому типу, на земле, Борька скручивал руки за спиной. А Славке приходилось худо. Высокий тощий пацан вертелся вокруг него, сильно и ловко молотя кулаками, но сам уваливая от Славкиных объятий. Я было

кинулся на помощь, но в это время у забора шевельнулся плоскоголовый. Он сел, оглядел поле битвы и начал подниматься. Будь я привычен к дракам, я бы расправился с сидящим Блином собственными руками, но ударить чело- века рукой оказалось выше моих сил. Я подскочил к забору, сорвал сетку с хлебом и, размахнувшись, трахнул вожака булками по башке. Он опять обмяк и опять упал на бок, точно попав головой в кепку, свалившуюся при пер- вом падении. В этот момент осаждавший Славку ловкач оказался ко мне задом. Долго не раздумывая, я и этого оглушил хлебом. Он пошатнулся и тотчас очутился в Слав- киных тисках. Два удара головой по плечам, и этот попры- гунчик был готов — руки его обвисли, как у самодельной куклы. Взыв от боли, он метнулся к забору и так и пока- тился по нему, в вертикальном положении, свернул за угол и побежал.

Что бы мы делали с поверженным врагом: добивали бы его или бросили так — неизвестно, только из ворот не ожи- данно вырвался запыхавшийся Лазорский, в своей неиз- менной кепке, и загремел на всю улицу:

— Кудыкин, Афонин, что это вы тут, а?.. Чупрыгин, кого ты там душишь, а ну отпусти. — Он оторвал Борьку от его жертвы, поставил на ноги бедного пацана, с разбитым носом, с опухшими губами, и толкнул его в спину. — Иди- иди, милый, нечего тут разлеживаться!.. Нам только и не хватает, что кто бы кого убил... Э-э! Э-э! — тревожно зате- ребил управдом бесчувственного атамана за удобно торча- щее ухо. Блин открыл глаза и сел. — Жив? Слава богу. А ну-ка марш отсюда!

Не знаю, за кого принял Блин Лазорского, но он вдруг сделал в сторону какой-то жабий прыжок, пробежал метра два на четвереньках, потом вскочил и без оглядки чесанул палисадником прочь, оставив нам трофей — свою кепку.

Тут управдом насел на нас.

— Вы что же — уголовщину разводить?

— Это не мы, Степан Ерофеевич, — сказал я. — На нас самих напали.

— Ты мне брось, Кудыкин, — напали!.. Вижу, как напали: целехоньки, а те — вповалку... Бобкин прибегает, наших бьют, кричит! Где? У вторых ворот. Я бегом, ста- рый дурак... Уф, перенюхали, черти! — Степан Ерофе-

евич снял кепку, вытер платком лицо, шею и улынулся. — Хорошо хоть, что не вас, а вы побили. Значит, есть кому двор защищать, а то бы совсем хана: огороды рушат, детей боют... Уф, кто хоть такие? — успокоенно спросил он.

— Да тут одни, — уклончиво ответил я.

— Понятно... Но чтобы больше — ни-ни, слышь, Кудыкин?

— А я-то что?.. Вечно — Кудыкин-Кудыкин!

— Я всем. Слышь, Афонин, чтоб ни-ни!

— Как придется, Степан Ерофеевич, — задиристо ответил Славка, ощупывая скулу.

— Без всяких придется!.. Чупрыгин, и ты, душитель, тоже смотри!.. Ступайте.

Лазорский поднял кепку Блины, отряхнул ее, повесил на заборную планку и, что-то бормоча себе под нос, не спеша двинулся вдоль палисадника, оглядывая ставни, наличники и карнизы.

А мы свернули во двор и точно с чего-то шаткого, ненадежного ступили на верную твердь.

— Заметно? — спросил Славка, показывая на фиолетовый подтек под глазом.

— Маленько, — успокоил я. — Рассосется, зато у Блины, наверно, шишки на всю жизнь. Здорово ты его долбанул, молодец. Цены, Славк, нет твоей голове. Нет, серьезно.

— Да и ты хорош, — сказал Борька. — Смотрю, бац! — одного булками, бац! — другого!

— Ты, Боб, тоже не растерялся, — довольно простучал Славка. — Ехал, как на коньке-горбунке!.. А то, ишь ты, разошлись: камеры им подавай, заложника выбрали!.. Я им дам заложника!

Копившееся в нас торжество прорвалось, наконец, таким безудержным смехом, какого я не помнил до сих пор. Борька так и переломился в поясе и мотался из стороны в сторону, пританцовывая. Славка гоготал почему-то в кулак, а меня то вперед несло, то откидывало назад. Как пьяные, мы добрались до Славкиного крыльца и устало бухнулись на ступеньки, утирая слезы.

Борька вдруг сказал:

— А спорим, что эти мымы будут мстить.

— Мстить? — переспросил я.

— Конечно... Кровь за кровь!

— А что, может быть, — согласился Славка. Да и камеры они так не оставят.

— И камеры, — подхватил Борька. Эх, хорошо бы иметь раздвижные плечи!.. Увидел бы какую мымру раз! — и Гулливер!

— Или бы надувные кулаки, — добавил я. Чуть чего — ш-ш-ш! — и вот такие двухпудовки! А ну, подходи!

Славка усмехнулся:

— Ничего, наши кулаки и без надувания не подведут. Расчихвостили голубчиков и еще расчихвостим, если поле зут.

— Полезут, — уверил Борька. — Иду на спор!

Мы молчали, окончательно успокаиваясь, а потом рассудили, что если так, если Блины в самом деле начнут мстить, то наша вражда надолго и всерьез, поэтому спасение одно: всегда держаться вместе, кулаком, и ни черт, ни дьявол не страшен. А вернется из лагеря Генка, нас будет тоже четверо. Пусть Генка не ахти какой боец, но в нем есть уверенность, тихая, но упрямая, а что толку от Юрки-горлодера: орал-орал, а прижало — утек жаловаться, хотя стой-стой, не жаловаться он утек, а чужими руками спасать своих бандюг: он же видел, что Блин контужен, что второй — на земле, вот и кинулся, а будь как нам — сам бы добавил, гаденыш! Нет, Генка по сравнению с ним — золото! А уж четверо на четверо — посмотрим, чья возьмет!.. Я хотел было спросить, кто же у нас будет главным, раз там есть атаман, но понял, что спрашивать не надо — они наверняка скажут: ты, а я чувствовал, что Славка тут पहले. И это, признаться, задевало меня за живое.

Вечером мы ни во что не играли, да и девчонки, словно уловив нашу тревогу, не появлялись на улице. В наступающих сумерках мы прохаживались туда-сюда, приглядываясь и прислушиваясь, нет ли где чего подозрительного.

Теперь, когда восторг драки поулегся, я обнаружил в нашей победе много случайностей: случайно Блин не знал о бронебойности Славкиной головы, случайно второй противник заплулся о Борькину ногу, случайно удрал Юрка, случайно под рукой оказались булки хлеба, случайно... — да все случайно. А если бы не эти случайности?.. Я понял,

что усомнился в нашем превосходстве, и мне стало так не по нутру, как будто драка еще только готовилась. Скверно! Уж в себя-то надо верить!.. И чтобы сбиться с этого кислого настроения, я остановился против ворот, за которыми мы днем дрались, и запальчиво предложил:

— Аида в палисадник!.. Кто же нас во дворе тронет?.. Если уж засада, то — там!.. Идемте!

Страшно желая, чтобы друзья задержали меня, не пустили, я все-таки толкнул себя к воротам, совершенно уверенный, что сейчас меня тукнут чем-нибудь по голове или дадут для начала здоровенного пинка, — если подкарауливают, то крадутся нам параллельно, как зеркальное отражение, а не сидят на месте, так что я попаду в самые лапы. На миг застыв и заперев дыхание, я сжал кулаки и, словно в звериную пасть, прыгнул в темный проем, с разворотом дергая локтями, чтобы отшвырнуть навалившегося врага...

Но никто не навалился, и все было тихо.

Какое-то время мы стояли неподвижно, свыкаясь с темнотой и безопасностью, потом Славка ощущал забор и шепнул:

— Кепки нету... А засветло была.

— Взял, значит, — заметил я. — И опять смылся... Где же, Боб, твоя месть, поспорил?

Борька ответил:

— Во-первых, не моя, во-вторых, вы не спорили, а в-третьих, Блин еще не опомнился... Разве после двух таких ударов сразу опомнишься!

Тихонько рассмеявшись — не случайно поколотили мы их, нет, не случайно! — мы осторожно двинулись вдоль окон. В палисадник выходили только спальни. Одни окна были уже прикрыты ставнями, другие задернуты шторами и чуть теплились далеким кухонным светом, но большинство было распахнуто настежь, и из комнат, пропитанных подводно-голубым свечением, лились манящие звуки невидимых телевизоров.

Везде ощущался покой.

Я вдруг вспомнил устало-довольную физиономию Степана Ерофеевича, когда он говорил, мол, хорошо, что есть кому защищать наш двор. Сейчас мы и в самом деле походили на трех былинных богатырей, обходящих свои границы. Славка — Илья Муромец, понятно, с булавой-голо-

вой. Борька — хитрый и ловкий Алеша Попович, а я — Добрыня Никитич. Конечно, я далеко еще не Добрыня, но... Я улыбнулся и оперся на Славкино плечо.

Когда мы снова вышли во двор, Борька выпалил:

— Понял — они нас по одному будут ловить!

— А что, это мысль, — задумчиво согласился Славка.

— Только зря она, Боб, явилась тебе, вздохнул я.

— Почему? — спросил Борька.

— Потому что ловлю, начнут с тебя ты же на отшибе.

— Хм!

— Может, проводить?

Борька еще раз хмыкнул, сунул руки в карман и, бесечно засвистев, отбыл в свой край. Алеша Попович!.. То исчезая, то вновь появляясь, он спокойно пересекал световые аквариумы, а мы следили за ним, готовые кинуться на помощь, если он вдруг метнется, как пойманная на крючок рыбина.

Но никто не вспугнул нашего друга — не посмел.

— Разлилась река во все стороны, — загадочно проговорил я. — Ну, Муромец, бай-бай!.. Сегодня мы заработали свой сладкий сон, как ты думаешь, а?

Славка неожиданно егреб меня и давай ломать, мягко, по-телячьи, бодая в грудь. Я хлопнул его по тугой спиннице, и, рассмеявшись, мы расстались.

Мне было слишком хорошо, чтобы тотчас идти домой, тем более, что я уже знал: дома порядок, не обыскивали. После работы я расспросил отца о жуликах, признавшись, что слышал о них от дяди Ильи. Отец невольно поморщился, но сказал, что жуликов будут, естественно, судить и что на складе у него была ревизия, однако ничего страшного не обнаружила.

Прислонившись к двери, я глянул на звезды, на тополя, на белую тети Шурину кошку, сидевшую на крыше сеней, и остановил взгляд на темном Томкином крыльце, куда и стремился, беря этот космический разбег. Неужели она только сегодня уехала?.. Да, утром. Сегодня утром уплыл мой парус. А ведь столько уже прошло!.. Со мной вдруг сделалось что-то таинственно-неладное: я прямо почувствовал какое-то шевеление в мозгах и, поряженный, прошептал:

Ты уехала вот-вот,
А мне кажется, что год.

Ужас!.. Голова моя, как электронно-вычислительная машина, сама выдавала стихи!.. Что же это такое?

Радостный, я ворвался в квартиру.

Отец сидел в кухне и играл свой любимый романс «Калитка». Не знаю, умел ли он толком играть на гитаре, но кроме этого романса да «Марша Наполеона» — каскада мощных аккордов — я от него ничего не слышал, да он и редко брал гитару, поэтому-то она месяцами и пылилась на дезкамере. Увидев меня и чуть заметно покосившись на будильник, отец забренчал громче и запел:

Отвори потихоньку калитку
И войди ты неслышно, как тень...

Я подмаршировал к нему, вытянулся и, козырнув, доложил:

— Товарищ Кудыкин, ваш сын явился вовремя!

— Браво, сынище! — Отец приглушил струны и погладил гриф. — Музыка ведь, а не шалей-валяй!.. Разумно ли совать ее куда попало, а, Вов?

— Конечно нет... Да и вообще красивая штука. Вбить гвоздь да повесить... Мама воп обещала мне котенка, я его буду дрессировать под гитару, как Генка своего Короля Морга под баян. Не слышал, как он поет, Король Морг?.. У-у.

— Что ж, пробуй... Кстати, я что-то не видел на дезкамере стареньких шахмат.

Я рано или поздно ожидал этого, поэтому, не моргнув, ответил:

— У Борьки. Давал сеанс... Кстати, а «Богатыри» на месте?

— На месте.

— Тоже ведь не шалей-валяй, а произведение искусства.

— В общем-то да, — согласился отец.

— Тоже надо пару гвоздей и — пусть висит, там, у меня за дезкамерой.

— Пожалуйста... Ну, ладно, развлекся маленько, надо заканчивать бухгалтерию.

Просто так дернув струны, отец отставил гитару к стенке и придвинулся к столу, на котором теснились большие, как наши классные журналы, конторские книги, счета, стопки бумажек, схваченные скрепками, — деловая обстановка завхоза, делающего отчет.

В спальне стрекотала швейная машинка.

Я умылся, выпил стакан молока, улыбнулся маме и, взяв тетрадь с карандашом, юркнул в постель. Тревожно и торжественно, не дыша и боясь хоть чуть ошибиться, я записал стихи про реку, которая разлилась во все стороны, и про Томку, которая уехала вот-вот. Записал и понял, что надо немедленно сочинить стихотворение про драку! Да, да, потому что драка эта была необыкновенной! Мы с друзьями как будто плыли на плоту, легко, играючи, но неожиданно перед нашими носами пучина забурилась и вспучились пороги, чтобы разбить нас и перетопить, но мы устояли и лихо несемся дальше, теперь уже зная, что пороги еще будут!.. Даже не про саму драку хотелось написать, а про то вечернее, трехбогатырское ощущение...

С полчаса я, наверно, мучился, но неприступные богатыри так и не поддались мне. Зато драка получилась настоящая. Вот она:

Пострадал от булок Блин,
Потому что был один,
Ну, а булок было две —
Хватя! Блина по голове.

Уж к этим Блинам Борька не подскребется!
И, довольный, я откинулся на подушку.

«СЧ»

Месты!

Хоть ее сразу и не последовало, но потом вся наша жизнь свелась к пугливо-настороженному ожиданию эой мест.

Гараж умер для нас: мехмастерские обнесли таким крепким забором с колючей проволокой поверху (мы подбирались и обследовали его), что ни о каком новом лазе не стоило и заикаться, да и в самом гараже все, видно, посдавали в металлолом — что-то уж очень много там гремели.

А тут еще Нинка Куликова укатила в деревню, и нашим привычным вечерним играм не хватило сил перепорхнуть на другое крыльцо, они просто заглохли, как моторы без горючего.

Когда компания сокращается наполовину, жизнь замедляет раз в пять. И если бы не Блин со своими прихвостнями, незримо кружившими вокруг двора, мы бы вообще засохли от скуки, а тут скучать особо не приходилось, зная, что тебе в любой миг могут набить морду.

Каждое утро, в постели или за завтраком, я горячо разворачивал возможные встречи с неприятелем: то нас осаждают на крыше, и мы стряхиваем с ветки одного противника за другим; то вдруг окружают на велосипедах посреди улицы, а мы запрыгиваем в кузов проезжающего мимо грузовика и — были таковы; то поджидают у дверей магазина, а мы объясняемся с продавцом, и он выпускает нас через черный ход. Но время шло, а мы никого и не встречали и не видели издали, даже Юрку. Может быть, они отступились?.. Хорошо бы! Но в глубине души сидело егозливо-занозистое желание еще схлестнуться с Блинами.

В это утро я проснулся с четким ощущением, что опасности больше нет. Я не стал даже вдумываться в это, нет — и все!.. Потянувшись, я сполз с подушки, достал ногой радиоприемник и большим пальцем нажал клавишу. Приемник наполнился нарастающим гудением. Нажал другую — гудение растаяло, как будто мимо пролетел самолет. Да, самолеты летают! Прачечная гудит! Где-то в песках отдыхает Томка! Дней через десять она будет здесь, и жизнь опять пойдет на всю катушку!.. Садовник! Прятки! Я забиваюсь с Томкой в какую-нибудь дыру, и она нашептывает мне свой дивный секрет!..

— Спорим, что он спит! — раздался Борькин голос.

— Не спорь, не сплю, — отозвался я.

Борька появился с трубкой ватмана под мышкой и с обычной косоротой ухмылкой.

— Вовк, — сказал он, — прочти-ка мне снова твой стих.

— Какой?

— Да не про вбронов же!.. Про поединок булок и Блина.

— А-а, этот — пожалуйста! — Я приподнялся и с размашистыми жестами, точно держа в руке сетку с хлебом, прочитал.

— Прекрасно, Гусь!.. Вот тут ты поэт, а не водолаз, который вытаскивает утопленников! — Борька бросил на диван ватман и сел. — Слушай, давай сделаем листовку с этими стихами и приляпаем ее на забор у Юркиных ворот!... Если сорвут, значит, мымры здесь, а нет — нет. А то как-то противно! Может, они давно плюнули на нас, а мы все, как дураки, с оглядкой да с опаской ходим!.. А так станет ясно.

Я чуть помыслил и ответил:

— По-моему, и так ясно — их нет, чую.

— Мало ли что ты чуешь, надо проверить.

— Ну, давай!

Я вытащил красную и черную тушь, плакатное перо, и, расположившись на диване, Борька принялся делать листовку. В правой половине ватмана он быстро и красиво написал стихи, черной тушью, а в левой, красной тушью, вдруг так похоже изобразил Блина, в плоской кепочке и со ртом до ушей, что я рассмеялся.

— Сойдет? — спросил Борька.

— Еще бы!.. Ну и даешь!

— А ты думал, один ты ферзь, остальные пешки?.. Хочешь, тебя нарисую?

— А сможешь?

— Конечно. Я себя перед зеркалом несколько раз рисовал... Пока тушь сохнет, я тебе такой портретище отгрохаю, что закачаешься!

— Рисуй! — радостно согласился я. Фотографий моих много, но чтобы кто рисовал меня — ни-ни.

— Давай альбом, линейку и карандаш.

Я все ему представил, натянул штаны и сел торжественно, как саблю проглотил.

— Так, — сказал Борька азартно. — Начнем... Только ты помягче-помягче рожу, я ведь не бить тебя собираюсь... Во-о!..

Он засек расстояние между моими глазами — отметил в альбоме, определил длину носа — занес, прикинул, сколько от носа до подбородка — засек и, довольно крикнув, с любопытством уставился на пустой лист.

— Ты рисуешь или выкройку для намордника мне делаешь? — спросил я.

— Хочешь быть похожим?

— Хочу.

— Ну, и не мешай!

И зажал мне губы линейкой, измеряя поле между носом и верхней губой. Потом пошла ширина рта, высота ушей, размах лба — и все это отмечалось. Потом Борька задумался — не пропустил ли какого-нибудь измерения.

— Язык не надо? — напомнил я.

— И так знаю, что он у тебя длинный... А вот ширина носа по ноздрям пригодится.

После этого Борька отложил линейку и принялся увязывать все мои размеры, задрал альбом так, чтобы я ничего не видел, и скача взглядом с меня на лист.

— Скоро? — устав позировать, спросил я.

— Молчи, я как раз рот рисую... Ох, и ротик у тебя!.. Не швыркай носом, кривым получишься!

Наконец, минут через пятнадцать он гордо вручил мне альбом. Я взял его, не сдерживая улыбки, глянул и нахмурился — на меня с листа глядела какая-то египетская мумия, с пустыми глазницами, без штрихов и теней, обведенная одной бледной линией.

— Это кто — я?

— А кто же!.. Чей чубчик?

— Чубчик-то вроде мой, но... — Я приближал портрет, удалял, выпучивал глаза, щурился, косился одним глазом — ничего не нашел, никакого сходства и со вздохом заключил: — Извини, Боб, но это седьмая вода на киселе.

Борька нервно дернул губами, выхватил у меня альбом и отвел его дальше.

— Ну?.. Вылито! — заявил он.

— Где же вылито?.. Нос-то кривой!

— Я говорил: не швыркай! Дошвыркался!

— А уши?.. Что я, и ушами швыркал — одно выше другого и разные!

— Да что ты понимаешь? — возмущился Борька и тут же снисходительно объяснил: — Вообще-то у тебя, Гусь, мелкие черты лица, трудно рисовать. Вот погоди, Славку нарисую — увидишь. У него морда здоровая — хорошо измерять.

— Он тебе измерит!.. Ну, ладно, Боб, спасибо и за это! — сказал я миролюбиво и сунул альбом в стол.

Борька, сияя, подхватил листовку и с хрустом тряхнул ее. Черные стихи, красная рожа — замечательно, но чего-то тут не хватало.

— А подпись-то? — спохватился я. — Подписи нет!.. Слушай, Боб, подпиши «СЧ»!

— Сыч?.. Это что, твой псевдоним?

— Не сыч, а просто «СЧ», то есть «Союз Четырех»!

— Каких четырех?.. А-а, ты вон о чем! Давай!.. Союз так союз! Четырех так четырех!

И внизу на границе стихов и рисунка Борька крупно вывел две красные буквы — СЧ. Теперь в листовке было все: кто, кого и зачем — хоть на выставку! Мы взяли кнопки и, не заскакивая к Афонину, который собирался сегодня в больницу лечить зубы, побежали к Юркиному дому.

Листовку прикололи к забору с уличной стороны. Выглядела она захватывающе! Повертевшись вокруг да около и повосторгавшись, мы убежали, потирая руки и покрывая от нетерпения. Было такое чувство, словно мы поставили жерлицу на щуку и теперь осталось только ждать, когда она попадется. Сперва казалось, что щука шастает рядом и хапнет живца, едва мы уйдем, но минут через пятнадцать «жерлица» была еще не тронутой, и мы поняли, что все на так-то просто.

Второй раз мы не проверяли дольше, но и здесь листовка упелела, лишь возле нее мы застали старика с тростью и в очках, надвинутых на лоб.

— Что, дедушка? — спросил я.

— Смотрю вот, — бодро ответил он. — Думал, какого пьяницу продернули, а тут непонятно кого... Но тоже, видать, хорош, раз публично повесили.

— Хорош! — сказал Борька.

Приближалось обеденное время, когда Борьке нужно было ехать обедать к отцу в мастерскую, а мне — разогревать приготовленную мамой еще с вечера еду, и я спросил:

— Дедушка, у вас есть часы?

— Часы? — удивился дед. — К-к-какие часы?

— Да любые, лишь бы время. Ручные.

Старик опустил очки, тревожно глянул на нас, на пустынный тротуар и робко ответил:

— Ручных н-нету.

— Ну, карманные — все равно.

Неожиданно старик попятился, оборонительно подняв трость и бормоча:

— Карманные?.. А з-зачем карманные?.. Карманные д-дома, — он попятился до угла палисадника и, осмелев, крикнул оттуда: — Я вам покажу часы, шпана этакая! Я вам дам время! — И стремительно заковылял прочь.

— Псих! — фыркнул Борька.

— Не псих, а опытный. Видать, на каких-то мымыр натыкался... Собаки, даже взрослые шарахаются от них. Висй, висй! — пригрозил я портрету.

Время мы узнали у парочки, которая остановилась у куста, лезшего через забор, поболтать. Было без десяти час, и, охнув, мы бросились по своим делам.

За обедом я много и громко пустомелил, суетился, все подавал маме и отцу, наливал им чаю из самовара, а перед глазами так и маячил Блин: вот он натыкается на листовку, узнает себя, надвигает кепку на брови, читает и с рыком, садя занозы под ногти, сдирает вдруг ватман с шершавого забора!.. Родители уже наелись и ушли, а я, расфантазировавшись, доканчивал только тефтели. Потом чай швырк-швырк — скорей!

Стукнула дверь. Я оглянулся и обмер — Юрка Бобкин.

— Ты один? — нахально спросил он.

— Один, — пораженно ответил я.

Он кому-то хозяйски махнул рукой, и в сени со стуком ввалились Блин, Кока-Кола и Дыба. Дверь они заперли на крючок. Разжав челюсти, но не размыкая губ, так что недожеванная баранка повисла у меня во рту в состоянии невесомости, я поднялся и стал шарить позади себя, почему-то решив, что табуретка приклеилась к штанам.

Не столько задирая голову, сколько изгибаясь сам, Блин осмотрел нашу странную раздевалку, со сплетением труб у потолка, с толстым канализационным стояком, и по плечи высунулся в кухню, держа одну руку за спиной.

— Подкрепляешься? — спросил он, оглядывая кухню.

Я принял медленно дожевывать баранку, бешено ища спасение. На улицу сквозь них не пробиться; в туалет не

заскочить — он на защелке и открывается наружу, пока возишься — схватят; орать и звать на помощь стыдно, да если кто и придет — заперто. Значит, все — исколотят так, что никакая больница не примет, как и грозил Юрка.

Блин вдруг увидел свое отражение в самоваре, который стоял на столе сразу за косяком, осклабился и даже прихорошился, поправив кепку.

— Шик моде-ерн! — довольно протянул он, перекидывая на меня еще теплый взгляд. — Не бойся, Гусь, бить не будем, если, конечно, договоримся по-джентльменски.

С арбузной улыбкой он вывел из-за спины руку. В руке была свернутая трубочкой листовка. Я вздрогнул, значит, вон почему они явились, аначит, все пло так, как я и воображал. Не воображал, а прямо по телевизору смотрел. Но почему ко мне?

— Твоя работа? — спросил Блин, сбросив улыбку и резко расправив ватман.

— Что?

— Вот это! — Он тряхнул листовку.

— Что это?.. Там много.

— А-а, уточняешь? Не один, значит, трудился?.. Ну, стихи — твои?

— Его-его! — крикнул Юрка. — Я знаю, только он пишет стихи!

— Замолчь... Твои?

— Мои.

— А рисунок?

Я чуть помедлил и сказал:

— Тоже мой.

— А это что внизу, что за «СЧ»?

— Это... мое дело, — ответил я, потихоньку набирая мужества.

Приятели Блина зашумели, мол, это шифровка, и посыпали разгадки — «счастливый человек», «санитарная часть», «суд честных». Блин шевельнул кожей на голове, отчего кепка его дернулась, и все замолчали.

— Ладно, твое так твое, — сказал вожак. — Перейдем к нашему... Ты, Гусь, мозгастый парень, нам такого не хватает, и я пожал бы тебе руку, если бы это было не обо мне... Но это обо мне, и руку я тебе жать не буду. Я тебе, Гусь, зажму горло, — прохрипел он, — если ты не разо-

рвешь свою мазню на мелкие клочья, не попросишь у меня прощения при всем этом народе, — не оборачиваясь, он оттопыренным большим пальцем указал назад, через плечо, — и не выложишь камеры.

— Камер у меня нет, — живо ответил я.

— Врет, Блин, у него! — торопливо вмешался Юрка. — Чего, Гусина, врешь, я же сам видел, как вы со Славкой скатывали!

— Ладно, камеры потом, — остановил Блин. — А пока рви, — И он протянул мне листовку.

Я машинально взял ее... Вот уж не думал, что за стихи мне придется расплачиваться, и так быстро. Но ведь в них — правда, правда нашей победы! И в Борькином рисунке — правда! Почему же я должен рвать эту правду и просить за нее прощения?

— Ну! — подхлестнул Блин. — У нас мало времени.

А за ним выжидательно теснились ухмыляющиеся рожи, готовые ухмыльнуться еще подлее. Нет, я им не дам повода! Я подал листовку обратно и, чувствуя, что вот-вот навернутся слезы, не проговорил, а прощентал:

— Не буду.

— Ха! — воскликнул Блин. — Слышите? Он не будет рвать!.. А я, думаешь, буду терпеть?.. Ты мог нарисовать его, его и его, — он перетыкал пальцем всех своих холуев, — мне плевать, по личных оскорблений я не терплю!.. Я еще с прошлого раза натерпелся так, что сыт, а вы новых подкидываете!.. Ладно, шик модерн, рви без прощения!

— Не буду, — повторил я, качая головой.

— Будешь!.. Дыба, Юрок! — коротко приказал он.

Выступили Бобкин и тот коротыш, которого массажи-ровал на земле Борька. Они, видно, знали, что делать, и молча двинулись ко мне. Я попятился, как щитом, прикрываясь листовкой и соображая, где же самый дальний угол... В родительском тупике, за дезкамерой. За. А если — на дезкамеру?.. Жар охватил меня при этой мысли, и ко мне мигом вернулось все: уверенность, сила и расчетливость. Я сразу увидел нашу стычку на пять ходов вперед и замер в дверях спальни. Юрка тоже остановился, но Дыба оттолкнул его, бросился на меня. Я отпрыгнул, уронив перед собой стул поперек прохода. Невезучий Дыба зап-

нулся, как и в прошлый раз, и шмякнулся на пол. Юрка, метнувшийся следом, упал на него, а я тут же очутился на дезкамере.

— Что, съели? — крикнул я пацанам, когда они, расчистив в дверях завал, ошеломленно уставились на меня.

— У него же там камеры! — просияв, сказал Юрка.

— Конечно! — поддразнил я. — У меня тут всего полно! Может быть, тебе, Юрок, правый карман дать? Лезь без очереди! По знакомству! — Я нервно хохотнул. Добро пожаловать, Блин Оладьевич! Говоришь, у вас мозгов не хватает? Подставляй свою драгоценную голову, добавлю, поварешкой начерпаю!

— Ну, Гусь, не я буду, если не оциплю тебя сегодня! — взъярился Блин.

Он рыскнул вправо, влево, ища, наверное, какую-нибудь подставку, но, ничего не найдя, полез по болтам, велел подстраховать его. А я подтянул тюк ваты, замотанный в простыню, и едва над дезкамерным горизонтом мелькнули руки Блина, столкнул этот тюк. Он был тяжелым. Он спшиб атамана и повалил всю шайку, окутав их пылью.

— Получили? — торжествовал я. — Кому мало, подходи за добавкой!

Отплевываясь и ругаясь, Блин приказал:

— Диван!

И осаждающий вцепился в вокзальный диван, подтаскивая его к моей крепости. А я лихорадочно оглядывал дезкамерное хозяйство — чем же лучше обороняться. Жаль, отец гитару снял, а то бы я их гитарой! Можно, конечно, и шахматной доской, можно и самими фигурами, они со свинцом, как пули, можно, в конце концов, и новогодними игрушками, но это напоследок, а пока... И я плотно ухватился за конец скатанного в рулон ковра с «тремя богатырями» внутри. Теперь и нас четверо! «Союз Четырех» действует! Ну, родненькие богатыри, не подведите своего братишку!

И только Блины вскочили на диван и кинулись на штурм по всему фронту, я как давай махать ковром, словно палицей, над их головами, как давай низвергать на них тучи пыли, и атака белых снова захлебнулась.

Блин пошел на переговоры:

— Гусь, гони камеры, и мы уйдем, не тронем тебя!.. Даю слово, если хочешь!

Придержав ковер на кромке, задыхаясь в пыли, я устало ответил:

— Нет у меня камер.

— А там?

— Нету.

— Дай взглянуть.

— Взгляни.

Блин пружинисто взметнулся и лег грудью на край дезкамеры, поводя сощуренными глазами. Ничего не обнаружив, он присвистнул и спросил:

— А где они?

Меня так и подмывало без лишних слов врезать ему ковром по уху, но он был парламентаром, и я ответил, не юля:

— В гараже... Мы их обратно стаскали.

— Врет! — опять крикнул Бобкин. — Ну, гад, врет!.. Не слушай его, Блин! Я сам видел, чтоб мне сгнить!

Блин стал сползать и вдруг молниеносным движением цапнул ковер и, вырвав его из моих расслабленных рук, спрыгнул с ним на диван под злорадный гогот дружков. Но я тут же вооружился шахматной доской и не знаю, дошло бы дело до новогодних игрушек или нет — а защищался бы я до последнего «патрона», — как вдруг где-то стрельнуло, забарабанило по стеклам, заплескало, зажурчало.

Кока-Кола сиганул в кухню и панически заорал:

— Потоп!

Я догадался, что это пробило в стояке прокладку, как не раз бывало при засорении, и теперь там веером хлещет мыльная вода, но я не понял, почему эта банда, не побоявшаяся ворваться в чужой дом и натворить в нем черт знает что, вдруг перепуганно бросилась вон, действительно, точно крысы с тонущего корабля. Я слышал, как они ойкали и взывали, проскакивая бешеную завесу, как звякнул в сених откинутый крючок, как хлопнула распахнутая дверь и как мимо окон пронесся топот.

Враг бежал.

Мне бы на радостях крутануть с дезкамеры сальто-мортале, пройтись присядкой и прокукарекать, но я спустился

медленно и почему-то с шахматами, будто еще не додрался. Подобрал невредимую листовку, которую сам же уронил, я, как полусонный, прошел в раздевалку, поправил на вешалке специально прибитый клеенчатый полог, поставил ванну и два ведра под самые сильные струи, запер дом и, мокрый насквозь, как из стирального барабана, побежал к отцу доложить об аварии, побежал спокойно, точно перед этим ничего не произошло... Это потому, что произошло слишком много...

«СОЮЗ ЧЕТЫРЕХ» — ЭТО МАЛО!

Хоть потасовка и была горячей, но она будто заморозила меня, и я начал оттаивать где-то через час, когда в раздевалке сантехники уже орудовали своими клешнями ключами. Я какое-то время наблюдал за ними, потом вспомнил, как сюда заявились мымыры, как я отступал, как потом изобретательно отбивался, и вдруг весело поразился — неужели это я один справился с четырьмя?.. Выходит, справился! Правда, сперва-то я перетрусил, зато после!.. Исколотить так, как надо бы, я их, понятно, не исколотил, но психическую взбучку дал — будь здоров! — да и не только психическую! Вон какими взмысленными они вылетели во двор!.. Конечно, мне помогли неодушевленные предметы: дезкамеры, вата, ковер, стояк; но ведь не ввалилась же дезкамера в кухню, как Мойдодыр, и не подставила спину; не пропыхтел же тюк, мол, спихни меня; не протянули же три богатыря руки — я сам заставил их помогать мне. Сам — вот в чем соль!.. Разве что стояк фыркнул случайно, но почему бы ему не фыркнуть и не брызнуть мыльной струей в глаза моих врагов, стояк-то наш!..

Я хохотнул, к удивлению сантехников, и полез на дезкамеру с мокрой тряпкой. Услуга за услугу — по-дружески. Часть пыли я там уже размахал, но и оставшейся было вдоволь — хлопья ее колыхались, как студень. Еще бы, мама не заглядывала сюда четыре года, все надеясь на скорый переезд.

Протерев свою крепость-спасительницу, я затем протер все, на что осела пыль, даже гитару, которую отец повесил

на желтое пятно. Тут и сантехники довинтили гайки. Я попросил их придвинуть диван к стенке и закинуть вату наверх. Теперь все — никаких следов от сражения. А хорошо бы оставить как было, чтобы показать Борьке со Славкой, но в любую минуту мог зарулить отец — ведь авария! — и боевой вид спальни его бы не очень обрадовал.

Когда я в закатанных до колен штанах собирал в таз огромной тряпкой стоявшие в кухне и раздевалке мутные лужи, явился Борька, взволнованно-нетерпеливый.

— Вовка, ты тут размылся, а листовки-то — тютю, нету! — выпалил он.

— Но-о? — удивился я. — Где же она?

— Блин сорвал, где же еще?

— Ты видел?

— Нет, я только что приехал, но иду на спор — Блин!

Я прошлепал к порогу в спальню, взял с дивана листовку двумя мокрыми пальцами, как прищепкой, и показал Борьке.

— Вот она... Да не кривись, не я сорвал — Блин, ты прав. Но вот почему она у меня — ха-ха-ха!..

— Ну чего ты, Гусь! Давай говори, не тяни резину! Вечно он тянет, как этот...

Я сперва усадил Борьку в сених на табуретку и велел подождать, пока я dokonчу уборку, но потом шмякнул тряпку об пол и ну рассказывать, ну изображать!.. Получалось, что я сидел на дезкамере, как Зевс на Олимпе, метавший в несчастных людей громы, молнии и пепел. Нелегко было поразить Борьку, но тут я его, кажется, поразил, потому что, когда я, наконец, перевел дух, Борька дернул губами и крикнул:

— Жаль!

— Ничего, и тебе, может, придется! — снисходительно заметил я, хлопая Борьку по плечу.

Он стряхнул мою руку и поморщился.

— Не это жаль, а что Блин не узнал, что рисунок мой! Я удивился:

— Почему жаль?

Косо и чуть исподлобья глянув на меня, Борька выпалил:

— Думаешь, принял удар на себя, так и все?.. А может,

я сам хочу принять удар? — И он стукнул себя кулаком в грудь.

Я виновато улыбнулся и успокоил его:

— Примешь, удары еще будут.

Горестно махнув рукой и буркнув: «Ладно, домывай», — Борька ушел. Я понимал его обиду, потому что сам недавно завидовал Славкиному успеху в драке. Потому, быть может, меня и тянуло столкнуться с мымрами, что хотелось испытать себя еще раз. И вот я испытал! И превзошел, пожалуй, всех, так что имею теперь право спросить у друзей, кто будет главным, потому что, если скажут: ты, я не покраснею!

Целый день я маялся с этой мыслью, но у Славки барабанило от зуба щеку, ему было не до главных, с одним же Борькой затевать разговор не стоило. А вечером, в постели, под голубым сиянием потолка, я додумался до простой вещи: если чуешь силу, не спрашивай, а действуй, и все поймут, на что ты годен.

Точно, я начну действовать — ведь «Союз Четырех» существует! Но существует незаконно! Вот я для начала возьму и узаконю его! Как? Билетами, как и всякий союз.

И я взялся.

Из плотной бумаги для эскизов я загнул четыре небольших книжечки. Но заполнять их от руки не годилось. Какой же закон, если от руки — раз! — и подделали документ. Тогда я принялся за адский труд — вырезать алфавит из стиральной резинки. Дней пять провозился, втайне, конечно, зато буквы получились — одна к другой. Потом из резинки же сделал круглую печать с двумя буквами, как на листовке, — СЧ, но расположил их хитрее, в виде серпа и молота, поперечинка — рукоятка, а маленькая стойка — просто так, сучок на рукоятке. Я полтетрадки ушлепал печатью, мажа ее красной тушью. Не печать, а загляденье. Над девизом я тоже долго не ломал голову, почти сразу выдал:

Кому — ах, кому — ох,
Нам — «Союз Четырех»!

И вырезал этот неслыханный девиз целиком на одной резинке, с той и другой стороны, лесенкой, как у Маяковского.

Всё!

И вот как-то после обеда я заперся, как будто меня нет дома, и сел печатать. Снаружи билет был чистым. Внутри: слева — фамилия, имя и название союза, справа — девиз, а по ним красные печати.

В глазах рябило, руки устали, ныла спина — попробуй подгони букву к буквке. А тут еще торкались несколько раз. Кончил я только к шести часам, испортив лишь одну карточку, открыл заднюю стенку радиоприемника — самое безопасное место — сунул туда билеты на просушку.

Во двор вышел, пошатываясь и шоркая глаза.

Борька и Славка сидели на афонинском крыльце и играли в крестики-нолики. Увидев меня, Борька радостно воскликнул:

— Вот он!.. Я говорил — спит, а ты — заболел! Подставляй лоб! — Он заломил средний палец за большой и с такой оттяжкой врезал Славке выпороченный щелчок, что можно было опрокинуться, но Славка и в ус не дунул.

— Я, правда, решил, что ты заболел. У тебя эти дни вид какой-то температурный, — оправдался он, не щелкнув даже на длинном последнем слове — уж не от щелканья ли он лечил свои зубы в тот раз, когда ему раздуло щеку.

Вместо объяснений я сладко потянулся.

— Засоня, — сказал Борька. — К нему, как к порядочному ломишься, а он — хыр-хор... В чем это у тебя руки?.. Ты что, новую листовку делал?

— Нет, пора листовок кончилась, — важно выговорил я, усаживаясь рядом. — Вот что, ребята, завтра ко мне в десять утра — как штык!.. Без смеха и никаких вопросов! — Я чуть выждал с серьезной миной, потом улыбнулся. — А сейчас я ваш дотемна!..

Утром в десять ребята были у меня. У Борьки в глазах держалась усмешка, но и любопытство, а у Славки — ничего, как будто на работу пришел, — вот выдержка!

Я провел их в спальню, усадил на диван перед дезкамерой, как перед символом нашей твердости и неприступности, вытащил из кармана завернутые в тетрадный лист билеты и произнес:

— Афонин и Чупрыгин, с сегодняшнего дня вы являетесь законными членами «Союза Четырех»!.. Позвольте вас поздравить и вручить вам билеты!

Я выдал им книжечки, и друзья минут пять обалдело рассматривали их, вертя, открывая и закрывая.

— А зачем ты мне свой дал? — спросил Славка.

— Чтобы ты мне вручил.

— А-а, ну держи, Кудыкин. Поздравляю! — Славка-таки легонько щелкнул зубами.

Я взял билет и тоже давай рассматривать, точно увидел его впервые. А собственно, так и есть, вчера ведь он не принадлежал мне и ничего не значил, а сейчас он сделал меня членом «Союза Четырех» — как же его не разглядеть!

Придя, наконец, в себя, Борька спросил:

— Гусь, а что теперь, колотить всех подряд?

— Почему колотить?

— А что делать?

— Ну, и колотить будем, когда надо!

— А в перерывах? — не отставал Борька.

— В перерывах? — переспросил я, глядя на рассудительного Илью Муромца, но тот задумчиво грыз ноготь. — Ну что, жить будем союзом... Это же интереснее, чем просто так.

Повисло целовкое молчание. Я-то ожидал восторженных криков, похвал, веселья, а тут молчат, грызут ногти да задают глупые вопросы. И меня взорвало.

— Ну чего вы?.. Не хотите?.. Тогда давайте сюда билеты и умятывайте!.. Живите сами по себе!.. Давай! — Я протянул к Борьке руку, с ужасом ожидая, что он вернет билет.

Но Борька спрятал его в карман и сказал тихо:

— Не шуми, Вовк, все нормально... Но надо же знать, что делать, раз союз... или как без союза?

— Ну уж не-ет, — уверенно протянул я. — Только почему именно я должен знать?

— А кто же? — удивился Борька. — Ты же этот... комиссар.

— Я?.. Кто сказал?

— Вот мы и говорим. Да, Славк?

— Конечно.

У меня мурашки пробежали по спине, и где-то там, в глубине глаз, дрогнули слезы.

— Ну вы и даете, — глубоко вздохнув, сказал я. —

Тогда первое собрание «Союза Четырех» считаю открытым... Вопрос один: что делать? Славка, да кончай ты ногти грызть, думай!

Славка оторвался от ногтя и проговорил:

— Думаю... И вот что придумал, товарищ комиссар: «Союз Четырех» — это маловато... Ну, если драться, то, понятно, вчетвером, а так — мало... Какое это житье — вчетвером?

— Давай еще! — воскликнул я. — А где возьмешь?

А девчонки-то, — чуть смутившись, сказал он. — Ох, и Гусь!.. Как в садовника играть или в прятки, так ему подавай девчонок, а тут и за людей не считает! — отплатил мне Славка моей же монетой.

— Почему?.. Я это... я не думал, — забормотал я, сбитый с толку.

И мы опять замолчали.

Еще бы! Союз-то возник как военная мужская организация, для защиты двора, поэтому о девчонках не могло быть и речи, ну, а если наклеиваются другие дела, то надо подумать — может, действительно, стоит принять. Я вспомнил Томку. Ведь это она первая назвала меня главным среди мальчишек! Не скажи она этого, быть может, мысли о союзе у меня не возникло бы! За одно это ее надо принять.

Молчание нарушил Борька.

— Взять, взять их, пусть едой занимаются, — брякнул он.

— Какой едой? — не понял Славка.

— Обыкновенной — ам-ам. Вы что, думаете голодными заседать? Ха, артисты!.. А так — собрались, кто огурчик принес, кто колбаски, кто яблоко, как в гараже было. Скоро вон у тети Зины ранетки созреют, — распелся Борька.

— Да постой ты, обжора, с огурцами! — прервал я его. — Тут ничего не решено, а он с колбасой лезет!.. Так принимаем или нет?.. Кто за?.. Единогласно... Петрушка какая-то получается! Все перевернулось вверх дном. Значит мне заново начинать работу... Жаль билеты — так старался.

— Не волнуйся, комиссар, они будут нашими военными билетами, — нашелся Борька. — А общие потом сделаем.

Но тут мы спохватились, что девчонки могут начихать на всякие союзы. Это и предстояло установить в первую очередь. Мы решили записками вызвать их из дома и поговорить. Я тут же сел за стол. Славка предложил со слов «уважаемая» или «дорогая», но я начал словом «слушай». Дальше шло имя и предложение явиться в три часа к нашему тополю, о котором девчонки знали — Мирка сама раз перебиралась на крышу. Славка посоветовал добавить постскрипtum: «Записку проглотить», но я возразил, мол, что они, дуры — глотать ерунду. Накатав две бумажки, Люське и Мирке, я отдал их Борьке и Славке и благословил:

— Ну, счастливо!

В нашей жизни заваривалось что-то небывалое.

— А себе почему не пинешь? — лукаво спросил Славка.

— А моей, то есть это... Томки-то нету. Вот придет — напишу, не бойся!

— Так она приехала, — сказал Славка.

Я выронил карандаш и прошептал:

— Не ври!

— Здравствуй!.. Да только что!.. Чемоданы пронесли и сетку с яблоками... Томка еще руку козырьком сделала и на твои окна посмотрела — не ждешь ли, а ты — не ври!.. А яблоки вот такие! Так что пиши, комиссар. Ну, айда, Борьк.

И они ушли.

А мне как лед на темечко положили... Томка тут, Томка тут — токало в висках. Я прокрался к окну в раздевалке и замер, прижавшись виском к холодной стенке. Это было единственное окно в нашей квартире, из которого наискосок, да и то одним глазом, можно было увидеть Томкино крыльцо. На перилах сидел воробей и так старательно чистил клюв, что даже у меня зачесалось в носу. Вдруг он — порх! — и вышла Томка, в каком-то новом цветастом фартучке с отдутым карманом. Она оперлась о перила и тихонько запokaчивалась и в упор глянула на меня. Я ошпаренно дернул головой и так трахнулся затылком о стояк, что застонал и сел на пол. Дурак! Ох, дурачина! Она же близорукая, не заметила бы!.. М-м...

Отдышавшись, я быстро нацарапал записку, взял испорченную резинку, лезвие и, убедившись, что Томки нет, уселся на крыльцо, как будто мастера что-то, а на самом деле, бессмысленно кроша ластик. Голову я склонил так, чтобы все видели, что я никого не вижу. Но я все чувствовал и вздрагивал при каждом хлопке двери, боясь Томкиного появления. Какое тут записку передать!.. Тут дай бог живым остаться!

Минут через десять, когда от резинки почти ничего не осталось и я пал духом, Томка, наконец, постукивая каблуками, спустилась с крыльца. Я так и скрючился, ворочая локтями. Она остановилась, увидев меня, потом, чуть поколебавшись, неловко подбежала, сунула мне под локоть яблоко и припустила обратно. Яблоко было большущее и такое раскаленное, что прямо жгло колени. Хотелось взять его в ладони и потискать, но мне казалось, стоит прикоснуться к нему, и со всех сторон закричат, мол, ага, гостинчики, любовь, жених и невеста!.. Не выдержав этой пытки, я схватил яблоко и скрылся за дверью.

Мне хотелось влиться в него, но я лишь прикасался к нему губами, точно целуя, подкидывал в воздух и даже чуть не стукнул об пол, как мячик, а потом обернул газетой и спрятал в радиоприемник, зная, что сохраню его навсегда.

Посыльные примчались и доложили, что все в порядке. Смущенно разведя руки, я шепотом попросил Славку отнести записку к Томке, мол, не могу. Славка понял и отнес.

Полтретьего мы, незнакомо-возбужденные, явились к тополю. Это было наше первое свидание с девчонками, пусть деловое, но свидание. А тут нас поджидал такой удар, какой нам еще никто не наносил. Под деревом белели свежие опилки и, как отрезанная рука, валялась длинная, толстая ветка. Наша ветка! Мы тотчас узнали ее по хоботному изгибу и сучкам и, вскрикнув, бросились ощупывать ее, будто ища признаки жизни. Но она была холодна. Тогда мы подняли головы в надежде, что это, может быть, все-таки другая ветка, а наша так и парит в вышине, как парила... Но на том месте из как бы сморщенного от боли

ствола торчала страшная полуметровая култышка, с бледным, бескровным срезом.

Погиб наш Остров Свободы!.. Гнусные твари! В открытую взять не удалось, так начали подличать втихоря?!

Славка сжал кулаки и, тряся ими, зарычал:

— Дайте! Дайте мне хоть одну мымру!

— Айда к Бобкиным! — приказал я.

Нам открыла тетя Феня.

— Юрка дома? — жестко спросил я.

— Нет, — ответила она, подозрительно оглядывая нас.

— Скажите ему, что я его задую, — простучал багровый от гнева Славка.

Тетя Феня резко нахмурилась и перешагнула порог.

— А что такое?

— Задую! — повторил Славка. — Можете прощаться с сыном!

— Да в чем дело, ребята?

— Спросите его самого! — ответил я, и мы ушли.

Сперва пропал гараж, теперь вот крыша — кончилось наше чисто мальчишеское житье, и если бы не «Союз Четырех», остались бы мы на бобах... Нет, не зря я узаконил его!.. А этим мырмам будут еще от нас и охи и ахи!

Молча перетавив ветку в кусты и уложив ее вдоль забора, мы размели и притоптали опилки, а чтобы девчонки не видели, как мы ждем их, влезли на самую макушку тополя и расселись там, кто где.

Под нами проносились машины, проходили люди, превращенные в головы и плечи. Шляпка... Берет... Лысина... За дорогой виднелся чужой просторный двор, с волейбольной площадкой, с качелями, с грибками, как на пляже... Что-то давненько не прибежала к нам Пальма с этой забавной девчонкой.

Дамы наши запаздывали.

Борька завозился надо мной, как ворона, и заворчал, что у него отекли ноги, что даже птицы не сидят на одной ветке по столько и что хорошо жирному Славке — есть на чем сидеть.

— А где пацаны? — наконец-то раздалось внизу. — Ну, если обманули, я им дам!

— А если нет, поцелуешь? — спросил Борька.

Девчонки рассмеялись и задрали головы, и мы начали спугаться, гордые, точно космонавты. Я лишь на миг поймав веселый Томкин взгляд, а дыхание у меня аж пресекалось. Она была в черной юбочке и белой кофте, с короткими рукавами, а Мирка с Люськой грызли по половинке яблока — Томка, видно, их угостила. Грызите, грызите, а у меня-то дома целое запрятано!

Перекинувшись несколькими пустыми фразами, мы замолчали. Девчонки ждали, а я не знал, как приступить к делу, которое сам толком не продумал.

— Ну, пацаны, давайте, а то мои скоро проснутся, — подстегнула Мирка. — Вовка, чего покашливаешь? Давай!

— А почему именно я?

— Ну Борька!

— А я почему?

— Ну вот, започемукали!.. Мне, что ли, начинать?

Все мы улыбнулись, и тут я решился.

— Ну, ладно, — сказал я. — Тогда слушай... Вот так... Когда вы организовывали концерт, вы нас приглашали, да?.. А теперь мы организовываем союз и вас приглашаем, вот... — Я думал, что буду говорить очень долго, и вдруг выдохся. Ну, ни слова в голове, хоть караул кричи!

Видя, что я кончил, Мирка спросила:

— Что за союз?.. Концерт — это понятно, а союз?

— Советский Союз — понятно? — выручил меня Борька.

— То Советский!.. А это какой?

— Дворовый.

— А-а, тимуровская команда! — вскрикнула Томка и захихикала, что догадалась.

— Да не команда и не тимуровская! — возразил я, глядя Томке под ноги. — Тимуровцы помогали, когда война или когда позарез надо!.. А где война? Кому помогать?.. Анечкин огород копать? Да они сами вон киснут на крылечках от безделья, а нас только обзывают... Это они пусть создают тимуровскую команду помогать нам, а то уж совсем!.. Для себя мы создадим союз, вот что! — вырвалась вдруг у меня нужная мысль. — Свою жизнь организовывать!

Мирка с Люськой перестали жевать, Томка часто заморгала! Друзья стояли сбоку, и я не видел их. Я сам

замер, обдумывая сказанное... Я чуял, что речь должна быть длинной и убедительной, и вот — пожалуйста! Откуда это взялось! Может быть, это и есть тот удар изнутри, о котором я мечтал когда-то вот на этом Острове Свободы?..

Девчонки ожили, зашумели, глядя на меня. Борька положил руку мне на плечо и сказал:

— Выступал наш комиссар Вова Кудыкин!.. Если вы все еще ничего не поняли, идите отсыпайтесь!

— Да ладно тебе, умник! — крикнула Мирка. — Скажи лучше, концерты в союз войдут?

— Конечно!

— И вы будете выступать?

— Больше не будет Вы и Мы! Будет одно Мы!

— Вот это пацаны! Вот это я понимаю! А то от пацанов одни штаны были. Конечно, мы с вами, да, девчонки?

А Борька еще поддал:

— У нас уже есть печать союза. Вовк, покажи!.. Вот она! Завтра каждый из вас получит по билету с этой печатью!

Мы стояли до этого против девчонок метрах в полтора, точно сошлись для драки, а тут сблизилась и шумно перемешались.

ПАРОЛЬ — КРАКАТАУ

С утра мы сели за билеты.

Печать я предложил оставить ту же — СЧ, только дать ей новую расшифровку — «Союз Чести». Друзья не возражали. Еще бы — одной печатью двух зайцев убили! И девиз как-то сам получился. Сказали все по слову, и вышло:

Быть всегда и всюду вместе —
Вот девиз «Союза Чести»!

К полудню восемь билетов были готовы.

А вот сойтись на заседание оказалось нелегко. Квартира не годилась. «Союз Чести» — и вдруг сидеть в духоте, как на именинах. Уж лучше подполье со свечой или фонариком — интереснее. Эх, гаража нет! Вот бы где мы развернулись!.. Или бы на Острове Свободы — никто бы не под-

крался, не подслушал! Правда, девчонки не попали бы туда, будь даже ветка цела. Хотя, мы бы по ветке, а они по лестнице — так и быть, для них бы мы починили.

— Э! — воскликнул я. — Нашел, ребя! Крыша!.. Подладить поперечины и — лезь, заседай!.. Ну, как?

— Наверху — это хорошо, — поддержал Славка.

— Ну вот!.. Какая самая целая, вторая?

— Вторая, — сказал Борька. — Там нет только пяти поперечин. Даже четырех, но одна с трещиной, как Славка наступит, так — хрясть!

— Значит, пяти. Пять — это фу, это — петрушка. Неужели мы не найдем пяти брусков? Найдем! И главное — лестница между крыльцом дяди Феди и этими, которые врачи, их никогда нет дома, так что порядок!.. В общем, назначаем операцию под кодовым названием «Лестница». Кто за? Все!

— Ты гонишь, как на военном совете, — усмехнулся Борька.

— А у нас что, у нас и так военный совет. Кстати, ваши военные билеты? — Славка с Борькой молча показали корочки. — То-то!.. Но с операцией еще не все. Надо провести ее незаметно, чтобы крик не подняли, мол, опять то да се!.. Ночью? Всех перебудим стуком. Когда?

— Днем, часа в четыре, когда все по магазинам расходятся, — посоветовал Славка.

— Точно. Значит, к четырем каждому найти по два бруска! — распорядился я. — А до этого где собраться?.. Не терять же день! И вообще, про запас надо иметь сухое место, чтобы гроза — а мы сидим.

— Давайте у меня под крыльцом, — предложил Борька.

— Под крыльцом?.. Пошли, посмотрим.

Едва мы вышли, видим — Генка бежит, наш четвертый союзник, еще в пионерской форме, в синей пилотке, только-только чемованчик, наверно, занес. С криком ура мы бросились навстречу, сшиблись посреди двора и, сыня междометия, затискали, заколотили друг друга.

— Сколько ты проворонил из-за своего лагеря! — воскликнул Борька.

— Чш-ш! — прошипел я, стрельнув глазами на окна. — Айда к Борьке!

А там уж нас прорвало! Генка сперва усмехался, кивал, поддакивал, оборачиваясь к тому, кто дернет его сильнее, потом нахмурился, стал ковырять пальцем в ушах, трести головой, потом откинул затылок на спинку стула и с открытым ртом уставился в потолок.

— Вот он, твой билет, держи! — сказал я под конец.

— Куда билет? — спросил Генка.

— Не куда, а членский.

— Какой членский? — растерялся он.

— В «Союз Четырех», который два раза избил Блина с мымрами и побьет еще! — сказал я.

— Я пойду, — убито протянул баянист.

Я ему подмигнул и сказал:

— Во, Генк, какие у нас дела были: мы делали — да живы, а ты от рассказа чуть не спятил.

— Это я с дороги.

— Короля-то Морга видел?

— Нет еще.

— Ну, беги. Потихонечку разберешься. А мы сейчас на тот свет полезем.

Проволочным крючком Борька открыл дверцу подкрылечника, и нас обдала сухая застоявшаяся прохлада с запахом пыли и дегтя. Угля было мало, одни комки. Мы перетаскали их в угол, подскребли лопатой мелочь и смахнули дырявой рогожиной густую паутину с потолка.

— Ну и порядок, — сказал я. — Только темновато.

— Когда сбор? — спросил Борька.

— В три.

— К трем солнце перейдет вон туда, а тут, видишь, сколько дыр — света будет навалом.

Славка принес откуда-то две доски и сделал скамейки, а для стола Борька поставил табуретку.

— Все вроде, — оглядев штаб, сказал я довольно. — Да, а пароль-то!.. Я еще вечером думал — не забыть бы. Надо пароль, чтобы честь честью.

Мы задумались. В голову мне лезли одни знакомые слова: меч Дамоклеса, цейтнот, мымра, даже — шик модерн.

— Ге, — сказал Борька.

— Что где?

— Художник по фамилии Ге.

— Да ну тебя с художником,— буркнул я.— Кашлянул — и пароль. Надо, чтобы слово с закорючкой было!

— Кракатау,— сказал Славка.

— А это что?

— Вулкан, который в прошлом веке взорвался.

— Кракатау!.. Крракатау!! Крракатау!!!

Порывав, мы приняли Славкин пароль. Я взял проволочный крюк себе, чтобы забраться под крыльцо раньше и всех проверять, напомнил о брусках для поперечин, и мы разошлись.

Бруски я нашел сразу, ровненькие, длинные брусочки — в сенях под сундуком, а Томку выследил только после обеда. Гляжу — отправилась куда-то с белой сумкой, наверно, в магазин. Вечно она по магазинам ходит и вечно с этой сумкой!

Я выскочил и закричал:

— Тома!.. Том, в три часа мы собираемся у Борьки под крыльцом. Будь как штык.

— А почему под крыльцом?

— А где же? — удивился я.— Самое место. Мы там все прибрали, вычистили — во! Только белую кофточку сним.

— Ладно,— ответила она с улыбкой.— Займи мне место.

— Займу. Я тебе возле дыры займу.

— А там не сквозит?

— Какой сквозит, там дышать нечем! То есть для сквозняка места мало... Пароль — Кракатау. Это вулкан, который в прошлом веке взорвался. Запомни — Кракатау. А то мы без пароля никого не пустим.

— А если я забуду? — спросила она, удивленно посмотрев на меня, дескать, и меня непустишь?

— Нет уж, ты не забывай. Это же легко — Кра-ка-та-у!

— Ну, ладно, приду.

— Торопись, а то уже третий час!

Пока я бегал в кочегарку за водой и поболтал о том о сем с дядей Ильей, пока перемывал горю посуду, гляжу — без пятнадцати три. Я бросил все и как очумелый полетел к Чупрыгиным, боясь, что там уже толпится очередь. Но к счастью, никого еще не было, и я радостно засел в подкрылечник.

Солнце, действительно, встало так, что ожили все дыры и щели штаба, и он, с углем, с балками над головой, стал походить, по-моему, на шахту.

Вот и первый стук. Я вздрогнул. Открывалось небывалое в нашей жизни — начинал действовать «Союз Чести!»

— Кракатау!

Это был Борька. Я впустил его и опять закрылся.

— Ох, и дела,— сказал он.— Чтобы пролезть в свой дровяник, я должен говорить по-арабски.

— Ничего. Предупредил Люську?

— Предупредил. Полчаса подкарауливал.

— Я тоже.

Послышались шаги, Славкины.

— Сим-сим, открой дверь,— простучал он.

— Ты давай без сим-симв! — пристрожился я.

— Кракатау.

Жаркий, переполненный сам собой, он грузно сел рядом и сделал такой затяжной выдох, как будто выдохнул половину себя. Подмигнув ему, я его отодвинул.

Разговаривая, к крыльцу подошли Мирка с Люськой. Мы замерли. Девчонки выждали немного, поприслушивались, потом неуверенно постучали.

— Пацаны, вы там?

— Нету,— сказал Борька.

— Мы забыли пароль,— сказала Люська.— Вспомним-вспоминаем и не можем.

— Впусти,— шепнул Борька.

Я показал кулак.

— Тара-тара,— сказала Мирка.

— С тара-тарой стучитесь напротив,— отрезал я.

— Давайте открывайте! Придумали какую-то ерунду и хотят, чтобы мы ее помнили. Вовка, открывай! А то вот проснутся мои гаврики, притащу их на собрание — узнает!

— Ладно, на первый раз прощаю,— пожалел я, впуская их.

Следом прибежал Генка. Он еще от соседнего крыльца крикнул пароль и юркнул в штаб. Девчонки, оглядев наше жилье, остались довольны и принялись расспрашивать Генку о Короле Морге, не научился ли он петь. Генка их

успокоил, мол, не разучился, но обленился и сильно подрос.

Дело было за Томкой, и я был рад, что друзья отвлеклись, а то потребовали бы начинать, мол, семеро одного не ждут. Наконец, постучала и Томка, неслышно подойдя.

— Кто? — спросила Мирка.

— Я.

— Мы знаем, что ты, а не королева английская, — проговорил Борька, подделавшись под его голосок. — Паролик?

— Забыла.

— Ну, хоть приблизительно, — сказал я.

— Совсем, все буквы забыла.

— А мы без пароля не пускаем, — напомнил Борька. Томка чуть подумала и сказала:

— Ну и не надо, — и пошла.

Я вскочил и, ударившись затылком о балку, крикнул от боли и от злости:

— Что же это? Двух пустили без пароля, а одного нельзя? Нечестно! — Я распахнул дверь и выскочил. — Тома!.. Иди сюда! Куда же ты потопала?

Она медленно, глядя в землю, вернулась, я кивнул на свое место, а сам опустил на корточки. Девчонки покоились на Томку, а пацаны ехидно молчали. Я склонил голову, почувствовал странную неловкость. Дурак, а не комиссар! Кинулся за ломакой, аж чуть голову не свернул! И она тоже, нашла время ломаться! Я хлопнул себя ладонью по колену и заявил:

— Все пароли отменить! Петрушка какая-то получается, а не пароли!.. Я думал, вы люди понятливые, а вы!.. Собрание начинаем!

— Без Юрки? — спросила Мирка.

— Без какого Юрки? — не понял я, уже отвыкнув от него как от друга. — А-а, без Юрки. Он выбыл. Он теперь покойник для нас. Чш-ш!.. Потом, потом расскажем, никаких вопросов.

Устав на корточках, я втиснулся между Славкой и Томкой и еще раз объявил наше первое собрание открытым. При общем внимании я выложил на табуретку, куда падал самый толстый луч, ворох билетов, которые, как

ракушки, пооткрывали створки и розовато засветились печатями.

— Это ваши документы, разбирайте, — просто сказал я.

И перепархивая из рук в руки, билеты разлетелись. Я с удовольствием наблюдал, как девчонки рассматривали их и читали, шевеля губами. Это меня окончательно успокоило.

Вдруг Томка меня тихонько локтем — толк! — и шепнула, глядя поверх билета:

— Вов, пауки!

Над Борькиной макушкой, в углу напротив, куда мы не тыкались рогожиной, серела зыбкая и густая, как марля, паутина, а на ней встревоженно замер паук, большой и противный.

— Черт с ним, — сказал я.

— Он Борьку не укусит?

— Такие на людей не падают. Смотри лучше в билет. Видишь, какой девиз, какая печать!

Когда все сложили билеты вдвое, я продолжил собрание. Я сказал, что теперь мы не Ваньки да Маньки, а «Союз Чести», а я комиссар, что все мои приказы выполнять, хоть в лепешку расшибись, а чтобы девчонкам не было обидно, назначаю своим заместителем Мирку.

Народ одобрительно зашумел.

Конечно, я бы с радостью назначил Томку, но какой из нее заместитель, если еще неизвестно, какой она будет рядовой. И я, повернув голову, прямо заглянул ей в глаза, готовый выдержать укор, но взгляд ее не был укоризненным.

Переждав волнение, я объявил, что с завтрашнего дня будем собираться на крыше, а для этого сегодня мужская половина Союза проведет операцию «Лестница», и спросил у Славки с Борькой, добыт ли материал. Они ответили, что добыт, и я поздравил их с выполнением первого поручения.

— Есть вопросы? — спросил я.

— Есть, — сказал Борька, подозрительно перекосив рот. — Не вопрос, а предложение... Даже не предложение — приказ.

— Приказывать ты не имеешь права, — важно сказала Томка. — Только Вовка может приказывать.

— Вот он и прикажет, а я подскажу... Одним словом, завтра на крышу чтобы все принесли жратву! И сел.

Я было насупился, как и тот раз, когда он заикнулся об еде, но вокруг так дружно засмеялись и с таким жаром сразу заговорили, кто чем богат, что и я невольно прыснул и вдруг ощутил тайную сладость этого поднебесного обеда.

— Ну, комиссар, приказываешь? — спросил Борька.

— Приказываю.

— Ха-ха, Томуся, — уколол Борька.

На этом я закрыл собрание и распорядился приготовиться к операции «Лестница». Мирка вспомнила про своих гавриков и всполошенно унеслась. Поднимаясь, Томка шепнула:

— Вов, пусть это место всегда будет мое.

— Пусть, — ответил я тихо, довольный, что ей понравилось сидеть рядом со мной. А чем плохо? Я ее вон и на счет паука успокоил, я и комиссар, и вообще. И мне с ней приятно сидеть. Правда, нескладно получилось вначале, но ничего.

Мы вышли следом за девочками и двинулись ко мне.

— А мне с вами можно? — вдруг спросил Генка. — Ну, на эту... на операцию?

— А ты разве не мужская половина? — спросил я.

Он покраснел и заулыбался. Дожил человек — рад, что его за мальчишку считают. Подожди, приучим. Это хорошая должность — быть мальчишкой!

В четыре часа, с шестью брусками, двумя молотками и горстью гвоздей мы направились ко второму дому. Договорились так: я и Борька бьем, Славка держит, а Генка подает. Во дворе — ни души, духота, солнце. Три пацаненка неподалеку развозили машинами золу от забора. Мы были почти у лестницы, когда черт вынес бабку Перминову, эту занозу. Увидев нас, она не пошла, куда хотела, а замерла, поставив на всякий случай одну ногу на ступеньку. Мы на нее — ноль внимания, свернули и живо взялись за работу. Такая стукотня поднялась, что загудела даже крыша, точно от радости, что вспомнили про нее. Старые поперечины проходили сквозь стойки, но нам некогда было мудрить, и мы приколачивали сверху. От

спешки гвозди гнулись, не выпрямляя их, мы всаживали новые и на одну поперечину тратили по пять-шесть гвоздей. Вдруг сзади — р-р-р! Оглянулись — тетя Зина Ширмина с овчаркой Рэйкой стоит. Ну и стой, смотри, мы не ворует! Я размахнулся да как хватил себя молотком по пальцу, так винтом и пошел на одной ноге, согнувшись в три погибели.

Тетя Зина ойкнула, хотела подойти, но — Рэйка. Хоть и в наморднике, а овчарка — лапой может убить.

— До крови? — спросила тетя Зина.

Я помотал головой, от боли прямо ввинчивая палец себе в живот. Ширмина не вынесла этого и ушла. Славка подхватил мой молоток. Больше нам никто не мешал, только из-за дяди Фединых сеней выглянула было бабка Перминова, но Борька на нее шикнул, и она исчезла.

Один брусочек остался лишним, и я велел прибить его в самом низу, чтобы девочкам было удобнее делать первый шаг, а дальше разойдутся.

А потом мы убежали к нам, долго умывались и брызгались под краном в нашем теплом туалете, а я держал палец с посиневшим ногтем в кружке с холодной водой.

Вечером мама принесла давно обещанного котенка. Он был такой маленький и пушистый, что дунь — и улетит. Я налил ему молока. Он — тык-тык — снаружи в блюдце, обошел вокруг на шатких ножках, а внутрь сунуться — ума нет. Я взял его лапку, чуть пожал и ткнул мордочкой в молоко, потом отнял, опять пожал лапку и опять — в молоко. Раз пять повторил.

Мама стояла над нами, улыбаясь.

— Он мал еще для дрессировки, — сказала она.

— Пусть привыкает. Король Морг вон с детства поет. А этого я научу в шахматы играть. Конечно, играть буду я, а он будет срубленные фигуры зубами с поля утаскивать. Укажу — вон эту, он — хват! — и потащит. Можно, мам, так научить?

— Наверно, можно. Но трудно.

— Ха, а что легко?

— Да, все трудно... Вова, а что это вы там отремонтировали? — спросила вдруг мама.

— Где?

— Да во дворе.

— Ничего.

— А женщины говорят, что отремонтировали что-то, какую-то лестницу.

— А-а,— понял я.— Так это мы не для них отремонтировали, а для себя.

Мама удивилась:

— То есть как — для себя? Если я полезу, вы что, столкнете меня?

Я рассмеялся.

— Почему? Лезь. Пусть хоть тетя Шура-парикмахерша лезет, если не боится брякнуться, пусть хоть кто.

— Значит, все-таки для всех,— настаивала мама.

— В этом смысле — для всех.

— А в каком — для себя?

— Ну, мам, в каком, в каком!.. Нам надо, вот мы и отремонтировали! — проворчал я.

— Ух, люди! Что ругай вас, что хвали — не угодишь! — вздохнула мама.

— Нам не надо угодять, нам надо как есть,— сказал я и опять склонился к котенку, который уже наелся и сидел, растопырив лапки и облизываясь.

Этой ночью я долго не мог уснуть. Надо мной уже и голубой потолок погас, а я все лежал с открытыми глазами, заново и вразнобой переживая сегодняшний день: то как лестницу чинили, то странный разговор с мамой, то как уморили Генку рассказами, то как собрание шло... Собственно, что мы решили на собрании? Да ничего. Раздали билеты, посмеялись и договорились о новом собрании. А завтра? Пообедаем на свежем воздухе, опять посмеемся и назначим собрание на послезавтра?.. Нет, так не годится! Надо что-то делать! Я же пообещал завалить всех поручениями, а какими, в какую сторону? Цели-то нет. Надо наметить цель. Конечною! И этой целью должна быть свобода! Да, да — освобождение двора от власти взрослых! Именно так, по-комиссарски!.. Я радостно заворочался и снова вспомнил, как высыпал на табуретку билеты, как сидел бок о бок с Томкой... Томка... Я вдруг подумал, что не усну, пока не прикоснусь к Томкиному яблоку. Я встал, сходил напил, потом запустил руку за стенку приемника, пощупал яблоко и потом лег. Да, Томка меня любила, и я любил ее... Но почему же она сегодня чуть не ушла от

нас?.. Не окликини я ее и не верни — ушла бы! Мирка с Люськой вон тоже забыли пароль, и мы их тоже не пускали, так они чуть крыльцо не разворотили. А Томка спокойно повернулась и подалась, как будто за дверцей не друзья, а пустота. И паука заметила. Никто не заметил, а она заметила... Но ничего. Генка вон тоже еще не совсем наш. Все не наши будут наши!

— Кракатау! — шепнул я пароль темноте, чтобы она пустила меня в сон.

ОПЕРАЦИЯ «МЕТЛА И ЛОПАТА»

Утром мне почему-то показалось, что вчера на собрании много смеялись. Уж не за шутки ли приняли «Союз Чести»? И соберутся ли в три часа на крыше? Чем ближе подходило назначенное время, тем тревожнее мне становилось. Я пробовал читать Марка Твена, решать шахматные задачи, играть с котенком — тревога не унималась. Я нарочно не выходил во двор, чтобы своим комиссарским видом ни о чем не напоминать. Наконец, без четверти три я пододвинул письменный стол к окну в спальне, вскочил на него с будильником в руке и уставился на крышу второго дома, видневшегося поверх забора. Если никто не придет, я хлопну будильник об пол, брошусь в кровать и не знаю, что со мной будет, потому что без «Союза Чести» я теперь себя не представлял.

И вдруг — ура-а! — в рогульках лестницы появилась Борькина голова! Он подал руку Люське, Люська потянула Томку, Томка — Мирку, и последним, как толкач на железнодорожном подъеме, пыхтел Славка. Живой цепочкой они перевалили верхнюю поперечину и рассыпались по крыше. Я швырнул будильник на кровать, сам спрыгнул на пол и заплясал, оп-лякая. А через минуту уже выскочил из дома с двумя колбасными бутербродами в кармане.

Навстречу бежал Генка, зажав пальцами нос, как будто удирает от какой-то вони. Я подождал его, готовый подшутить, но смотрю — губы его, подбородок и белая рубаша на груди окровавлены, а сам бледный и дрожит. Генка боялся одного вида крови и даже на чужие ссадины и порезы

смотрел всегда болезненно-испуганно, а тут — своя кровяница.

— Что с тобой? — беспокойно спросил я.

— Да так, ничего, — тихо ответил он, отпуская нос и тут же хватаясь за него, потому что кровь закапала опять. — Запнулся обо что-то и упал.

— Задери голову!.. Во. На крышу залезть сможешь!

— Смогу.

И он полез, прямо пополз по лестнице, перехватываясь одной рукой и не отрывая живота от поперечин. Я подстраховывал его снизу, рассчитывая, что, если Генка и потеряет сознание, я его удержу... Ловко он упал, на штанах и на рубаше — ни пылинки, и туфли блестят.

— Пацаны! — крикнул я. — Примите Генку!

Славка с Борькой подхватили баяниста и под девчачье оханье уложили его за трубу, головой в кучую тень. Он запнулся, объяснил я и приврал, что сам недавно так треснулся носом, что крови с пол-литра вытекло, а тут пустяк — и капли. И рассевшись вокруг Генки, мы стали, успокаивая его, вспоминать, кто, где и как падал, ссаживал кусками кожу, насквозь пропарывал ноги ржавыми гвоздями и расшибал до мозга лбы. Оказалось, что даже и Томка запнулась однажды, только после падения у нее почему-то чирей вскочил на спине, на талии, уточнила она, хихикнув и спрятав лицо в ладони. В общем, получалось, что все мы перекалечены, а двор наш не двор, а свалка, где убиться раз плюнуть, а живы мы по счастливой случайности. И тут мы — уже серьезно — давай костерить двор — такой он да сякой.

— А чего это мы расплакались? — воскликнула Мирка. — Давно бы взяли да прибрались! Дома вон каждый день метем да моем, а тут расстонались, бедненькие. Двор-то наш!

— Двор наш? — спросил Борька.

— А чей же, дядин?

— Вот именно, дядин, тетин и бабушкин, — Борька кисло ухмыльнулся. — А нас по нему только гоняют, прокалывают мячи да лупят поварешками по макушкам.

И вдруг от этой стычки у меня мелькнула мысль, бьющая туда, в сторону намеченного мной освобождения, о котором с бухты-барахты мне пока не хотелось говорить.

— Не спорьте! — вмешался я. — Вы оба правы: и двор не наш, и убираться в нем надо, нарочно прямо до блеска! Чтобы сказать: наш двор — и никаких гвоздей! Мы тут хозяева!

Все усталились на меня, озадаченные таким поворотом мысли. Даже Генка приподнял голову и растерянно сказал:

— Если из-за меня, то не надо, у меня уже все.

— Лежи, лежи — из-за всех, унял я его. Так что, Союз, чистим двор?

— Ты не советуйся, а приказывай, заметил Борька. — Ты же ферзь, а не пешка.

— Еще не привык, я улыбнулся. Внимание! «Союзу Чести» приказываю провести операцию под названием...

— «Метла и лопата», подсказал Славка.

— ...«Метла и лопата», подхватил я. К выполнению приступить немедленно!

Борька протестующе замахал рукой и воскликнул

— Да ты что, комиссар!.. А перекусить-то!

— Ах, да! — спохватился я под общий смех.

— Уважаемые союзнички, прошу сдать припасы! распорядился Борька, скидывая с себя рубаху.

Все оживились и полезли кто куда: в карманы, за пазуху, в рукава, и мигом на Борькиной рубахе выросла аппетитная пирамида, которую увенчивало Томкино яблоко, такое же большое и румяное, как подаренное мне. Я даже закусил губу — могла бы позеленее выбрать! Борька ловко разделил еду на семь частей и, гадая за Славкиной спиной, раздал их.

Мне достался огурец и кусок хлеба с двумя конфетами, а Томке — огурец и бутерброд с салом. Она его тут же отдала мне, сказав, что жирное не ест, а я отдал ей обе конфеты, хотя съел бы их и сам.

Мы расселись кто как и принялись жевать, припивая воздухом.

— Пацаны, а что с Юркой-то? спросила Мирка. Чего молчите?

— А чего о нем говорить — предатель, — сказал я. Если очень хотите — пожалуйста.

— Еще бы! — воскликнула Мирка. — То свой, свой был, то вдруг предатель!

Ну, слушайте.

И я рассказал, как мы со Славкой услышали в гараже вскрик, как подкрались и застали там всю Юркину банду, как затаскивали камеры обратно и как дрались на следующий день.

— У-у, протянула Мирка. — Я думала — так себе, а тут вон что!.. Тогда, конечно...

И больше — ни слова о Юрке.

Рядом тихо шелестели вершины тополей, выше плыли облака, а еще выше пылало солнце, и нам, приподнятым метров на шесть над землей, до всего этого было не так уж далеко.

Мы все уже съели, а продолжали сидеть, молча и ослабленно, точно убаюканные высотой, шепотом листьев и бегом облаков. Томка держалась за железное ребро конька, точно крыша могла качнуться и стряхнуть ее вниз. Люська, поджав ноги и заплетая свои безбантичные косы, смотрела далеко за мехмастерские и за железнодорожные пути, туда, где, скрытая маревом, протекала Обь. А Мирка, зажав губами фантик, пощелкивала по нему пальцем и задумчиво щурилась.

— У кого есть лишняя метла? — внезапно спросила она. — И вообще, у кого что есть?

И сразу все завозились, завздыхали, забубнили. Выяснилось, что метел у нас пять — как раз, два лома — тоже хватит, лопаты и грабли есть у всех, а вот носилок — ни одних. Мирка сказала, что добудем вещь получше носилок, и указала на Анечкину сараюшку, где пузцом вверх лежала тележка без колес, почему-то похожая на убитого гуся.

Двор я разделил так: Славке, Борьке и себе — по дому, а два остальных дома — на троих девчонок.

— А мне? — спросил Генка. Он сидел со скомканной рубахой в руках, съезженный и хмурый.

— Ты, Генк, отдохни, — сказал я.

— Или баян вынеси и давани маршик, — предложил Борька. — А мы под него метлами — шук-шук!

— Нет уж — возразил Генка. — На баяне я вам и потом могу сыграть. Я хочу метлу. Соло на метле. Дайте мне тоже дом. Кровь из носа — справлюсь!.. То есть нет, кровь больше не пойдет! — И он осторожно

пощупал свой тонок, как будто прищемленный дверью носик.

— Ну, ладно. Девчонкам оставляем один. Кончите можете нам. Все!

И мы спустились.

Генку я завел к себе. Он хорошенько умылся, надел мою чуть большеватую рубашку, я взял в сенях метлу и мы отправились на свои рабочие места.

Мой участок был психически трудным: тут жил Юрка Бобкин. Не чистить бы тут, а навалить бы сюда еще больше хлама, и торчи он среди чистого двора, как бельмо в глазу, чтобы все поняли, каков есть Бобкин! Но в этом же доме жили Головачевы и еще четыре семьи, так что черт с ним, с Юркой!

Справа от меня трудились девчонки, Мирка с Люськой, а Томки все не было — опять, наверно, со своей сумкой где-то промышляет. Чирей на талии!

Метла моя была новенькая, проскребала землю до черноты. Я мел от крылечек к забору и к центру. Сперва неловко было чувствовать на себе удивленные взгляды из окон, потом ничего. Пусть смотрят и радуются, что и на этот раз «для нас» и «для всех», как говорила мама, совпало. Зато скоро не совпадет, когда за чистотой двора последует его освобождение! Как «Союз Чести» найдет и решит!

Дойдя до Юркиного крыльца, я вдруг подумал, что хорошо было бы, если бы Юрка сейчас вышел и начал ехидничать над нашей уборкой: или вынес бы тряпку и предложил мне помыть их крыльцо, или бы сел на нижнюю ступеньку и давай бы пощелкивать семечки, выплевывая шелуху мне под метлу и приговаривая, мол, вот тут мети, вот тут и вот тут. Ох, и налетел бы я на него! Ох, и треснул бы его голиком по горбушке — похлеще Анечкиной поварешки!.. Но молчала квартира Бобкиных, и я аж вздохнул, жалея, что мой воинственный пыл пропадает попусту.

И вдруг вижу — влетает во двор Пальма — и обрадовался, что хоть тут сейчас душу отведу, потому что за Пальмой примчится та боевая девчонка, и я один на один проверю ее боевитость. Только собака — через забор, девчонка — в ворота, с криком:

— Пальма! Пальма!..

Увидев меня и, наверно, сразу поняв, что предстоит расквитаться, она осеклась, но не повернула назад, как было бы проще, а медленно пошла к забору. Пошел к забору и я, заметивший, в каких подсолнухах укрылась Пальма. Приподнявшись на носки и закусив палец, девчонка принялась тревожно оглядывать огородную зелень, но зелень так разнесло, что попробуй различи там что-нибудь. Я уж хотел было спросить, ну как, мол, твое самочувствие, но позади хлопнула дверь, и мы враз обернулись. Это вышел пацаненок. А я внезапно подумал, что ведь девчонка стоит одна на виду у всего чужого двора и ждет беды в любой миг, а тут еще я, храбрец, выискался. Во мне что-то дрогнуло, и я торопливо проговорил:

— Вон она, Пальма!.. Вон за подсолнухами!

— Где? — радостно встрепенулась девчонка.

— Пойдем покажу.

Я откинул калитку, схватил вдруг девчонку за руку и потянул за собой по лабиринту межгрядных тропок прямо к овчарке. Девчонка не сопротивлялась и, только увидев Пальму в двух шагах, рывком остановила меня.

— Я сама, а то еще цапнет.

Чтобы не наступить на грядку, она обняла меня за пояс, обошла, чиркнув бантом по моему носу, и, ласково поругивая собаку, прицепила ее к поводку.

Из огорода я выбрался первым и придержал калитку. Проходя, девчонка серьезно глянула на меня и сказала:

— Спасибо. Тебя как звать?

— Вовка.

— А меня Марийка.

Мы бы наверняка еще о чем-нибудь поговорили, но Пальма дернула и, как строгая мамаша, потянула Марийку за руку прочь от внезапного и, может быть, рискованного знакомства. Когда они скрылись за воротами, я сообразил, что на Марийке был сарафан с такими большими красно-белыми клетками, что хоть играй на нем в шахматы.

Со мной что-то случилось. Я забылся и не сразу понял, чего шумят и куда бегут пацаны. А это махали руками и весело созывали на помощь работавшие справа девчонки.

Через минуту мы обступили их, и Люська, показывая на здоровенный каменище, пояснила, что из земли торчало

всего сантиметров пять, она начала копать и вот какую штуку выкопала. Вчетвером мы попробовали вытащить камень, но сил хватило только на то, чтобы поставить его на попа.

— Генк, ты об него запнулся? — спросил я.

— Когда?.. А-а, не помню. Может быть.

— Уж сотня коленок здесь точно разбита, — сказал Борька.

— И сотню еще разобьют. Надо убирать.

Генка наклонился и проговорил:

— А если углубить яму, и пусть себе лежит?

— А что, мудро, — сказал я. — Ну и баянист! У тебя, Генк, голова не только музыкальная, но и техническая.

Генка сиял.

Мы быстро углубили яму, опрокинули камень, засыпали землей и утрамбовали пятками. Сто коленок спасены!

— Отбой! — крикнул я. — Всем на отдых! В холодок.

Мы собрали инструменты и забились в Борькин подкрылечник.

— Что это за девчонка была? — шепотом спросила Мирка.

— Какая?

— С собакой.

Я вспыхнул и ответил:

— Марийка, из двора напротив.

— Вы знакомы?

— Только что познакомились.

— А-а, — протянула она. — А Томки нет.

Мне показалась тут подковырка, и я зло спросил:

— Ну и что?

— Как что?.. Ты комиссар или нет? — вспылила Мирка. — Наше первое дело, а ее нет!.. Наказать надо!

— Накажем, — вздохнул я, вдруг почувствовав какое-то равнодушие к тому, что Томки нет, что ее нужно наказать и что она вообще существует на белом свете.

А Томка — тут как тут, занырнула в дверь и, всплеснув ладонями, оправдалась:

— Не ругайтесь, меня мама в магазин посылала!

— Так и знал, — грустно проговорил я, глядя вниз.

— Хоть бы совесть имела! — бросила Мирка.

— Пожалуйста, я могу уйти, если я бессовестная, — заявила Томка, разводя руками.

Тут я поднял взгляд, чуть подался вперед и, охваченный внезапным жаром, чуть не крикнул, чтобы она уматывала на все четыре стороны, но Славка опередил меня.

Поработай, — сказал он мягко, — потом уйдешь.

Томка в колебании и раздумье, а может быть ожидая моего приглашения — ха-ха! — постояла некоторое время, потом села на край доски рядом с Люськой.

— Слушайте, союзники, мы ведь отдыхать сели, — сказал Борька, — так давайте хоть в суд сыграем, что ли.

— Давайте! — согласились все враз, и сразу стало проще.

Борька принес бумаги, карандаш, нарвал семь одинаковых полосок, на четырех написал «вор», «сыщик», «судья», «палач», скатал их трубочками и, встряхнув в горсти, высыпал на табуретку. Мы расхватили писульки. Последнюю нерешительно взяла Томка. Судье и палачу хорошо, они в любом случае наказывают или вора, или сыщика, если он ошибется.

— Я сыщик, — сказал Борька. — А вор... — Он повел подозрительным взглядом и едва дошел до Томки, она бросила бумажку и, засмеявшись, сунула лицо в ладони. — Томуся вор, — Борька развернул ее бумажку — «вор».

— Я сужу, — сказал я.

— А я палач, — сказала Мирка, потирая руки.

Я глянул на Томку. Она все еще улыбалась сквозь вернувшиеся от смеха слезы, уверенная, что ничего страшного я ей не присужу. И остальные выжидательно улыбались. Улыбнулся и я и холодно изрек:

— Пять горячих!

Это было высшее наказание.

Томка взвизгнула и хотела выскочить, но Борька поймал ее и усадил. Ойкая и прикрыв одной рукой глаза, она протянула вторую палачу. Мирка растерла ей запястье и честно врезала двумя пальцами пять горячих. Мотая кистью и пища, Томка под общий смех вылетела из подкрылечника.

Отдых кончился.

Через полчаса перед домами, точно какие-то земные нарывы, вздулись вороха мусора. Я подошел к девчонкам.

Томка бродила вдоль забора с лопатой, Люська выколачивала решетку для ног, забитую грязью.

— Мир, готовь тележку, — сказал я.

— Пойдем вместе.

— К Анечке-то? Ни за что! Мы с ней враги.

— Враги!.. Ты комиссар, у тебя не должно быть врагов!

— Ух ты какая! Да у меня, если хочешь знать, есть такие враги, которые до смерти!

— Не Анечка же!

— Нет, конечно.

— Ну вот и пошли!

Мирка потянула меня за руку. Руку я отвоевал, но пошел. Мы поднялись на крыльцо и, постучавшись, шагнули за порог. В комнате было душно и чадно. Топилась плита, на которой Анечка сразу на двух сковородах пекла блины.

— Тетя Ань, нам надо тележку, — сказала Мирка. — Мусор вывезти. Мы двор подмели.

— Да уж поняла зачем, — ответила Жемакина, опрокидывая сковородку с блином на стопку уже испеченных. — Видела — Чупрыгин метлой ширикает. Уф!.. Что это вас на мусор потянуло? — на миг замерев и глянув на меня, спросила она.

Я растерялся и сказал:

— А что, и это нельзя?

— Ишь ты — отвечает! — коротко бросила Анечка и опять заметалась туда-сюда.

Мирка дернула меня за штанину и сказала:

— Мы ее на место затащим, тележку.

— Я разве не дала? — спросила Жемакина, наливая в сковородку блинной жижи той самой, наверно, поварешкой, которой стукнула Юрку. — Возьмите, возьмите, ради бога! Вон он, ключ, на косяке. В сарайке колеса. А-а! — крикнула она, как под душем, хватая вторую сковородку.

Анечкина сараюшка, величиной с нашу дезкамеру, вминаясь в огород. Неспешно и важно я открыл ту самую калитку, в которую недавно врывался с воровским испугом и стремительностью, и даже хозяйски огляделся, хотя оглядывать было нечего — огород так и пустовал, лишь на двух грядках кое-где торчала переросшая редиска. С тыла,

где было пониже, я взобрался на сарайку, засвистел и замахал руками, созывая братву на подмогу. Жестяной кузов тележки оказался легким, и я один пододвинул ее к переднему краю. Там Славка с Борькой сперва поддерживали ее досками, а потом приняли на руки. Девчонки тут же выкатали колеса, и через пять минут тележка была на ходу.

Погрузив в нее лопаты и две метлы, мы с громом и криком покатили в наш край. Славка тут все с мохом повыскреб. В его куче было не столько мусора, сколько земли. Ах-ах — отзывался жестяной кузов! У крыльца тети Шуры-парикмахерши темнело длинное влажное пятно — ночами она всегда выплескивала остирки, иногда пенные лужи стояли до утра.

— Клумбу поливайте своей мыльной водой, а не двор! — крикнул я в открытое окно, когда мы провозили мимо тележку, но мне никто не ответил.

— На работе, — сказал Славка, впряженный в оглобли.

— Борька, жми к Лазорскому, — сказал я. — Спроси, куда мусор сваливать.

— А почему я? — недовольно дернулся Борька.

— Потому что приказ.

— А-а, забыл.

— То-то. Не только приказывать забывают, но и подчиняться. Жми. А то, скажи, у крыльца высыпем.

Потянулись из магазинов хозяйки с сумками и сетками. Они недоуменно останавливались, смотрели под ноги, озирались, словно не туда попали, и потом еще недоуменнее косились на нас. Бабка Перминова видела, как мы подметали, но когда стали собирать всю нечисть, подошла и заглянула в тележку, точно картофельные очистки, шлак и стекла могли превратиться в золото.

Борька прибежал и сказал, что управдома нету, но жена его велела выгрузить мусор у последних, двухстворчатых, ворот, через которые к нам въезжали машины. Мы так и сделали. Ворох получился здоровый! С минуту мы постояли возле него в молчании, как будто кого похоронили.

Но вот Борька подпрыгнул и переломился перед девчонками в вежливом поклоне, показывая на тележку и говоря:

— Дамы, прошу в карету!

Мирка с Люськой, смеясь, залезли в кузов и присели, держась за борта. Томка отказалась.

— Зря, Томуся!.. Славк, в оглобли, ты у нас главная лошадь! Комиссар, впрягайся! Генк, а ты — жеребенок, скачи сбоку. Ну, союзнички, поехали!

И мы с ветерком и свистом промчали наших дам по всему ставшему вроде шире и солнечней двору, точно для того мы его и чистили, чтобы день и ночь теперь катать по нему девчонок.

Томка осталась позади.

Все это время она была с нами, но я на нее — ноль внимания и лишь иногда с раздражением замечал, что вот она боится запачкаться, вот кинула мусор мимо кузова, вот не толкает тележку, а только держится за нее. И когда, вернув Анечке ключ, мы стали расходиться по домам до вечера, я убежал вперед Томки, сразу проскочил в спальню, достал из радиоприемника яблоко и съел его.

СИЛЬНЕЕ ЗАБОРА

Приехала, наконец, Нинка Куликова.

Мы тут же затянули ее на крышу, рассказали о «Союзе Чести» и вручили билет. Нинка хотела ответить что-то, набрала воздуха, но вдруг у нее блеснули слезы, и она ткнулась в плечо сидевшего рядом Славки. Славка побледнел, а мы опешили. Но Нинка тут же вскинула голову и, вытирая глаза, твердо проговорила, что надо, надо немедленно ставить концерт, что с такой силой не концерт выйдет, а фейерверк и что почему мы сами не дошли до этой мысли.

И весь «Союз» занялся подготовкой.

Я решил, по давнему совету Томки, пройтись по сцене на руках и теперь до тошноты тренировался дома. Даже сейчас, после обеда, я встал на руки и, чувствуя, что вот-вот лопну, дошел до дезкамеры. Там отдышался, достал шахматы, с радостью — давно не играл — раскинул доску на своей кровати и открыл Шумовский задачник. Длинные и многофигурные задачи я не любил — это значило, наверно, что не быть мне шахматистом, но что бы это ни

значило — не любил и все. Я выбрал «Узника», такую же трехходовку, как и решенный «Меч Дамоклеса». Фигур тут было многовато, но стояли они интересно белые — двумя клетками, а черные король с ферзем сидели в этих клетках, как в тюрьмах. И опять стихи. Черный король не то пел, не то кричал:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня,

а белый конь перебивал его, намекая на ход решения:

Ни коня вам, ни девицы;
Право, нужны нам самим...
А сиянье дня — извольте,
Мы при нем вам мат дадим!

Только я задумался — явился Борька, сроду не даст подумать. Прямо из кухни он кинул мне большущий огурец. Не поймай я его, он убил бы котенка, который лежал возле доски, полужасыпанный фигурами. Борька подошел, взял котенка за шиворот, приподнял и спросил:

— Фамилия?

— Осторожней. Я из него артиста делаю, а ты цапашь, как живодер. Он еще без фамилии.

— Хочешь — назову?

— Давай.

— Вуф!.. Это когда отец приходит с работы очень усталый, он садится за стол и говорит: вуф!.. Самое имя для артиста. У них всегда не имена, а фигли-мигли. Представляешь — объявляют: «Выступают Вов и Вуф!» Аплодисменты, конечно.

Я качнул головой.

— Не пойдет. Какая в нем усталость — он же еще котенок?.. Ему еще сто лет до усталости!

— Жаль, но других имен нет. — Борька опустил котенка в одну из тюремных клеток на шахматах, и тюрьма рассыпалась. — Но есть другие идеи.

Я понял, что он не зря пришел, сдвинул с доски все и, собирая фигуры, спросил:

— Какие?

— Ты видел, какие уже ранетки у тети Зины?

— Видел. А ты видел новый высокий забор с колючей проволокой наверху?

— Разве дело в заборе?

— А в чем?

— В приказе!

— Да?.. Тогда приказываю тебе сегодня же нарвать ранеток, рядовой Чупрыгин!

— Почему мне? «Союзу Четырех!..» Это будет наша военная операция! А то мымы исчезли, бить некого, так хоть на ранетках душу отведем.

Борька был прав. Я тоже над этим думал. Мы слишком увлеклись общими делами. Правда, эти общие дела были и наши, но все же хотелось чего-то чисто своего, для чего и создавался наш «Союз Четырех».

— Правильно, Боб, надо,— сказал я.— Прикажу! Только — молчок!.. Без двадцати три. Айда на сбор. Ты что к концерту готовишь? Сейчас ведь Нинка спросит.

— Да мы со Славкой одну штучку придумали, не знаю только, успеем ли.

— А то вызови кого-нибудь на сцену, например, тетю Шуру-парикмахершу, и нарисуй. Линейку возьми побольше — у тети Шуры физиономия шире Славкиной.

Борька присвистнул:

— Отстал ты. Я уже без линейки рисую.

Нинка была на крыше. Она сидела на какой-то тряпке, подобрав ноги, с книгой и тетрадкой на коленях и нараспев говорила, записывая за собой:

— Ну, хоть кто-нибудь протяните мне руку, лапу или крыло, и я того озолочу! Скорей, люди, звери, птицы! Спасите меня!.. Но куда вы уходите, улетаєте, уползаете?.. Я же умираю, несчастные вы твари!.. А, мальчишки, привет! Сейчас... Так, я же умираю. Что он еще может сказать?..

Я подсел к ней, заглянул в тетрадку и спросил:

— Ты что делаешь?

— Пьесу пишу.

— То есть как, пьесу пишешь? — не понял я.

— А то есть так: смотрю в книгу, читаю, где что делается, и пишу... Мы будем ставить «Кощея Бессмертного». В сказке мало разговора, а на сцене нужно все время говорить. Хочешь не хочешь, писать надо.

Я вскинул брови, а Борька спросил:

— Прозой пишешь?

— Конечно. Для стихов надо особый талант, а у меня его нету, и вообще... — медленно проговорила Нинка, проматривая написанное.

Борька подмигнул мне и сказал:

— А такие стихи тебе не подойдут:

Разлилась река
Во все стороны,
Зырят свысока
Злые вороны.

Нинка задумалась.

— Могут подойти. В сцене со щукой, когда Иван-царевич подходит к реке.

— Вставляй.

— А чьи стихи?

— Вовкины.

Нинка быстро обернулась ко мне и сделала огромные глаза:

— Правда, Вовк?

— Правда.

— Ужас, что делается! Тогда на, составляй пьесу! — И она хлопнула мне на колени и книгу, и тетрадь.

— Да ты что! — испугался я. — У меня тройка по сочинению! Я в прозе — ни бум-бум!

— Пиши стихами.

— Нет-нет, это я случайно.

— Врет, у него много стихов, — вернул Борька.

— Где много? Десять строчек за месяц. Нет-нет! — я замотал головой и, сунув Нинке тетради и книгу, перемахнул от нее за конек.

Нинка вздохнула:

— Ну, ладно, давай тогда вместе писать, а то у меня ума не хватает. Вот, например, такое место. Кощей в сказке умирает обязательно, когда Иван-царевич отламывает у иголки конец, а я хочу, чтобы обязательно, а чтобы мог остаться живым, если кто-нибудь его пожалеет. Понимаешь?.. Но его никто не жалеет, и он умирает. Так будет, по-моему, драматичнее, а?.. Я уже прикинула, но чувствую — слабо, — и она закусила карандаш.

Полуслыша и полупонимая, я смотрел против солнца на ее опущенное, как вербный бутон, лицо и удивлялся.

— Значит, и «Царевну-лягушку» ты написала? — спросил Борька, растягиваясь у Нинкиных ног.

— Я.

— А ты говоришь — таланта нет. Талант!

— Нет. Я это не люблю — писать, я люблю ставить. Так что, мальчишки, помогайте.

Тут задрожала лестница, и через пять минут, спустившись ниже, к тополям, «Союз Чести» сидел передо мной в полном составе, даже Томка не опоздала.

Я начал:

— Мы собирались, чтобы наметить, как провести операцию «Концерт».

— Почему операцию? — спросила Нинка. — Просто концерт.

— У нас не принято «просто», — ответил я. — У нас только операции.

— Ничего подобного! — упрямее возразила Нинка. — Проводите на здоровье свои операции «Огурцы», «Подсолнухи» и что угодно, а концерт — это концерт, а не операция.

— Ну, тогда сама командуй, — сказал я.

— Итак, мое слово.

Она объявила, что в первом отделении пойдет пьеса «Кошей Бессмертный», которая является расширенным вариантом «Царевны-лягушки», но в которой теперь будут участвовать все восемь человек, Томка ойкнула и заверещала, чтобы ее не трогали, что она застыдится, перепутает слова и все испортит и что она лучше займется нарядами. Вот дура! Нинка сердито уставилась на нее, потом что-то яростно вычеркнула в своей тетрадке, но тут же задумалась и, мотнув головой, крикнула, что нет, нельзя больше сокращать действующих лиц, что она и так уже сократила Юркино, а две роли одному — жирно будет, хватит, надо, в конце концов, сделать настоящий спектакль, так что Томке придется играть. Томка, глуша нытье, уткнулась в колени, а Нинка стала распределять героев. Мне она дала Ивана-царевича, но велела подстричься, а то, сказала, с такими космами не царевичей играть, а медведей, но медведь у нас уже есть — и показала на Славку. Мы грохнули.

В общем, все получили роли и перешли ко второму отделению. Каждый нашел себе номер. Моя ходьба на руках превратилась в «гимнастический этюд», а Славка с Борькой взялись подготовить номер с двухпудовой гирей.

Через полчаса программа была готова, и Нинка облегченно вздохнула:

— Ну, слава Богу!.. М-м, какой будет концерт! Завтра никаких собраний — репетиция! Поняли, мальчишки?.. Вовк, а ты пойдем со мной, писать будем!

— Ага, — ответил я. — Минут через десять приду.

Мы проводили девчонок до лестничных рогулек, как до калитки, сказали, что у нас еще есть дельце и снова сбились в кружок под тополиным шатром.

Я заглянул всем в глаза и произнес:

— Совершенно секретно! Все тут свои? Покажите билеты! — Пацаны вытащили уже помятые и замаранные книжечки. — Хорошо. Объявляю приказ по «Союзу Четырех»!.. Сегодня вечером совершить налет на ранетки Ширминых!

— Есть! — сказал Борька.

— Есть! — мягко стукнул зубами Славка.

А Генка отвесил челюсть.

— Разве теперь можно? — спросил он.

— Слушай, баянист, это в музыкальной школе ты будешь спрашивать, какими пальцами кнопки давить, а тут — приказ, понял? — жестко выговорил Борька.

— А я ничего, я только думал, что у нас такого больше не будет, — неуверенно оправдывался Генка.

Я уж хотел выручать его, мол, не хочешь — не надо, но решил, что не стоит ослаблять гайки — это и «Союзу» на пользу, и самому Генке.

Борька доложил, что обстановка очень сложная и старые способы не годятся: ни перелезть через забор, ни встать на него — высокий и шаткий.

— Но мы должны быть сильнее забора! — заключил Борька. — Думайте!.. Думай, Генк, ты вон как просто с камнем придумал.

— Сломать, — сказал баянист.

— Нельзя, — отклонил я. — Такая простота не пойдет. Еще думай.

А мне представились сразу ножницы с длинными палками и с желобом, по которому отстригаемые ранетки скачиваются прямо в карман или в подол.

Славка пошатал ногой бортик водостока и сказал:

— Есть!

— Ну-ка,— встрепенулись мы, зная, что Славка впус-
тую не бросает слова.

— С крыши! — сказал он.— Упрямся вот так ногами и
спустим на веревке.

Какой-то момент мы сидели замерши, потом разом по-
смотрели вниз. Метров пять — косточек не соберешь. Но
идея — будь здоров!

— Да-а, Славк,— протянул я.— Ход конем!

— А кого спустим? — спросил Генка.

— Наверно, самого легкого,— ответил Славка, и мы
давай ощупывать друг друга взглядами, но Славка ска-
зал: — Встаньте-ка,— мы встали, он по очереди приподнял
нас за локти и заключил: — Самый легкий Генка, потом
Борька.

— Я? — ужаснулся Генка.

— Да.

Не теряя времени я распорядился:

— Значит, спускаем Генку, а Борька — дублер!

— На случай, если Генка оборвется? — усмехнулся
Борька.

— На случай, если заболит.

— Я ему заболею!

Ошеломленный Генка хлопал, хлопал глазами, потом
встал на четвереньки, подполз к самому краю крыши и
установился в бездну, куда ему выпало низвергнуться. Не
найдя там ничего утешительного, он отполз и вдруг ожив-
ленно сказал:

— Я вам лучше яблок принесу, вот таких!.. Посылка
опять пришла. И по горсти урюка вместо этой
кислятины! — Но мы молчали. Глаза его потухли, он сник,
уловив, что поблажки не будет, и, вздохнув глубоко, до
пяток, произнес: — Конечно, я спущусь, но зачем?..

Да, Генке трудно было понять нашу тягу к риску, а нам
еще труднее объяснить, потому что мы сами не понимали
ее, а чувствовали.

Ранетки Ширминых были, и правда, кислые, хоть и

крупные, и мы их не то, что рвали, а так... Смотришь, смот-
ришь на садик — вот листики появились, вот стало белым-
бело, вот усыпало ветки зелеными плодами, вот они
покраснели, и вдруг до жути захочется попробовать, что
же из этого всего получилось. Хапнешь горсть-другую,
пожуешь-пожуешь, выплюнешь и забудешь до следующего
лета. А там опять зазудит... А уж когда такие заборы ста-
вят, то прямо так дразнят: не достанешь, не достанешь!..
Достанем!

Подготовку я сделал один. Сложил вдвое веревку,
сплел ее, распилил пополам биту из своего полурастерян-
ного городочного набора и половинки удавкой закрепил по
концам веревки. Потом смотал ее аккуратными кольцами,
сунул в хлебную сумку и вместе с сумкой припрятал на
крыше между трубой и чердачным ходом.

А когда начало темнеть, мы прямо с крыльца Кулико-
вых, где играли в сплетни, отправились на операцию.

Обогнув дом улицей и шмыгнув в воротца, мы при-
липли к заборным планкам. Ширмины жили в крайней
квартире, и два их окна глядели в садик. Из кухонного
свет падал на шиповник, а в зашторенной спальне, против
которой и взмetyвались ранетки, работал телевизор. Очень
хорошо — меньше опасности, что ушастая Рэйка услышит
нас. У соседей слева, тоже имевших садик, но безо всяких
съедобностей, было темно и тихо.

— Ты, Генка, везучий,— шепнул я дрожавшему бая-
нисту.

— Ага,— согласился тот,— только я замерз.

— Пройдет. Думаешь, мне не боязно? Еще как! А если
бы не боязно, то нечего было бы и делать. Айда!

Во дворе никого не было. Теперь нам мог помешать
только дядя Федя, обычно кутивший на крыльце перед
сном. Но он сидел в кухне, обложенный книгами, и курил
там, так что мы беспрепятственно скользнули на крышу.

Под Генкой сразу же громынуло.

— По ребрам! — зашипел я, морщась.— Ставь ноги
елочкой и иди по ребрам.

На коньке постояли, прислушиваясь. В доме, как в
трюме, держалось ровное гудение. Из-под карнизов лился
свет, зубасто белел огородный забор, а потом темнота,
взрывающаяся вдали вокзальными прожекторами.

Мы взяли сумку и спустились к торцу. Послав Борьку на угол караулить, я заглянул вниз, пощупал, не острый ли край, определил, где лучше спустить Генку, чтобы удобнее было рвать — не на самую макушку, а чуть сбоку, — и вытащил веревку.

— Так, — шепнул я, осматривая Генку в слабых отсветах. — Берет сними, а то уронишь, и Рэйка завтра вынюхает тебя... Ну, садись. Не на крышу, балда, а на палку, держи... Не так, а поперек. Дай-ка. — Я сам пропустил палку между его ног и пристроил ее сзади. — Во... Ну, Генк, ползи... Да не головой вперед, а ногами. Нырнуть хочешь?

Борька пискнул сонной птичкой, и мы замерли. Внизу, переговариваясь, прошли на улицу двое — чьи-то гости.

— Давай, Генк!.. Рвать не торопись, оглядывайся, но и не чешишь там, понял? Мы не циркачи — держать тебя долго. Кончишь — дернись. Ну!

Генка допятился до края, свесил ноги и намертво впился в веревку. Мы со Славкой медленно стали опускать его. Вот остались плечи, вот Генка перехватил руки, чтобы пальцы не смяло веревкой о железо на перегибе, и, наконец, он весь пропал. Отдав метра два, мы улеглись на спины и застыли, упершись в водосточный желоб. Подобравшись Борька, сказал, что все нормально: Генка рвет, разматал оставшийся конец до конька и сел там, уцепившись за палку.

Веревка подрагивала, точно мы закинули огромный крючок и теперь какая-то рыбища заигрывает с наживкой. И вдруг — дерг-дерг! Есть!

— Три-четыре! — шепотом скомандовал я.

Мы откинулись, желоб хрумкнул под ногами, но веревка не подавалась ни на сантиметр.

— Ребя, берись ниже! — прохрипел я. — Борьк, ты там с упором?

— С упором.

— Три-четыре!..

Мы налегли изо всех сил, но — увы! И я, холодея, понял, что Генку нам не вытащить!.. Это значит — опустить, а потом просить Ширминых открыть замок или выпиливать в заборе дыру. Тетя Зина садик, конечно, не отопрет даже для Генки, которого почти целовала после

концерта, поднимет шум, соберет народ и будет показывать нашего баяниста, как зверька в клетке, и мы будем посрамленно стоять тут же, три мужественных богатыря! А пилить — услышат, и достанется еще больше. За секунду промелькнуло у меня в голове это позорище, а веревка — ширк! — и проскользнула в усталых руках на несколько сантиметров.

Генка, почуя неладное, задержался сильнее.

— Сейчас! — бросил я зло. — Ну что, ребя?

— Кажется, наелись, — съязвил Борька.

— Я спрашиваю, что делать, а не ха-ха-ха! — рассердился я.

И тут по двору звучно прокатился ласковый оклик:

— Ге-е-а-а!..

А из садика Ширминых ему преданно отозвалось:

— Ык! — Генка начал икать.

— Генк, потерпи! — прошипел я. — Потом наикаешься.

— Ык!

Ужас! Теперь мы точно пропали!.. А тетя Тося все генкала, она была не из тех родителей, что крикнул раз и — домой, она без сына не уйдет, а двинется на розыски по нашим квартирам и всех всполошит.

— Ребя, ну что? — простонал я.

— Надо чьего-то отца звать, у кого добрей, — сказал Борька.

— Да от любого влетит!

— Тогда уж дядю Федю, — пропыхтел Славка.

— Точно! Борька, дуй к нему, — мол, так и так, скорей.

Дядя Федя явился через две-три минуты, в белой рубашке, как привидение. Он молча и быстро все обследовал, встал боком на край и давай поднимать Генку вертикально. Вытянет с полметра веревки, перегнет — мы держим, вытянет, перегнет — мы держим... Славка сопел, во мне дрожали все жилки, но, когда дядя Федя, как огромную лягушку, с растопыренными и полусогнутыми ногами, выудил, наконец, Генку и поставил на крышу, я, не веря в спасение, продолжал сумасшедше сжимать веревку и упираться в желоб.

Дядя Федя спускался первым. С лестницы он шагнул одной ногой на крыльцо, поснимал нас и завел в кухню. Я бухнулся на мягкий диван и сидел сколько-то с закры-

тыми глазами, потом услышал, как Генка пьет, унимая икоту, и тоже попросил пить. Кружка пошла по кругу.

— Ну, очухались немного? — спросил дядя Федя, закуривая. — В следующий раз под веревку ставьте блок, чтобы уменьшить трение, иначе плохо кончите.

— Следующего раза не будет, — сказал я.

— Ну, а вдруг?

— Не-не-не, дядя Федя, не будет! — энергично уверил Генка, почувствовавший себя совсем бодро. Еще бы — раскатывал, а у нас кишки трещали.

— Да, пожалуй, не надо больше, — согласился дядя Федя. — А потянет — лезьте в мой огород. Честное слово, я им нисколько не дорожу.

Генка встал и заявил:

— И огородов больше не будет! Я их не пущу! — Он обвел нас сверкающими глазами, подошел вдруг ко мне и отчеканил: — Товарищ комиссар, ваш приказ выполнен! — и рванул из штанов рубаху.

На колени мне выпал ворох ранеток.

Тут постучали. Я схватил с диванного валика полотенце и кинул его на ранетки. Вошла тетя Тося, строго улыбающаяся.

— Можно, Федор Иванович?.. Вот они! У Бориса — нет, у Юры — нет, иду к Володе и вспомнила, что есть еще дядя Федя! Чем это вы так поздно занимаетесь?

— Ранетки, мам, воруем! — легко сказал Генка.

— Пора, ворюшки, по домам! — Тетя Тося еще сильнее улыбнулась. — Гена!.. Всех, всех гоните, Федор Иванович, а то они до утра готовы... До свидания, извините.

Веселые Головачевы ушли, а мы, подавленные, остались молча сидеть.

ЧУЖОЙ ДВОР

Ну, Генка! Ну, тихоня! Поболтался двадцать минут на веревке и так осмелел, что «Союз Четырех» выдал... Едва я очутился в постели, как задумался — бить его завтра за эту смелость или не бить? Но думал недолго — у меня сразу отнялись руки и ноги, потом живот перестал урчать от выпитого молока, а потом я не помню, что еще отнима-

лось. А утром сообразил, что бить нельзя. Ведь и мы выдали совершенно секретную операцию. И чья выдача страшней — вопрос. Не поголовный же мордобой устраивать!.. Странно, что общие дела нам удаются на пять с плюсом, а чуть свои — провал с треском!.. Вон мы как лестницу отремонтировали — даже какие-то женщины похвалили, как говорила мама. А взять, наоборот, ту камеру, например, — сколько страхов с ней было!.. Или вот двор — мы его прямо вылизали! Сутулый Лазорский как увидел, аж распрямился!.. А что вчера? Ужас! Спасибо еще дяде Феде, а то вообще было бы!.. Правда, пришлось все рассказать ему о наших союзах и делах. А меня вдруг дернуло, и я объявил, что мы боремся за освобождение двора. Славка с Борькой глаза выпучили, а дядя Федя спросил: «То есть долой огороды?» И я ответил: «Да!» Это ему понравилось, и он сказал, что мы можем без борьбы хоть сейчас взять его огород. Но пять метров — это мало, надо метров двадцать, огорода четыре, чтоб играть и не оглядываться. А кто даст? Скорей умрут! Но я повторил, что мы будем бороться!

Надо было добавить: по-всякому!

Даже концертом!

Это я вчера вывел из Нинкиной подсказки. Я пришел к ней помогать с пьесой. Она провела меня в спальню, заявила: «Сказка должна быть вот такой!» и кивнула в угол за кровать. Я знал, что Нинка любит куклы, играет в них, но я чихал на эти куклы. А тут я присел. В углу, за кроватью, было кукольное королевство! Ни пучеглазых пупсов, ни уродин с закрывающимися глазами — ничего большого, все маленькое, всего много, как по правде, и все красиво!.. А потом мы сели за пьесу и часа через полтора закончили. Провожая меня, Нинка заметила, что раз я сочиняю стихи, то мне незачем ходить вверх ногами — проще написать частушки и пропеть. Я сказал, что вверх ногами все-таки ходить проще, чем писать стихи, но обещал подумать. А чуть позже вдруг понял, что в частушках-то и будет соль концерта — борьба!

И, позавтракав, я засел.

Но сперва пришлось бороться с самими частушками. Я измаялся и до обеда сочинил только три куплета. Зато один — хоть сейчас в книгу:

Нам приходится несладко,
Дяди, тети и отцы.
Вот бы сделать спортплощадку
Там, где снеют огурцы!

Не в бровь, а в глаз!

И после обеда, перед репетицией, я побежал к Борьке, без критики которого не мог теперь обойтись. Он сидел за кухонным столом и рисовал стоявшую перед ним старую, в отколах, глиняную собаку-копилку. Из ее заушной прорези торчали беличий хвост и гусиное перо, и собака походила на сподвижника Робина Гуда.

— Похоже? — спросил Борька.

— Очень... Без линейки?

— Без.

— Хм. У тебя даже живей.

— То-то... А помнишь, на свой портрет говорил — непохоже.

— И сейчас скажу.

— Да?.. Минутку. — Борька принес большую черную папку и, порывшись в ней, показал мне журнальную вырезку, закрыв пальцем надпись. — Что это, по-твоему?.. Спорим, что не угадаешь?

На картинке были разноцветные полосы, пятна, кляксы, искры какие-то. Все это пересекалось, разрывалось и наплывало друг на друга.

— Мазня, — сказал я.

— Читай.

— «Любовь с первого взгляда», — прочитал я надпись чернилами под нерусским названием.

— Похоже? — спросил Борька.

— Ой, Боб, не знаю. Может быть, с первого взгляда это любовь, но со второго — мазня!

Борька расплылся в улыбке и, пряча вырезку, заметил:

— Вот так, комиссар! Похоже или непохоже — это не все!

— Ага. Значит, тогда ты меня еще пожалел? Мог бы из моей физиономии какой-нибудь самовар сделать?

— Нет, Гусь, я этот... реалист! — подчеркнул Борька.

— Молодец! А теперь слушай, какой реалист я!

Я прочитал все куплеты. Борька одобрил, но заметил,

что мало злости. Я сказал, что злости добавлю, и мы, довольные собой, отправились на репетицию.

У Куликовых уже было шумно. Миркины братцы, визжа, возились на полу с Королем Моргом, которого Генка привел для разнообразия. Щенок не только подрос, сколько окреп. Дверь в спальню Нинка закрыла, чтобы малышня не разворошила ее королевский угол. Народ спорил, чем и как оформить сцену, чтобы она от действия к действию менялась бы почти без перестановок.

Не было лишь Томки.

— Кто знает, придет вообще эта фифа или нет? — спросила Нинка. — Вовка, не знаешь?

— А я-то при чем?

— Ты сосед.

— И Славка сосед!

— Ну, господи, никому ничего не скажи!.. Ждем пять минут. Вот ваши роли. — Нинка раздала исписанные листки и последним, Томкиным, нервно замахала. — Ведь и правда — сорвет!

Мирка наклонилась ко мне и шепнула:

— Вовк, а ты на Томкино место пригласи ту девчонку.

— Какую?

— С собакой-то.

— Марийку? Ты что?

— А что?.. Да если бы меня какой мальчишка из чужого двора позвал, я бы с радостью убежала от ваших постылых рож! — со злым азартом выпалила Мирка.

— Ха, сказала! Как будто это просто! — бурчал я, а соблазнительная мысль уже завязла в мозгу и — тук-тук: почему бы нет, почему бы нет?

Нинка сказала, что все репетиции пойдут в частичном гриме, чтобы нас не смутил потом полный грим и костюм. Девчонкам она дала губную помаду и велела намалевать себе щеки, а нас подвела к печке. Мне и Генке она сажей нарисовала усы, Славке-медведю — круги вокруг глаз, а Борьке-Кощею — две полосы на лбу и одну на носу. Мы глянули друг на друга и попадали со смеху на пол. Нинка сама закатилась.

— Вот так и на премьере будет, не приучи вас к гриму, — успокаиваясь, сказала она. — А завтра уже не за-

смеетесь... Ну, ладно, начнем, а к Томке-выдре я потом сбегаяю.

Мы репетировали до тех пор, пока не заголосили — спасибо им! — Миркины братцы, иначе бы режиссерша замутила нас. А у меня в голове только и было: почему бы нет, почему бы нет? И когда мы высыпали наружу, я утанул лацанов за угол и отдал приказ по «Союзу Четырех»: немедленно сделать визит-вылазку в соседний двор! Я их оgorошил.

Борька дернул губами и, вспомнив, видно, Марийкины угрозы, спросил:

— А нам шеи не намылят?

— Какие разговоры? Это приказ! — бухнул Генка.

— Ты молчи. Когда дело касается шеи, можно и поговорить.

— Не бойся, Боб, мы помирились с той девчонкой, — сказал я. — Ее звать Марийка.

— Да я не боюсь, просто...

— Забыл, что мы умеем защищаться? — напомнил Славка.

— Вот именно, — обрадовался я. — Неужели после мымыр нам что-нибудь грозит?.. Зато, может, в волейбол поиграем, через сетку! Кто играл через сетку?.. Ну вот!.. И по буму ходим! В общем, приказ: вперед!

И мы медленно тронулись.

Генка с Королем Моргом на тонком поводке первым пересек улицу и очутился у ворот. Собственно, ворот не было, был пропил в высоком заборе и затем узкий темный проход между старыми деревянными домами, и лишь дальше, у новых кирпичных зданий, светлело вольное пространство, куда, наверно, имелся и другой вход, посолиднее этого.

Король Морг бешено обнюхивал заборные доски, а у меня сердце колотилось во все тело, как будто их было с десяток, сердец. Ведь чужой двор — это новая земля, таинственный остров! Кто нас там встретит: зверь, дикарь или свой брат?.. Набрав воздуха, как перед ныранием, я шагнул в пропил! Друзья — за мной, и, цепочкой миновав тень, вышли во двор.

На волейбольной площадке вертелось несколько человек, двое, один на плечах другого, закрепляли сетку, и

целая орава сбилась у столба, наблюдая, как накачивают машинным насосом мяч. Я сразу же увидел шахматный сарафан и обрадованно шепнул:

— Айда!

И тотчас возглас:

— Женька! Кто к нам идет! — и шахматный сарафан кинулся навстречу, а из кучи вывернулся мальчишка в очках и тоже направился к нам. Остальные только повернулись.

Марийка подбежала.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вот собаку привели!

— Ну, и молодцы! — и вдруг, Марийка, подпрыгнув, расхохоталась. — Вы что, пугать нас пришли? Женька, ты посмотри на них!

Женька тоже загыгыкал. Только тут мы сообразили, что забыли стереть этот дурацкий грим, и, смущенные, давай елозить по лицам рукавами.

— Не трите, пойдемте к крану, — сказала Марийка, схватила меня за руку и потянула в другой конец двора, как я тянул ее в огород. — Вот тебе вода, мойся.

— Мы с репетиции, — сказал я, — поэтому разрисованные, а не чтобы пугать вас.

— С какой репетиции?

— Пьесу готовим, и Нинка намазала нас.

— А зачем готовите?

— Для концерта. Чисто?

— Еще вот этот ус.

— Мы во дворе концерт ставим, вот и готовимся. А ты думала, сдуру намазались?.. Нет. Я, например, Ивана-царевича играю. Это я сейчас лохматый, а потом я постригусь. Славка, вон тот мордастый, — медведя, а Борька, с полосами на лбу, — Коцея Бессмертного. И еще у нас полно артистов!

— Ой, как интересно!.. А можно посмотреть?

— А хочешь сама играть? Роль есть!.. Одна там отказалась, ненормальная, а играть надо... А девчонок больше нет. Будешь?

— Буду! — сияюще глядя на меня, ответила Марийка.

— Ура! — крикнул я и опять давай мыться.

— Да все уже, царевич, нет усов! — смеясь, Марийка

завернула кран и, оттопырив сарафан, сказала: — Вытирайся!

— Да ну, — смутился я.

— Вытирайся, говорю. Он чистый.

Я быстро промокнул лицо подолом, выпрямился и, отряхивая руки, сказал:

— На твоём сарафане можно в шахматы играть.

— А ты умеешь?

— Умею.

— Хорошо?

— Хорошо.

— Тогда ты пронал! — серьезно сказала она.

— Почему?

— Потому.

— Хм... А помнишь, ты говорила, что отвалтузите нас, если мы появимся в вашем дворе?

— А думаешь, не отвалтузим? — прищутив глаза, со странной решимостью проговорила Марийка, но тут же улыбнулась и спросила: — А хочешь, я тебя буду Вовкой звать?

— Меня и так Вовкой зовут.

— Мало ли что! Я могу просто тыкать: ты, ты, ты, без Вовки. Я почти всем мальчишкам тычу.

— А-а, тогда зови.

— Ишь, обрадовался! Я еще посмотрю!.. Да, слушай, Вовк, а когда репетиция? — вдруг озабоченно спросила она.

Я ответил, что завтра в три, что у нас каждый день в три часа что-нибудь да бывает. Марийка поморщилась. Оказалось, что завтра воскресенье, а в воскресенье в час они двором договорились идти на речку, а разве к трем вернешься? Миг подумав, я сказал, что и мы двором пойдем на речку в час. Перенесем репетицию и пойдем, потому что в это лето мы всего раз купались.

И мы припустили к ребятам.

Они, как лепестки еще не распустившегося цветка, сбились полусогнуто тесным кружком вокруг площадочного столба. Мы протиснулись. Там перед Королем Моргом сидел на корточках Генка. Король Морг пытался впритык обнюхать машинный насос, но от того, видно, издали

шибало смазкой, щенку это не нравилось, он скреб землю, чихал, но к насосу тянулся.

— Еще, еще, для Марийки! — крикнул кто-то.

— А что тут? — спросила Марийка.

— Сейчас увидишь. Ну, Генк! — уже по-свойски подхлестнули баяниста.

— Для Марийки ладно, но в последний раз, а то мы устали, — сказал Генка и засвистел «Песенку Герцога».

Король Морг сразу — плюх! — сел и давай подвывать, видно, сидя подвывать было удобнее. Кружок со смехом рассыпался. Но Марийка не рассмеялась, а наклонилась и погладила певца, приговаривая: «Ох, они замучили маленького!» Потом живо распрямилась и сказала брату, протиравшему запотевшие очки:

— Жень, а Вовка здорово в шахматы играет!

— Да? — спросил Женька, быстро надевая очки.

Я молча разглядывал за стеклами его какие-то аквариумные глаза.

— Тогда Е2 — Е4, — сказал он.

— Е7 — Е5, — ответил я.

— Ф2 — Ф5.

— Королевский гамбит? — спросил я. — Д2 — Д5.

— Контргамбит? — удивился Женька, привыкший, наверно, к тому, что пешку на Ф5 всегда цапали. — Тогда стоп! Сейчас я доску принесу, — и он побежал к кирпичному дому.

Марийка воскликнула:

— Говорила — ты пропал!

— Еще поборемся!

Я подозвал своих и объявил им о завтрашнем походе на реку. Славка, из-за плохо стертых кругов у глаз походивший на филина, сказал:

— Тогда надо камеру качать.

— Какую?

— Которая в подполе.

Мы так и ахнули. Вот она когда, наконец, пригодится нам! А Славка сказал это так спокойно, точно каждый день плавал на ней. Что за человек — сроду в нем ничего не прорвется вулканом! Вообще-то и не надо, а то он в это время бьет головой.

Вернулся Женька. Все стали играть в волейбол, а мы

сели неподалеку за одноногий столик со вкопанными лавками и расставили фигуры. Женька повернул ко мне белые — как гостю — и сказал:

— Ну!

Я помедлил, не зная, что выбрать: строгое начало или ловушку. Ловушка — это палка о двух концах: или по противнику, или по тебе. Я рискнул. Женька не клюнул, и через несколько ходов я оказался в тяжелом положении. Я видел с его стороны мощный ход слоном. Сделай он его — и я теряю ладью, правда, не сразу. И чем дольше Женька думал, тем страшнее мне становилось. Кто-то подбегал, хлопал меня по плечам, спрашивал, как дела, а я что-то мычал, зажав в кулаках раскаленные уши, и прожигал взглядом клетку вдалеке от рокового слона. Ну, ходи, ну же!.. Женька поднял руку и неопределенно задержал ее. Гнусная привычка у людей — думать сто лет, а потом повесить над фигурами руку и еще думать. Так, конечно, можно додуматься, особенно в таких очках!.. Неожиданно он сходил пешкой. Я вздохнул — опасность миновала. Сперва я защитился, потом сделал маневр и с шахом взял чистого коня. Женька простонал, стукнул себя по лбу и протянул мне руку.

— Один — ноль, — сказал он. — Все, завожу таблицу. Не против?

— Давай! — согласился я радостно.

Тут на волейбольной площадке засвистели, закричали — к нам катился мяч. Женька вскочил, поднял его и так пнул, что он чуть не вышел на орбиту спутника.

КРИК НА РЕКЕ

Утром чуть свет, часов в десять, я помчался к Куликовым.

Нинка с матерью пили чай. Они жили вдвоем, отца не было, только на стене висела его нечеткая коричневая фотография. Нинка вскочила, бросив недопитый чай, утянула меня в спальню, усадила и, тыча костлявым пальцем в листки на столе, возмущенно воскликнула:

Ведь эта фифа наотрез отказалась играть!.. Хоть, говорит, зарежьте!.. Надо убирать роль. А тут все связано!

— Не надо убирать, — сказал я. — Я нашел, кто будет играть ее. Девчонка из соседнего двора.

— Но-о? Вот красота!

— В пять часов я приведу ее на репетицию.

— Почему в пять? В три.

Я прошептал:

— По «Союзу Чести» вышел приказ — на реку! А к пяти вернемся.

Нинкины глаза как будто налились дегтем.

— Да? Ну и пожалуйста! Можете вообще!.. — Она вдруг махнула со стола все листочки прямо в королевский угол и отвернулась вместе со стулом.

На шум заглянула тетя Шура и, увидев разлетевшуюся бумагу, спросила:

— Что это за фырк?

— Да вот, — замылся я смущенно, — я говорю: пойдем на речку, а она — репетировать.

— На речку — и никаких разговоров! — пристрожилась тетя Шура. — В такой день задыхаться в квартире!

— Ничего подобного, в квартире прекрасно! И никуда я не пойду! — отрезала Нинка.

— Ты же позеленела вся со своими куклами и пьесами. Сходи проветришь, клушка. И у бабушки, наверно, из избы не вылазила — не порозовела даже. Посмотри на Вову!.. Вова, потолкуй с ней по-мальчишески!

— А бить можно? — спросил я.

— Можно.

И тетя Шура ушла.

И я бы давно ушел, если бы Нинка не нравилась мне сейчас больше других девчонок во дворе. Будь она еще чуть повеселей, попроще и — совсем бы хорошо. Она и в сказку столько понапихивала серьезного, что я разбавлял ее шутками, разбавлял, но так и не разбавил.

— Беги купайся, чего ты, — сказала Нинка, не оборачиваясь.

— А ты?

— Я сказала — не пойду!

— У нас камера будет! — как высшую приманку вернул я.

— Подумаешь! — бросила она через плечо. Конечно, где ее удивишь настоящей камерой, была бы кукольная!

Уже устав от уговоров, я заявил:

— В конце концов, можно и на пляже репетировать.

— Ну, знаешь что! — Тут она обернулась и окатила меня презрением с макушки до пят. — На пляже можно ходить вниз головой, а чтобы ставить пьесу, надо голову вверх иметь, ясно?

Я поднялся и ушел. Это тоже мальчишеский разговор — молча подняться и уйти.

Предстояло еще выручить камеру из подпола. Славка сказал, что хоть это и пятиминутная операция, но один он с ней не справится — мать с отцом мешают. Все сводилось к тому, чтобы на пять минут обезвредить его родителей. Случайного ухода нечего было и ждать. Если тетя Валя еще бегала туда-сюда, то дядя Вася, работавший проводником, после поездки сиднем сидел дома. Правда, он часами загорал на крыльце, но кто мог поручиться, что в следующие пять минут дядя Вася не встанет и не ввалится в кухню попить, например квасу? Вот его-то, любившего иногда сгонять партию-другую в шахматы, я и взялся обезвредить.

В половине двенадцатого Борька занял пост в палисаднике, против окна Афониных, а я, гремя доской, вырос перед дядей Васей, как новорожденный груздок перед старым мухомором. Дядя Вася, в майке, пижамных штанах и в широкополой соломенной шляпе, своим телом занимал полкрыльца по фронту и столько же в глубину. Он просматривал скопившиеся газеты и почему-то двигал челюстями, как будто после осмотра съедал газеты.

— А-а, соседик! — рокотнул он и жестом пригласил сестю.

Я с доской еле уместился на остатке крыльца, и мы начали. Дядя Вася играл по пятому-четвертому разряду, но думал по-гроссмейстерски. Это было кстати. Славка виселицей склонился над нами, как будто что-то понимал в шахматах, а сам один глаз — на доску, другой — на мать. И едва она сошла вниз и занялась чем-то на клумбе с тетей Шурой-парикмахершей, он в кухню — шмыг! А я впился в часы на волосатой руке дяди Васи. Минута... Две... Три... Четыре... Тетя Валя поднялась на крыльцо вместе с появлением Славки, который подмигнул мне, мол, все в порядке, сдавайся. Я, уступая тете Вале дорогу, сказал:

Вы бы хоть раз, тетя Валя, поболели за дядю Васю, а то он мне нынче все партии продул, то есть проиграл!

Ой, Вова, не потому он проигрывает, что я не болею, а потому что за своим животом фигур не видит, — весело ответила тетя Валя.

Я рассмеялся и вроде бы из-за смеха оставил под боем коня. Дядя Вася съел его и так потер ладони, что запахло гарью. Я скорчил жалкую мину и сдался, но пригрозил завтра же отомстить.

Давай-давай, соседик, колыхаясь, сказал дядя Вася.

В палисаднике мы собрались только впятером — Нинка так и не пошла, Генку мать не пустила, узнав, что идем без взрослых, а Томку никто не видел. Славка встал к насосу и включил свои рычаги. Мертво-холодная камера, вздрагивая то одним боком, то другим, ожила и стала подниматься. Мы повернули ее на попу, и она раздулась в такую громадную черную баранку, что оказалась с нас ростом. Мы дикарями плясали вокруг нее, пролазя в дыру, как в волшебное окно. А тут из прошила высыпали соседи во главе с Марийкой, и камеру свою мы выкатили из кустов им навстречу, как тяжелую артиллерию в бою. Те, вскидывая руки, точно сдаваясь, с криком перебежали к нам и давай щупать, давить, взвешивать ее, гадая, сколько человек она удержит на воде. Решив, что удержит всех, мы двинулись, запружая тротуар.

Туннель под железной дорогой, потом кривая пыльная улица, потом широкий и пологий спуск к реке — все это за новыми разговорами мы протопали быстро и очутились на пляже.

Вдали, выше по течению, чернел новый мост, там недавно открыли второй пляж, поэтому наш поредел, но все грибки были заняты, да и так, вне грибков, хватало народа. Где-то кто-то горланил допотопную песню про пташечку-канареечку, которая жалобно поет, где-то кто-то бил по гитарным струнам. Под десятками завистливых глаз мы, разувшись, побрели вдоль берега у самой воды, подыскивая местечко посвободнее.

— Смотри-ка! — Борька толкнул меня локтем и кивнул в сторону.

Под перекошенным грибком возлежала наша дорогая и давно не виданная гоп-компания: Юрок, Блин, Дыба и Кока-Кола резались в карты. Они тоже увидели нас и подняли головы, а Юрок, наоборот, прижался к песку. Блин пронзительно свистнул, и вдруг они разом грянули:

Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка
Жалобно поет
Раз поет!
Два поет!
Три поет!
Обернется и поет
Задом наперед!

На миг я подумал, что не меня ли, то есть Гуся, они имеют в виду под пташечкой, но усмехнулся и спокойно сказал:

— Мымы-то водоплавающие! — Нас было слишком много, чтобы думать об опасности.

Наконец мы остановились, покидали ворохом одежду, взбежали повыше и катнули оттуда камеру, как колесо, подгоняя ее звонкими шлепками. У самой воды она налетела на круглый камень, подпрыгнула и, описав дугу, стоймя упала на воду, но не сразу завалилась, а побуксовала. Мы плюхнулись следом, и началась битва!..

Когда интерес к камере поослаб, мы принялись беситься кто как: бросали друг друга со сцепленных рук, играли в чехарду, но не перепрыгивали, а подныривали, боролись, на выдержку сидели без дыхания. Я с криком «утоплю» гонялся за Марийкой, на которой был купальник с разноцветными полосами, кругами и искрами — ну прямо как на Борькиной картине «Любовь с первого взгляда». Мазня мазней, а теперь я нашел в ней смысл! Люська, не умевшая плавать, лежала на камере, как принцесса, и Борька катал ее где по груди.

Чего вы в лягушатнике? — крикнул я. — На глюбину!

— Давай, Боря! — задорно отозвалась Люська. — Не боюсь.

Тут меня под воду — дерг! Вылетаю — Марийка рядом хохочет. Я в нее ладонью струю! Она мне две! Я — на сближение, ничего не видя в брызгах. Вдруг шипение, хлопок и визг! Я обернулся. На том месте, где только плыла

камера, камеры не было, а Борька с Люськой барахтались, захлебываясь.

— О-оп! — крикнул Борька, скрываясь и тут же пока зываясь.

У плеча его выскочила Люськина голова, и оба они снова унырнули. Я понял, что она тонет и вцепилась в Борьку и что ему едва ли хватит сил отодрать ее от себя. Но Борька всплыл один и в изнеможении погреб к берегу, — значит, отодрал, хватило сил. И вдруг меня как током дернуло: ведь я же не кино смотрю, ведь это же тонет живая Люська! Я испуганно вымахнул на берег, как будто с Люськой должны утонуть все, кто в воде, и заорал

— Тонет!.. Тонет!..

Мне показалось, что река мигом опустела, точно каждый решил, будто он сам тонет, и — скорей на сушу, убе диться, что жив. А потом мне показалось, что, наоборот все кинулись в реку спасать утопающего. Кинулся и я. Но мне навстречу выбредали уже из воды двое парней, неся на руках Люську. Я пятился до тех пор, пока они наступали на меня. Потом один из парней перевалил Люську через колено, и из нее хлынула вода, много воды. Потом ей разводили руки, и она задышала, потом повернулась набок, и ее рвало еще. Потом она медленно села и, вся синяя, прокляцала:

— Хо-олодно-о.

Мы замотали ее во все наши тряпки, но и под ними она продолжала трястись. Все расселись вокруг, только Борька, худой и дрожащий, да я остались стоять.

— Ничего, Люсь, главное — жива, — утешала Мирка, обняв подружку за плечи. — А так подрожишь-подрожишь и отойдешь... Борьк, что случилось-то?

— С камерой что-то, — хмуро ответил Борька. — Плы-ли-плыли, потом — пш-ш-ш, бух! — и все.

— Тут доски плавают. Могла быть с гвоздем, — сказал кто-то.

— Да и без гвоздя могла остряком...

— А может, камера старая. Держала-держала и лопнула.

Люська высвободила косы и, отжимая их, проговорила

— Лишь бы не узнали.

— Не узнают! — уверила Мирка.

В воду никто больше не полез. Сработала наша тяжелая артиллерия! Туда ей и дорога! Со страхом досталась нам, со страхом и пропала. Списанные шахматы сгорели, краденая камера утонула, сорванные ранетки — в мусорном ведре дяди Феди. Вот как все оборачивается...

Я смотрел на кособокий грибок. Мымы там что-то не поделили, размахались руками, вскочили даже. И вдруг Блин так ударил Юрку, что тот отлетел метра на два. Поднялся, опасливо подошел к одежной куче, выдернул свою и, не оглядываясь, подался прочь, вспахивая босыми ногами песок. Остальные что-то крикнули вслед, улеглись и снова взялись за карты... Интересно, за что его?.. Свой своего... Или у них нет своих, а так?..

Когда Люська отогрелась, мы отправились домой, помаленьку оживляясь. Женька, идя почти боком, что-то рассказывал Мирке, и та посмеивалась. Марийка, я и ребята из контрдвора заспорили о секретах киносьемок: как делают крушения, пожары, падения с лошадей. Только Борька с Люськой брели молчаливо. Расставаясь, я напомнил Марийке о репетиции и шепнул, что в пять часов буду ждать ее у третьих ворот. Везучие ворота — тут и дерутся, и листовки развешивают, и вот свидание назначают.

Во дворе Мирка похвасталась мне:

— А меня-то Женька пригласил в волейбол играть!

— Но?.. А как же Славка? — вдруг спросил я.

— Что Славка? — насупилась Мирка.

— Ну, это... — я растерялся.

— Дурак ты, комиссар, и не лечишься! — бухнула она, дергая головой, и убежала.

Славка, оказывается, отстал, и никто этого не заметил. Вообще, в теперешней нашей суматошной жизни медлительный и молчаливый Славка как-то потерялся. Я подождал его, и мы пошли рядом. Что сказать ему насчет Мирки? Нечего... И мы бросаем, и нас бросают!..

Ключ лежал в трещине. Родители не любили сидеть в этом семейном склепе, как говорила мама, и чуть чего — уходили в гости. Я съел кусок колбасы с хлебом, завел будильник на без пятнадцати пять и прилег на постель, потревожив Вуфа. Он судорожно, точно умирая, потянулся и потом лишь открыл глаза. Борька прямо наколдовал — Вуф так и прилипло к котенку. Выступают

Вов и Вуф!.. Таскать шахматные фигуры я его, конечно, не научу, а вот под гитару он у меня замыкает, пусть только окрепнет чуть-чуть!.. Но чем бы я ни занимал себя — Марийкой, колбасой, Вуфом, — я все равно видел пляж, видел, как я выскакиваю на берег и кричу «тонет» вместо того, чтобы самому кинуться и спасти Люську. Хоть бы поколебался, а то даже и мысли не было. Утешало немного то, что и никто из наших не кинулся. А кто кинется, если комиссар стоит и орет?.. Красивая получается картинка: я уговорил Славку стянуть камеру, я подзадорил Борьку с Люськой уплыть на глубину, а как беда — меня тютю. Хорош Гусь!.. От раздумий заболела голова, и я уснул.

А проснулся раньше будильника, от боязни опоздать.

Умылся, еще раз пожевал колбасы и не спеша двинулся на свидание, которое было уже не совсем деловым. Я решил, что не сразу поведу Марийку к Нинке, а прогуляюсь с ней по палисадникам, покажу, в каких кустах надежнее прятаться, покажу, где играем в ножичек, где росла ветка-мостик, и саму засохшую ветку покажу...

И вдруг голос...

— Ваш правый!

Я был против крыльца Бобкиных. На нижней ступеньке сидел Юрка, с синяком под левым глазом, который заплыл и налился краснотой. Юрка выжидательно-робко смотрел на меня, уверенный, что я пройду мимо. И я бы прошел мимо, если бы не увиденная сцена под грибком, которая задела меня и которую хотелось выяснить. К тому же непонятной была эта неожиданная выходка Юрки: избегал-избегал нас и вот тебе — сам лезет в пасть.

Юрка чуть выждал — не уйду ли я все-таки, — подошел и, со сдержанным удовольствием запустил руку в мой правый карман, вытащил расческу. Ухмыльнувшись, он провел ногтем по ее зубцам, продул их и глянул на меня. Подтек был ужасным, у меня аж слезы навернулись.

— Ладно, — сказал Юрка, прощая для начала, — и спустил расческу обратно.

Для какого начала? не понял я.

— Ну, вообще... Мы же давно не проверяли... Лезь!

И он подставил мне свой правый. Я сунулся и извлек зажигалку и девять копеек, ровно столько, сколько можно

брать. Надавил зажигалку — загорелась. Чудеса! Юрка, не клавший в карман и пуговицы, так оплошал! Ведь и крикнул первым, мог бы переложить!.. Все ясно — нарочно.

— Ладно, — сказал я. — Прощаю.

— Никаких прощаю!.. Прошлепал — все! Закон!

— Тогда расческу возьми.

— Кого мне, бабку Перминову чесать? Я же лысый.

— А зачем мне зажигалка, я же не курю. А ты что, начал потягивать?

— Иногда. Заставляют, — ответил он и пощупал синяк.

И тут я спросил:

— За что тебя Блин?

— Видел?.. Подлюга! Я ему еще устрою! — стянув губы кисетом, пригрозил он. — А ветку не я спилил, не думай! Что я, дурак — свои ветки пилить. Без меня они. Я даже поцапался, когда узнал. И Генку ударил не я — Блин.

Я удивился:

— А вы что, Генку били?

— Да не били... Просто он бежал куда-то, мы его подозвали. Блин и спрашивает: ты что, мол, тоже в «Союз чести» вступил? А он — вступил, говорит. А ну, говорит, доставай билет и рви, Блин это. Он всегда так — чтобы человек сам себе вредил... А Генка — нет, говорит, не порву. Порвешь, говорит, и по носу его — раз! Кровь! Ну, мы и драть...

— Ах, вон это когда! А Генка сказал, что запылся... Ну, и гады же вы!

— Вовк, я с ними кончил! — торопливо заговорил Юрка. — Намертво завязал! Вот чтоб мне!..

Я перебил его:

— Постой, а вы что, и про «Союз Чести» знали?

— Знали, — почти радостно признался Юрка.

— Откуда?

— Да вот я нашел, — Юрка быстро вынул из левого кармана бумажный прямоугольник и протянул мне.

Я обалдел, узнав членский билет. Раскрыл — Томкин! Вот разиня, вот квашня — потеряла! Или выбросила?.. Потом разберемся! Я спрятал его в карман и опять уставился на Юрку — какую же подлость он мне еще выложит. Он как тубик с подлостями — только нажимай!

Но Юрка молчал, растирая скулу под синяком и глядя в землю. Он точно ждал наводящих вопросов, как троечник у доски, и я спросил:

— А Анечкин огород?

— Мы... Но тоже не я. Дыба с Кока-Колой. А мы с Блином рыбачили.

— Все не ты!.. Там не ты, тут не ты. А ведь все ты! Ты рассказал, ты показал, ты намекнул. А дальше как Блин — чужими руками!

— Ну, ты не очень-то! — огрызнулся, наконец, Юрка, кусуче зыркнув на меня здоровым глазом. — Я говорю — кончил с ними, и все!.. Чтоб вы знали, а не чтоб читали мораль! Мораль я сам себе прочитаю!

— Ладно, — сказал я. — Ну, а Блин-то тебя за что сегодня?

— Да тоже поцапался, с Дыбой... — Он поморщился, покосился на солнце, не сразу решаясь на полную откровенность, и вдруг сказал: — В общем-то, это Дыба камеру под Люськой порезал.

— А-а! — задохнулся я, — как это мне сразу в голову не пришло?

— Но тут я — пас! Вот чтоб мне!.. Я наоборот. Блин послал его, а я говорю: подождите, мол, другой сядет, а то Люська не умеет плавать. Ничего, говорит, там мелко. Там и правда было мелко, но пока Дыба шел, Борька утолкал камеру на глубь, видно. А Дыбе что, он бестолочь, он поднырнул и бритвой — чирк! Ну, и это самое... — Юрка глянул на меня и отпрыгнул, отчаянно крича: — Бить?.. Давай! Я не убегу, как тот раз!.. Я тебя уделаю так, что не захочешь!.. Думаешь, меня все могут бить, и наши и ваши?.. Шиш!

На крик выскочили соседи, спрашивая, в чем дело.

Я расслабился, отвернулся от скрюченного в защитной позе Юрки и молча направился к третьим воротам.

НУ, ХИТРЕЦЫ

Концерт был назначен на сегодня.

На всех домах уже висели афиши, с театральной маской вверху, одна половина которой смеялась, другая пла-

кала, — Борька постарался. Но Нинка сказала, что афиши афишами, а еще нужны пригласительные билеты в каждую квартиру — вот тогда будет публика!

Нинка впрягла всех с самого утра, освободила только меня и Борьку. Борька сел за пригласительные, а я — за частушки. Кроме тех трех куплетов, ничего не было. А это разве борьба? Надо всех пробрать и в первую очередь Лазорского, который хоть бы палец о палец для нас стукнул!.. Сейчас я ему врежу! Как там кончается куплет?.. «Вот бы сделать спортплощадку там, где зреют огурцы...»

Ага... А дальше так... «Мы бы сделали и сами, если б дали огород...» Какую бы рифму к «сами»?.. «Огурцами» уже были, усов ни у кого нет...

И только я приблизился к цели, как влетел Борька.

— Гусь, давай стихи на пригласительный!

— Некогда, себе сочиняю.

— А пригласительные мне, что ли?.. Давай, а то Нинке скажу, она заставит.

— Ну, на-на!.. Что там тебе надо? Уважаемый сосед?.. Пожалуйста, — и я застрочил на бумажке. — «Уважаемый сосед!.. Приглашаем на концерт!» На и отвяжись!

— Мало! — сказал Борька. — Куда приглашаем? Что смотреть?

— О, нашел Пушкина!.. Хотя... где наша не пропадала. Дай-ка! — Я взял листок и приписал: — «Торопись под третью крышу!.. Что смотреть?.. Смотри афишу!..» На, Кощей Бессмертный!

— Во жарит! Во комиссарище! — воскликнул Борька и убежал.

Едва я снова задумался, заскочил Генка.

— Нинка коврик какой-то просит... Говорит, ты обещал.

— А, черт!

Я достал «Богатырей», отдал Генке и сел. На пригласительных стихах я набрал такую скорость, а тут тормозят!.. Значит, мы бы сделали и сами, если б дали огород... Сам — с усами... Как бы Лазорскому усы приляпать?.. Ха! Сам с усами! Это же не обязательно усы иметь!.. И я живо dokonчил куплет, и еще какой! Степан Ерофеевич только крикнет!..

Не успел я переписать его начисто — опять примчался запыхавшийся Генка и сказал, что Нинка меня требует немедленно, потому что есть идея, с которой без меня не справиться. Я любил быть там, где без меня не справляются, и мы понеслись к Куликовым. Оказалось, что Нинка решила крыльцо превратить в настоящую сцену, а для этого его нужно чем-то закрыть сверху.

— Тогда и темней будет, и уютнее, и вообще! — сказала Нинка. — Подумай, по-мальчишески!

— А частушки?

— Хватит сколько есть. Все равно ты еще на руках ходишь. Сцена важнее... Бери Славку и думайте.

Мы со Славкой задрали головы, переводя взгляды с одних сцен на другие. Метра три с гаком... Можно просто: две жерди и доски, но где их взять?.. К Лазорскому сходь. Не насовсем же, вернем после концерта. Я сказал Славке, и мы пошли к управдому.

Лазорский, раздетый по пояс, сидел на крыльце и хрумкал огурцом. Мы ему выложили просьбу. Он подумал, доел огурец и повел нас в свой огород.

— Вот такие сгодятся? — спросил он, указывая в подсолнухи, за морковную грядку, где вдоль забора лежал штабелек длинных брусков пять на пять.

— У! — гуднул я. — Самый раз.

— Берите пару.

— А можно три, чтоб не провисало?

— Берите три, но не сломайте. Сцена — это хорошо, а мне забор надо перегораживать.

Бруски были новенькие — белые и пахли смолой. Мы отделили три штуки и понесли. Лазорский развалисто шел впереди.

— А вы читали программу концерта? — спросил я.

— Читал. Существенная программа.

— А придете?

— Не знаю. Разве что оградные частушки послушать.

— Конечно. Там даже один куплет про вас есть.

Лазорский остановился и, обернувшись, спросил:

— Про меня?.. Это какой же?

— А вот приходите — услышите.

— А все-таки?

— Не можем — концертная тайна! — гордо заявил я.

— Ишь ты. А если что нехорошее?
 — Все равно тайна.
 — А ну-ка опустите пока бруски. А то, я смотрю, вам тяжело держать их вместе с тайной-то, — добродушно, но твердо сказал вдруг управдом.
 — Да что вы, Степан Ерофеевич, ничего плохого про вас! — воскликнул я.
 — Опустите-опустите... Вот так... Так что там про меня?
 — Да то, что...
 — Стихами-стихами, — перебил Лазорский. — А то не выпущу.
 — Пожалуйста! — небрежно сказал я. Черт меня дернул выболтнуть! Не отказываться же теперь от брусков! И я прочитал:

Нам приходится несладко,
 Дяди, тети и отцы!
 Вот бы сделать спортплощадку
 Там, где спеют огурцы!
 Мы бы сделали и сами,
 Если б дали огород.
 Но Лазорский, сам с усами,
 Огорода не дает!

Лазорский шоркнул пальцем под своим носом, точно проверяя, нет ли в самом деле усов, и воскликнул:
 — Ах, вон куда прицел!.. Так-так. Сейчас я кое-что начинаю понимать. Значит, в лоб не удалось, решили сбоку ударить!

— В какой лоб? — спросил я.
 — Анечкин огород — это что, не лоб?
 — Это не мы. Вы сами разбирались.
 — Вас разберешь! На то вы и ребята, что — хватать! — и концы в воду!.. А на меня частушки зря сочинили. Народ хозяин над огородами, а я тут — ноль без палочки. Так что, Кудыкин, вычеркивай свои куплеты к чертовой матери! Прославите ни за что на весь город. Мучитель детей, скажут. Вычеркивай.
 — Ну, тогда сами вместо частушек выступите и потренируйтесь, чтобы нам дали место! — заявил я.
 Растопырив толстые пальцы, Лазорский прижал к груди ладонь и умоляюще протянул:

— Ребятки, ну какой дурак, извините, отдаст вам свой огород под футбол? Вы подумайте!
 Славка не выдержал и сказал:
 — А разве дядя Федя дурак?.. Он нам отдал весь свой огород. Пять метров!
 Лазорский нахмурился.
 — Это какой дядя Федя? Федор Иванович?.. Ну, милые, не знаю. Если уж вы меня лично берете за горло, то пожалуйста — метр от моего огорода режьте! А чтобы весь — вы хоть на вокзальной площади пойте про меня — не дам.
 — Метр — что? Один да пять — шесть, — грустно подвел я. — На шести метрах только семечки щелкать.
 — Не знаю, — повторил управдом. — Говорите с народом сами, а меня ни в частушки, никуда не втягивайте. Обещаете — берите бруски, а нет... — он расстроено махнул рукой.
 Жаль было сдаваться, но Степан Ерофеевич так серьезно расстроился, и так нам требовались бруски, что я сказал:
 — Обещаем, — и вздохнул.
 — Ну и молодцы.
 — Только нам бы еще три-четыре доски метра по два.
 — Глянем в сарайке.
 Все нам дал Степан Ерофеевич, даже гвозди и молоток, буркнув, что у Куликовых, наверно, и этого нет. Мы сложили бруски носилками, погрузили доски и пошли. Щедро уплатил управдом за куплеты, за нашу борьбу. А писать другие, безуправдомные, стихи уже было некогда. Что же делать? Неужели концерт вхолостую выстрелит?.. Горько пережевывая весь разговор с Лазорским, я вдруг в последних его фразах уловил какой-то пульс. Станный я комиссар — сам почти ничего не выдумываю, а все подхватываю да улавливаю... Пульс этот так растокался, что я замедлил шаги. Стой-стой, да это же гениальная мысль! Я выронил бруски, так что загремели доски, быстро повернулся к Славке и, протянув к нему руки, крикнул:
 — Славка, ура-а!.. Сегодня будет революция!.. Сегодня мы получим землю, как крестьяне в семнадцатом году! Вот от этого столба, — я хозяйски зашагал вдоль забора. — И вот до этого!.. Пять огородов! Хватит?

— Хватит,— невесело сказал Славка.

Он не верил. Я рассмеялся, подхватил бруски и у крыльца Куликовых шумнул:

— Эй, люди!

Я хотел им объявить о сегодняшней революции, но вместе с нашими девчонками выскочила и Марийка, прибежавшая без нас. Я обрадовался, но осекся — Марийка была еще не нашей. Но девчонки и так возликовали, увидев столько строительного материала и решив, наверное, что для этого я их и звал. Эх, курицы близорукие!

С перекрытием мы со Славкой провозились недолго. Затащили все на крышу дома, сколотили там прямо против крыльца раму, обтянули ее тремя старенькими одеялами и, спустив на сени, подвинули вплотную к стене. Рама легла точно на оконные наличники. На кухне, конечно, сразу потемнело, и девчонки довольно загудели.

Потные и усталые, мы сунулись было напиться, но артистки завизжали, и тетя Маша, помогавшая им подготавливать костюмы, вытолкала нас.

— Вова, подожди! — крикнула Томка и вынесла мою белую, с нашитыми на грудь красными полосами, царскую рубаху, сделанную из отцовской. — Давай примерь еще раз... Пошли вон к тете Маше.

— Мы же вчера кончили.

— Значит, нет, раз говорю! — Тут уж была ее власть — она портняжничала.

Мы оказались в тихой тети Машиной квартире.

Томкин билет «Союза Чести» все еще лежал в моем кармане. При всех я решил не стыдить ее — что с нее возьмешь? — а наедине оставаться с ней избегал, чуя в этом какую-то неприятность для себя.

— Ты как будто боишься меня, — обиженно упрекнула Томка.

— Чего это мне тебя бояться?

— Уж не знаю... Надевай.

Я скинул свою выпачканную ржавчиной рубаху, вытер о подол пальцы и осторожно натянул царскую рубаху. Томка велела поднять руки и заходила вокруг, что-то подергивая и просматривая.

Ты вот скажи, где твой членский билет? — спросил

я, заранее усмехаясь над тем, как она будет выкручиваться.

Томка испуганно замерла передо мной, сложила ладони лодочкой и прошептала:

— Потеряла... Ругай, Вов, не ругай — потеряла!

Признание как-то смутило меня, и вместо того, чтобы дать ей нагоняй, я просто вынул билет и протянул ей, сказав только:

— На, растеряха.

— Нашел?.. Ой, Вовка! — Она схватила мою руку вместе с билетом. — Надо же, ни кто-нибудь, а ты нашел!.. Примета! — протянула она загадочно-слащаво.

— Не примета, а Юрка нашел, — сказал я, опять поднимая руки.

— Бобкин?.. Вот паразит, везде успеет!.. А ты никому не говорил?

— Нет.

— Ну и молодец!

— Да уж молчала бы! — Я поморщился, второй раз зарабатывая сегодня этого «молодца», и все за то, за что надо бить по шее.

— Вов, ну что ты все дуешься на меня? — капризно спросила Томка, близко уставясь в мои глаза. — Ведь все равно... — она замялась.

— Что? — не понял я и нахмурился.

— Помнишь мой секрет?.. Ты все равно влюблен в меня! И лучше не дуйся!

— Влюблен? — крикнул я, сдергивая с себя царскую рубаху так, что она затрещала. — Да я скорей в бабу Перминову влюблюсь, чем в тебя! — и вылетел вон.

Ведь живу спокойно, ничем не трогаю человека, даже наоборот, оберегаю от лишних шишек, так нет, надо лезть со своей влюбленностью!

— Что? — спросил стоявший у крыльца и разгибавший проволоку Славка, когда я уперся в него невидящими глазами. — Давай занавес делать.

— Давай... Только я пробежусь маленько, — сказал я и, как главный скороход какого-то тридевятого царства, вдавил по двору.

К шести часам все было готово: костюмы, декорации и занавес. Отличный занавес из четырех простыней. Хватило

бы и трех, но тогда он был бы плоским, как экран, а тут собрались настоящие складки. Подвешенный на шторные зажимы, он легко скользил по проволоке, натянутой под самым бруском перекрытия. Дунешь — откроется. Моя и Славкина работа!

«Богатырей» Нинка приказала повесить между окон, чтобы вся сказка шла на этом фоне. А Борька сдурел — целый день ухлопал на пригласительные. Но зато вышли они — хоть в оперный иди: снаружи — маска, как на афише, внутри слева — музыкальный ключ соль, набрызганный акварелью, справа — мои стихи, написанные зеленой тушью.

Но мне до семи тридцати оставалось еще два дела: написать задуманное обращение к народу и постричься. Обращение получилось длинным. И только в семь я побежал стричься. Я пересек двор и торопливо, не поднимая головы, взбежал на крыльцо тети Шуры-парикмахерши. Нашего брата она не стригла, она делала женские прически. Но я решил попробовать. Тете Шуре я не досаждал давно, старые обиды не в счет, а что я крикнул про мыльную воду, так тети Шуры не было дома.

Я вошел.

Посреди комнаты сидела на стуле женщина. Голова ее была часто утыкана какими-то прищепками, от которых вверх, к электрическому натрону, тянулись провода — прямо пытка готовилась. Тетя Шура, в темно-сером не платье, а вроде мешка, безжалостно проверяла провода, а с печки за ней одобрительно наблюдала белая кошка — все как у ведьмы. А тут еще кошка сиганула с плиты — да ко мне и давай, вздернув хвост и мурлыча, крутить восьмерки вокруг моих ног — околдовывать меня.

Не знай я тетю Шуру четыре года, я бы испугался, а тут я понял: это, наверно, завивка, после которой женщины обычно сидят на крыльце и сушат кудри, склонив голову набок, как Аленушка у пруда.

— Здрасьте, — сказал я. — Вот вам, тетя Шура, пригласительный на наш концерт.

Точно не слыша меня, тетя Шура еще раз потихоньку подергала все провода разом и щелкнула выключателем на стене. Я поднял плечи, ожидая, что женщина сейчас

вскрикнет, или задержается, или загудит, как стиральная машина. Но она и ухом не повела.

Тетя Шура подошла, взяла билет и разглядела его.

— Хорошо сделали.

— Это Борька. Он и афишу написал!

— Читала... Что это у тебя там за «Гимнастический этюд»? — сурово спросила она.

— Это не этюд, это вверх ногами буду ходить.

— Я так и подумала. Уж знаю твои этюды.

— Но я еще в пьесе играю, Ивана-царевича, — ввернул я.

— Ого!.. Хорош царевич! — тяжело усмехнулась тетя Шура.

— Мне бы чуть подстричься, тогда бы... — сказал я.

— Садись! — вдруг коротко бросила она и указала на табуретку, указала глазами, а как будто пятерней схватила и усадила.

Достав из сумки на столе черную электрическую машинку, тетя Шура включила ее в розетку, повернула меня затылком к свету и так жадно врубилась в мою гриву, что пролысина от шеи до лба появилась скорее, чем я заикнулся о чубе.

— Нафорсишься еще! — сказала парикмахерша, угадав мой порыв. — Сколько лет? Тринадцать? Нафорсишься!.. Летом стригись наголо. Волос будет лучше.

— Дергает! — крикнул я.

— Волосы мокрые... Ну, отрастил!

— Ой, тетя Шура!

— А что я сделаю?.. Не можешь терпеть — иди посиди на крыльце, проветришься, а я тетю обслужу.

Я вышел, сел на нижнюю ступеньку, чтобы не видели со стороны, и пощупал голову. Над ушами торчали вихры, а посередине было чисто, как бульдозер прошел. Вдруг на меня налетела, прямо упала Томка, выскочив из-за угла.

— Ты что ослепла совсем? — буркнул я.

— Ой, извини... А что это у тебя?..

Я прикрыл плешину ладонью.

— А ты не смотри! Это тетя Шура... Я остываю... А ты почему не на сцене? Сейчас начало. Не выступаешь, так хоть помогай!

— Мне надоело... Я вообще не пойду на концерт,— и Томка брезгливо дернула губами.

Я убрал с лысину руку и выпалил:

— Ну и катись колбаской!

— Фу! — фыркнула она.— Я думала, ты лучше всех мальчишек, а ты...— И она скрылась в сених.

Тетя Шура благополучно достригла меня, и я помчался к Куликовым, крыльцо которых зрители охватили уже большим полукругом. Я увидел тут и ребят из соседнего двора, и отца с мамой, и Лазорского, и всех-всех. Малыши запрудили подступы, и я едва пробрался на сцену, гордо вслушиваясь в одобрительное разноголосье зала.

— Накойец-то! — воскликнула Нинка.— Где тебя носит? Пора начинать!.. А-а, ты как подстригся? Почему наголо?

— Чтоб волосы лучше росли.

— О, господи! — Нинка закатила глаза.— Тебе теперь только Кощея играть!.. Вот твой костюм, иди к тете Маше, горе луковое. Там ваша раздевалка.

До ужаса размалеванный Кощей Бессмертный, в купальной шапочке на голове, которая означала лысину, расхаживал из угла в угол тети Машинной кухни, подметая пол длинным халатом, с наклеенными ребрами, Славка в медвежьей маске стоял перед зеркалом еще без шубы и время от времени рычал. Генка с усиками, мой сказочный брат, приноравливался, как он будет стрелять из лука. Бедный Король Морг бродил между этими полужнакомыми фигурами, принохивался и не знал, где пристесть.

— Ха-ха! — крикнул я и начал переодеваться.

— На-чи-най! — требовал зритель.

Влетела Нинка.

— Готовы?

— Да,— сказал я.— Где лук и стрела?.. Вон. Все.

— Мирк, давай.

Мы столпились за занавесом. В улыбающейся, разрумяненной кукле, на которой были цветная длинная юбка и широкая кофта, я едва узнал Марийку. Она играла купеческую дочь, невесту Генки.

Мирка отмахнула сперва одну половину занавеса, потом вторую, вышла на середину и сказала, что наш вто-

рой концерт начинается, что вообще-то во дворе много бывает концертов, но такой — второй.

— Вон мой папа,— шепнул я Марийке углом рта.— Вон возле того смешного дядьки в очках.

— Вижу. Красивый. И на тебя похож. А дядька в очках — мой папа.

— Но?.. Тоже ничего, но смешной. И на Женьку похож.

— Все папы на детей похожи.

Мирка представила нас, назвала все роли и задернула занавес.

— Братья, марш! — прохрипела Нинка.

Мы с Генкой выскочили и сразу давай жаловаться друг другу, что вот скоро умрет царь-батюшка, разделим мы его владения поровну, а вот как, горемычные, будем жить в одиночестве?.. Сперва у меня была сухость в горле, слова протаскивал еле-еле, как санки по земле, а потом разговорился и — эх, братуха, говорю, давай, говорю, женимся, и пусть вот эти стрелы каленные укажут нам суженых, то есть, говорю, невест. Генка захлопал глазами, потому что этих слов в роли не было, но смело ответил, что давай. Натянули мы луки кленовые, оглядел я просторы зеленые, вижу — на дубе-дровянике сидит-лежит Соловей-разбойник — Юрка Бобкин. Я не целясь — хрясть! Улетела стрела в сырой огород, и наша сказка началась...

Грому было — после каждого выхода. Особенно досталось Кощей и его дочери Кошеевне, которую играла Люська. Смуглая, в черном платье до пят, с глухим воротом под самую челюсть, с тупыми, словно обрубленными, косами, Люська поразила всех. А Нинка подсвечивала сбоку синей медицинской лампой, и Кошеево царство выглядело омертвелым.

Сказка заняла много времени, и мы решили второе отделение сократить. Оставили четыре лучших номера. Мирка с Марийкой спели песню про геологов, потом вышел Славка, раздетый по пояс, а мы вдвоем едва вынесли за ним двухпудовую гирю. Славка проделал с гирей разные упражнения двумя руками и даже, лопаясь от напряжения, выжал ее одной и удалился под аплодисменты, оставив гирю на краю крыльца. Тут из-за кулис

вылетел Борька и пнул эту гирию в зрителей. Она упала на колени тете Зине Ширминой, которая секунду тупо смотрела на нее, потом вскинула голову и по-девчачьи завизжала. Дядя Федя, стоявший за ней, поднял гирию и гулко забарабанил по ней кулаком, показывая, что она картонная. Зал так и покотился со смеху.

Король Морг провыл «Песенку Герцога» очень серьезно, даже печально, как бы намекая, что поет последний раз, и аплодировали ему тоже серьезно.

Наконец Мирка объявила мои частушки.

Генка потянулся к баяну, но я остановил его и один вышел на сцену. Какой-то момент я молча оглядывал публику, сгибая и разгибая пальцы левой руки, как проволоку, которую надо переломить. Марийкин отец что-то шепнул моему, и мой кивнул. Лазорский притулился к краю, внимательно и хмуро скособочив голову.

— Мы извиняемся, но по техническим причинам частушек не будет, — сказал я, напряженно улыбаясь, весь дрожа внутри и боясь, что дрожь эту видят все. — Мы и так много навеселились, больше, чем хочется, потому живется нам, уважаемые дяди, тети и отцы, не очень сладко. Вот вы сейчас разойдетесь по своим домам, а у нас во дворе нет даже собственного угла, кроме подкрылечника и крыши. А угол этот нам нужен вот так!.. Мы тут поговорили с дядей Федей и со Степаном Ерофеичем. Они нас поняли. Дядя Федя отдал нам огород целиком, а Степан Ерофеич отделил от своего метр. Но этого мало. И вот мы обращаемся к остальным: отрежьте каждый по метру от огорода — и нам хватит! Всего по метру!.. Мы даже список составили. — Я вынул из кармана вчетверо сложенный лист, расправил его и спустился на нижнюю ступеньку. — Вот тут все квартиры. Кто согласен, пусть распишется, чтобы потом не обмануть... А осенью мы сами передвинем заборы...

Малыши поразевали рты, а на взрослых как будто ветерок дохнул — загомонили, зашептали, задвигались.

— А когда это мы вас обманывали, не припомню что-то? — спросила тетя Надя, Миркина мать, с одним из Миркиных братцев на руках.

— Не знаю... — замялся я.

— А чего ж с росписями торопитесь? Если уж согла-

симся, то согласимся, а нет, так нет... У меня берите метр, шут с ним, одной грядкой больше, одной меньше.

— Надо, надо, товарищи! — вдруг зычно призвал управдом. — Хорошие, чуткие ребята, надо помочь!

— Да по метру каждый даст, чего тут обсуждать!

— Резвость, она для детей все. А тут еще вон подрастают. Сегодня в песке возьтятся, а завтра мяч давай!

— Возьмите, возьмите!

— Режьте, бог с вами, а за концерт спасибо.

— Ну, хитрецы, обошли на повороте!

Все рассмеялись, встали и захлопали.

Я скомкал список, бросил его и хотел подняться к друзьям, но они сами спустились ко мне, глядя на меня с осторожным восхищением. Небось, все позабыли с концертом и то, что я комиссар. Но я не забыл и не забуду. Я задорно подмигнул им, и мы тоже ударили в ладоши, удивленно понимая, что в этих аплодисментах рождается новый большой союз.

СОДЕРЖАНИЕ

Удар поварешкой	3
Гибель Анечкиного огорода	17
Неожиданное открытие	28
Томкин секрет	35
Концерт	46
Новые Юркины приятели	57
Внезапные осложнения	69
Драка	78
«СЧ»	90
«Союз Четырех» — это мало!	100
Пароль — Кракатау	111
Операция «Метла и лопата»	121
Сильнее забора	132
Чужой двор	142
Крик на реке	151
Ну, хитрецы!	161

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Геннадий Павлович
Михасенко

НЕУГОМОННЫЕ БЕЗДЕЛЬНИКИ

Ведущий редактор *А. Ларин*
Редактор *Е. Безуглая*
Художественный редактор *Д. Лемко*
Технический редактор *Т. Костенко*
Корректор *Л. Берникова*

Сдано в набор 01.06.93. Подписано в печать 02.08.93. Формат 84 x 108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1080. С 37 «Золотая аллея» 248601, Калуга, пл. Старый торг, 4. Ордена Трудового Красного Знамени ЦО «Детская книга» Минин формпечати РФ 127018, Москва, Суэцевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

**СПОНСОР ИЗДАНИЯ —
ГОРНО-ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ
«РОССИЙСКИЕ НЕДРА», ЛТД.
РАЗРАБОТКА МЕСТОРОЖДЕНИЙ
СТРОИТЕЛЬНЫХ
И НЕРУДНЫХ МАТЕРИАЛОВ.**

АДРЕС: 248016, КАЛУГА, ул. ЛЕНИНА, 57.